9(с)1(С17)
Т-43

Ш. Тлеев.

Очерки по истории Башкирии.

Уфа, 1930.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

26/III 59 № 231
25/II-60 № 142
1961 г.
3/III Стеблина
5/III Стеблина
19/III 61 Стребкин
19/III-61 [illegible]
17/IV-62 - [illegible]

Колич. предыд. выдач _____

9(с) (с17)
Т-43

Татищев. Ш.

Очерки по исто-
рии Башкирии.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

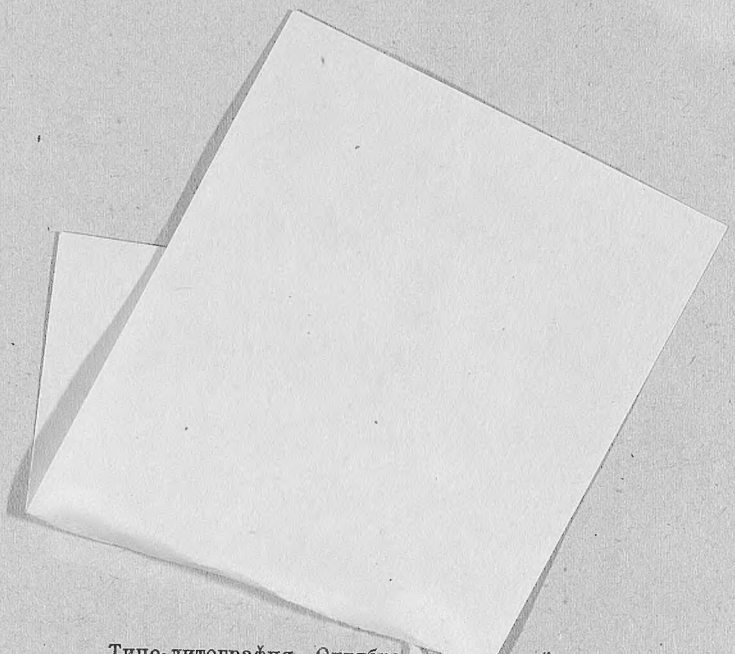
Ш. ТИПЕЕВ.

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ БАШКИРИИ

92389
ПРОВЕРЕНО
2007

Башкирское Государственное
Издательство.

УФА—1930 г.



Типо-литография „Октябрьский Натиск“.

Башглавлит № 447. Тираж 10.000 экз Заказ № 712.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Автор в этом издании стремился, насколько возможно, дать, более или менее, цельное изображение исторического развития Башкирии.

При составлении этого труда, автором были использованы материалы, главным образом, из следующих источников: „Справочная книга“ Уф. Стат. Управления, издание 1883 года; „Статистический сборник“ Уф. губ. земства, т. I, издание 1898 года; „Очерк из жизни дик. Башкирии“ Ремезова, издание 1887 года; „Вестник“ Оренбургской губ., изд. 1915 года; „Россия“, географические описания нашего отечества, том. V; „Труды научного общества БАССР“, изд. 1923 года; „Пройденный Путь“, издание Башистпарта; „Рабочее движение за 70 лет“—Гуран; „Башкирские части в гражданскую войну“—Туракаева и архивные документы, а также и новые сведения из опубликованных статей последних лет.

Нужно отметить, что при использовании материалов из других источников автор брал то, что может служить фактическим материалом по изучаемому вопросу.

Автор не пытался дать исчерпывающего перечня литературы, исходя из соображения, что без оценки называемых книг такой перечень не имел бы никакого значения для читателя не специалиста.

Большинство ранее изданных очерков по вопросам хозяйственно-политического развития Башкирии были написаны под влиянием или русского шовинизма и христианства, или тюрко-татаризма и исламизма, или же башкирско-вотчинного национализма.

Башкирский читатель до сего времени не имел систематизированного, доступного труда, правильно изображающего борьбу угнетенных против угнетателей. Потребность в такой книге очень большая. Удовлетворить эту потребность одним очерком, конечно, невозможно. И эта преподносимая книга не может полностью удовлетворить ее. Она лишь облегчит читателю возможность правильно и связанно представлять историческое развитие Башкирии и борьбу угнетенных с угнетателями в ней.

Автор отлично сознает все недостатки этого первого издания. Он никогда бы не решился выпустить в свет этот очерк в таком виде, если бы не крайний недостаток сколько-нибудь удовлетворительной литературы по истории Башкирии на книжном рынке.

Автор считает необходимым также отметить, что он не располагал достаточным количеством свободного времени для систематической глубокой исследовательской работы по данному вопросу. Поэтому пробелы неизбежны. Надеюсь, что в будущем эти пробелы будут преодолены.

Т.т. Самойлову Ф. Гирфанову К., Гурану, Кийкову, Руденко, Туракаеву и др., статьи коих использованы здесь, приношу глубокую благодарность.

Считаю своим долгом выразить чувство признательности т.т. Давлетшину Губею и Кирьянову С. Л. за их подготовку к печати русского текста, прерванного мной вследствие внезапной болезни 29 года.

АВТОР.

20/VIII—29 г.

ГЛАВА I.

Древние обитатели Башкирии.

Изучение угасших культур на юге Азии и на территории нашего Башкирского края должно также представлять большой интерес для разрешения вопросов древности. Можно надеяться, что в ближайшие годы исследователи Ближнего Востока подарят науке ценные труды по изучению древнейших остатков человека и его трудовых следов.

На всем земном шаре мы находим следы трудовой деятельности человека; его орудия, погребенные в речных наносах, свидетельствуют о глубокой древности первых проблесков человеческой культуры.

Рассматривая нашу область, в частности Южное Приуралье, можно отметить следующее. В большей части его до настоящего времени не найдено несомненных культурных следов палеолитической эпохи, но нет ничего невозможного в существовании одновременно с мамонтом, носорогом и другими млекопитающими близ Среднего и Южного Урала и человека.

Памятниками же каменного века ранней и позднейшей неолитической эпохи Приуральский край и, в частности, Башкирия изобилуют.

Изделия из камня для потребностей домашнего обихода, охоты, найденные здесь, уже достигают в эту эпоху довольно высокого искусства. Особенно обильно встречаются долото из кремня и опоки, молоты и песчаниковые топоры, стрелы, копья, скрепки и проч., при чем они открываются не гнездами, а в разброску. Здесь в расцвете каменного века появляются уже изделия из металла, последнего Уральские горы давали неистощимый запас. Последовала медная эпоха. В эту эпоху по западному склону Урала из меди выделывали топоры, серпы, молотки, кайла (земледельческие орудия).

Особенно много было меди, главным образом, в чистом виде, а отчасти с примесью олова—по Уралу в так называемых чудских копях [1]). Дальше, особенно на Южном Урале и в Приуральских могильниках находятся следы и бронзового века. Самыми интересными памятниками времен древности являются железные орудия. Человек научился уже их употреблять и положил начало железному веку, не совсем еще отказавшись и от каменных орудий. Среди найденных здесь предметов имеются топоры, секиры, кинжалы, копья, стрелы, кольца, браслеты, пряжки, ножи, точильные камни, шила, иглы, буравы, серпы, долото и т. д. Главным образом, бросаются в глаза изделия предметов вооружения: секиры, кинжалы. В начале железного века изделия из железа грубы и дают впечатление простого воспроизведения медных и бронзовых изделий. На ряду с металлическими встречаются изделия из глазурованной глины, камня (боевые молоты), кремня (стрелы).

---

[1]) Чудские копи—очень узкие, иногда глубокие входы под землей.

Следует, наконец, отметить, что в расцвете медного и бронзового веков появляются следы земледелия. Найдены семена гречихи и какого-то растения, напоминающего коноплю [2]).

Следов железной культуры много и в других местах.

Одновременно с железом чаще, чем в предыдущие эпохи, встречаются стекло, как предмет домашнего обихода и как украшение— бусы. Древнейшим жильцам нашего края требовалась неприступность жилья, т. к. тогдашняя территория представляла из себя дебри, где находились хищные звери. Поэтому, продолжением человека каменного века, можно предполагать, является „чудский“ человек.

Вкратце следует остановиться на судьбе этих древнейших чудских народов. Один из исследователей чудских городищ, Иванов, дает такую общую характеристику.—„Первое условие, что требовалось для жизни,— неприступность жилья, городища строились на высоких местах, скаты искусственно делались круче; у подножья горы— с одной стороны болото, с другой—река или озеро. От смежной высоты городищенская площадка отделяется тройной системой валов идущих от одного обрыва к другому.

„Площадка мала; на ней, если только там были строения, могло поместиться не более 10—30 дворов. Строения могли быть только деревянными. Нигде никаких следов камня нет. Находки вещей делаются редко на самой площадке, чаще вблизи от нее. Городища не разбросаны произвольно; они не стоят особняком; напротив, они кучатся вместе, отстоя одно от другого верст на 5—10, так-что представляют ассоциации групп городищ“.

Исторические данные доказывают, что современная территория Башкирии была занята именно племенем „Чуди“, а соседняя народами: мордва, чуваши, вотяки, пермяки, современные финны. Чуди были более культурны.

Они до рождества христова через скифов имели меновую связь с греками. Впоследствии, в первые времена христианской эры, эти племена подпали под иранское и арабское влияние, шедшее вместе с торговлей (простым сношением) арабов с Каспийского моря вверх по Волге, Каме, Белой.

Как видно, более древними оборигенами Башкирии не были башкиры, а „чуди“, башкиры явились сюда из северо-западной Азии, как башджардский народ, состоявший из двух племен.

ГЛАВА II.

Великая Башджардия.

Что влияло на переселение Башджард на территорию древней Башкирии? На переселение наибольшее влияние оказала сильная гуннская волна „великого переселения народов“ (четвертые и пятые века после Р. Х.). Эта волна, хотя сама и прошла лишь по среднему течению реки Яика (р. Урал), захватила своей струей и всю лесостепь. До этого лесная и лесостепная часть Западного Приуралья и южная часть нынешней Башкирии были заняты чудско-финскими племенами. И обитателями на южном пространстве страны были

[2]) О древнейших культурах Приуралья. Геогр. о-во, т. V.

„югоры“ или „угоры“ или, более известные, болгары. Можно полагать, что они, будучи вытесненными великим переселением, ушли с гуннами на юго-запад, а на их место появилось родственное им, живущее на северо-востоке (в юго-западной Сибири или Алтайских горах), племя „башджард“.

Угоры или болгары заняли северную область по рекам Каме, Волге, где позже образовали „великое болгарское торговое государство“, а „чуди“ слились с башджардами. Вотяки, вогулы, жившие в Приволжском бассейне, были оттеснены с юга мариями, чувашами и частью болгарами и прижаты к Северному Уралу.

Таким образом, гуннская волна или великое переселение народов имело большие последствия для горной, южной, а так-же и западной областей Урала. На Волжском бассейне образовалось два государства—хазар и болгар и на Южном Урале Башджардия. Хазары и болгары оказали в дальнейшем значительное влияние на историческое развитие Приуралья и, в частности, „Башджардии“ или башкир и маджар (венгер). Болгарское государство в IX-м, X-м веках действительно играло огромную экономическую и духовно-посредническую роль в культурных судьбах нами изучаемого края—Башкирии. Болгары являлись близкими проводниками влияний иранской и арабской культуры.

Первые, более или менее, ясные предания о башджардском народе относятся к X в. нашей эры. Арабские писатели Ибн-Фодлан и Ибн-Даста (912 г.) сообщают о кочевом племени, жившем между землей печенегов и землей болгар, в котором историки определенно узнают башкир и венгер. Писавший около 950 г.г. персидский историк Абу-Зеид Эль-Балхи упоминает о племени „башджардт“, распадавшемся на две группы—одна жила в соседстве с болгарами, другая—в соседстве с печенегами. Первые восточные писатели, сообщавшие о племени „башджардт“, совершенно определенно считают эти две группы одним племенем, при чем из их свидетельств устанавливается, что именем башджарды они в одинаковой степени называют как башкир, так и венгер. Европейские писатели (итальянец Плано Корпини и фламандец Руисбрук) указывают на существование в Московии венгерского племени, жившего в стране, которую они называют „великой Венгерией“ (XIII век). Они, повидимому, исходили из того, что башкиры занимали и те пространства, которые занимались до ухода соплеменниками венгерами. К XIII в. относят интересные путешествия венгерского монаха Иулиана (1241 г.) к башкирам. Узнавши из преданий, что часть венгерского племени осталась далеко на востоке, этот монах решил отправиться к своим братьям, с целью обращения их в христианство. По свидетельству Иулиана, благополучно вернувшегося из далекого путешествия, встреченный им народ понимал его речь, как и он сам понимал „восточных венгеров“, т. е. башкир.

Вопрос о происхождении башкир и их собратьев венгер привлек к себе большое внимание также русских и иностранных ученых. Почти все исследователи соглашаются на родстве обоих народов. В спорах о происхождении общего их предка—„башджард“ исследователей до нашего времени сильно затрудняло то обстоятельство, что обе группы первоначально единого народа сильно смешались с народностями, соприкасавшимися с ними в течение многих веков своей истории.

Для разрешения этого сомнения, необходимо сослаться на следующие явления такого же порядка. Когда славяне жили на склонах

Карпатских гор, они говорили совсем не тем языком, на котором говорят современные русские. Сейчас между карпатской Русью и современной Русью можно установить родство только через исторические предания и отдельные корни речи. Польские татары, ассимилировавшись, стали говорить или говорят сейчас на польском языке, а свой прежний язык для польского татарина остался, как историческое прошлое. Таких явлений можно привести очень много, поэтому в потере своего языка (разговорного) или расхождениях в разговорном языке, двух когда-то одинаковых народов, в связи с изменением условий жизни и места, нет ничего удивительного.

Современное изучение происхождения башкир и венгер, позволяет нарисовать такую схему происхождения башкир и истории их появления на Урале. Появившееся мадьяро-башкирское племя „башджжард“ слилось с одной частью чудско- и финско-угрских племен и с некоторыми ассимилированными племенами тюркского происхождения.

Известно, что в IX веке одна часть „башджжардского“ народа (будущие венгеры) двигается на Суздаль в Старую Угорию, увлекая за собой другие мелкие кочевые народы, направляется далее на юго-запад. Другая часть остается на Южном и Среднем Урале, и больше, глубже смешивается с окружающими тюркскими племенами, образуя башкирскую народность. Они занимают территорию, примерно, граничащую ныне на юге с Оренбургской, на севере с Красноуфимской, на западе с Мензелинской, на востоке с Верхнеуральской областями и нынешнюю территорию Свердловского округа. Эту территорию после ухода соплеменных башкирам венгеров можно назвать древней родиной башкирского народа.

ГЛАВА III.

Племенное происхождение башкир и их быт.

Откуда происходят башкиры, достоверно неизвестно. В судьбе этого народа, в его племенном происхождении много загадочного. Ученые и до настоящего времени продолжали спорить, не зная, к какой из великих ветвей, финской или тюркской, отнести башкир: Страленберг и Гумбольд признают башкир за народ финского племени, только со временем принявший монгольский тип; киргизы называют их истяк (остяк).

Кастрен—говорит весьма правдоподобно, что башкиры—потомки венгерцев.

Фишер—даже предполагает, что название венгерцев—„маджар“ произошло от „басшарт“ или „башкир“.

Шлецер—думает, что башкиры произошли от смеси финских и тюркских племен и „отуречились“ окончательно во время татарского владычества.

Эрман—хочет признать башкир в Аргиппеях Геродота,—всадниках на белых конях, живших, по греческому историку, в гористой стране, за его Скифией; он основывает свое мнение на сходстве обычаев приписываемых Геродотом Агриппеям с обычаями нынешних башкир.

Европеус—считает этот народ тюркско-татарского происхождения, а не угоро-финского и об'ясняет тем, что когда башкиры поселились

на Уральских горах, то они уже приняли один из ново-татарских языков.

Уйфальви—основываясь на антропологических и этнографических данных, относит башкир к угро-финскому племени, помещая их между вогулами, остяками и мадьярами.

Сомье—говорит: „мне кажется более вероятной та гипотеза, которая предполагает, что во время поселения башкир в настоящем месте их оседлости они были тюрко-татарами. Мало исторических оснований для того, чтобы считать башкир и остяков одного происхождения, соседство области башкир со страной остяков и вогулов служит скорее не в пользу доказательств их родства, потому-что, несмотря на их соседство, они представляют большое различие во всех отношениях".

Профессор *Березин*—заявляет, что башкиры—вогульского племени угорской группы, составляющей часть Алтайской семьи народов.

По *Рычкову*—„Башкирский народ исстари был один с ногайцами".

Историк *Татищев*—производит башкир от древних болгар.

Флоринский говорит, что башкиры не представляют даже отдельного народа, как разновидность тюркского племени, а что это—те же татары, получившие особое название или по образу жизни или по географическому положению, или по родовому разделению.

Аристов считает башкир тюрками.

В списках населенных мест Российской империи, составленных центральным статистическим комитетом мин. вн. дел (1871 год) сказано, что башкиры отличаются от татар и более сходны с финнами, что они занимают середину между финскими и татарскими племенами.

Профессор *Хвольсон* производит башкир от вогульского племени, составляющего отрасль угорской группы народов или часть большой алтайской семьи. Хвольсон считает башкир даже родоначальниками мадьяр. Так можно думать на том основании, что путешественники XIII в., посещавшие страну башкир, находили башкирский язык тождественным с мадьярским. По этой причине они и называли страну, обитаемую башкирами, „великой Венгрией"—„майор Нингарис". Арабские географы идут еще дальше и ясно говорят, что есть восточные и западные башкиры. Последние живут в странах, смежных с печенегами и Византийским государством.

Так противоречивы, сбивчивы и неопределенны мнения о племенном происхождении башкир. Но обратимся к истории. Что говорят нам о башкирах арабские и венгерские путешественники? Башкирия была известна им, начиная с X в. Арабско-персидские писатели говорят нам о тюркском народе „башкарт", „бадгждарт", „маджгар", „баш-керд", который кочевал за волжскими болгарами по соседству с печенегами, а равным образом и по обеим сторонам Уральского хребта между Волгою (у древних—Ра), Камою, Таболом и верхним течением Яика (Урала). Говоря иначе, восточные писатели разделяли башкир на европейских и азиатских или уральских. Известия мусульманских писателей о башкирах довольно скудны; при чем само слово „башкир" у них очень часто заменялось словом „мадьяр", „маджар" в виду того, что башкиры и мадьяры принимались за один народ.

Самые древнейшие из писателей, упоминающие о башкирах, это Ибн-Даста и Ибн-Фодлан. Ибн-Даста (около 912 года) пишет: „Между землей печенегов и землей болгарских эсегель лежит первый из

краев маджарских. Маджары эти—тюркское племя. Живут они в шатрах и перекочевывают с места на место, отыскивая кормовые травы и удобные пастбища. Маджары поклоняются огню".

Ибн-Фодлан (около 922 года) говорит об уральских башкирах. Через их землю он проезжал в Болгарию, как посол от Халифа Муктедира. Башкиры, по его словам, были ужасные грабители и часто нападали на путешественников. Одни из них поклонялись змеям, рыбам, журавлям и разн. животным. Другие признавали двенадцать богов, которые правили зимою, летом, дождем, ветром, деревьями, скотом, водою, ночью, днем, смертью, жизнью и землей. Кроме того, они верили еще в существование высшего божества, которое обитает на небесах. Был среди них распространен так же и культ Фаллуса. Фаллус, сделанный из дерева, они всегда носили на шее, обращались к нему, как к идолу, со всеми своими просьбами, говоря, что это единственный творец их, и что другого они не знают.

Масуди (около 943 года), очевидно, знает о мадьярах в Европе и называет их баджгардами, то-есть башкирами.

Абу-Зейд-Эль-Балхи (около того же времени, что и Масуди) также знает об европейских мадьярах, но только под именем башджардов. Он говорит: „башджарды разделяются на два племени: одно племя живет на самой границе Гуззия—то-есть Гузов. Они подвластны болгарам. Другие башджарды соседи с печенегами. Они и печенеги—тюрки,—близкие соседи румийцев.

Эдрисси (около половины XII века) знает только о башкирах, живущих у источника Камы и около Урала. Называет он их: „басдзердт" или „басджерт".

Якут (в начале XIII века) знает башкир только в Европе.

Так он говорит: „страна башкир лежит между Константинополем и Болгарией". Он дает им различные названия, а именно: „башгирд", „башджердт" и „баш-кердт". Но Якуту известно так-же и о хребте башкир, находящемся на седьмом климате под которым он, очевидно, разумел Урал.

Позднейшие арабские писатели, как-то: Ибн-Саид (около половины XIII века), Казвный (около того же времени), Димешки (в начале XIV века) также говорят нам о башкирах восточных и западных.

Вообще же известий мусульманских писателей довольно много, но одни из них различают башкир, оставшихся в Азии, от переселившихся в Европу, т. е. от мадьяр, другие—нет. А некоторые авторы принимают их даже за три различных народа: башкир, мадьяр и венгров. Так, Ибн-Саид говорит о башкирах следующее: „Земля башкир (башкурт) лежит на седьмом климате", следовательно, где-нибудь около Урала. Но это не мешает ему сказать, что башкиры—тюрки, и что они живут и около аллеманов, т. е. немцев, и живут с ними в мире. Большая часть их находится на берегах Думы (Дуная, вероятно, а может быть, Демы?), на южном берегу которой лежит их столица, по имени Керат (?). Страна их принадлежит к странам, на которые напали и которые завоевали татары, и жителей которых они грабили. К востоку этой страны, которую завоевали татары, находится земля венгерцев, братьев башкир; они, венгерцы, приняли христианство, вследствие соседства с немцами. Они имеют много городов и местечек с варварскими именами, на берегу большой реки и столица их называется Таршебуа (?).

И эта страна, прибавляет Ибн-Саид, была завоевана татарами.

Путешественники-миссионеры XIII века, посещавшие страну башкир, называли ее великой Венгрией „Майор Нунжарис", считая, оче-

видно, венгров и башкир за один народ. Так, монах Рубруквис или Руисбрук, фламандец по происхождению, отправленный с миссией в Монголию, пишет французскому королю Людовику IX следующее: „Пропутешествовав около 12 дней от реки Итилии (Волга), мы встретили другую большую реку называемую—Ягаг (Яик), которая течет с севера из страны паскашир (башкир). Язык паскашир тот же, что и венгров: они все пастухи, не имеют ни городов, ни селений.

„Из этой страны паскашир вышли некогда гунны, названные потом венграми".

Другой путешественник, францисканец—монах Плано Карпини, отправленный папой Инокентием IV ко двору великого монгольского хана, говорит, что „непосредственно на север от России живут мордвины и билеры (болгары), а там бастарки (башкиры), т. е. великая Венгрия".

Особенно же интересно странствование миссионера Иулиана. Монах Рекард в 1241 г. отыскал известие о том, что живущие на Востоке предки венгров пребывают в идолопоклонстве, между тем как переселенцы их уже при короле Стефани (1038) приняли христианство. Тогда же были отправлены к тем венгерам четыре монаха. Трое из них умерли в дороге и только четвертому, Иулиану, удалось прийти в Великую Булгарию.

Здесь он нашел венгерку, которая сказала ему, что в два дня можно достигнуть страны, обитаемой тем народом, которого он ищет, т. е. венгерами, и об'яснила, каким путем он должен итти туда через великую Булгарию. Единоплеменников своих Иулиан, наконец, нашел при большой реке Ишиле (Идель)[1]). Они чрезвычайно обрадовались, услыша язык свой в устах иностранца. „Наречие имели, говорит Иулиан, совершенно венгерское и знали по преданиям, что часть их переселилась в другие места".

Наконец, венгерскому епископу Главиничу, который отправлялся в Россию, правительство поручило узнать в Москве, откуда происходят венгры. „Я проведал, пишет Главинич, что они вышли из области Югории, которая принадлежит великому князю московскому, и где говорят мудреным языком".

По свидетельству Витсона, в Москве вообще думали, что венгры происходят из Югории.

Кокс приводит в своем путешествии латинскую надпись, которую он списал со стен одной кремлевской башни, где великий княз Иоанн Васильевич III называет себя „Государем Тверским, Вятским, Венгерским, Пермским, Болгарским и Татарским".

Суммируя все вышеприведенные данные арабских и венгерских писателей о башкирах, В. Фелоненко в своей книге „Башкиры" сделал следующие выводы: 1) в начале X столетия башкиры уже находились в занимаемых ими ныне местах; 2) они и тогда были известны под настоящим своим названием: „башкарт" „башкурт", „баш-керд" и т. д.; 3) башкиры-тюрки и 4) башкиры и венгры одного и того же происхождения.

Мне кажется, наиболее правдоподобной является следующая гипотеза о племенном происхождении башкир. Башкиры и мадьяры—один и тот же народ. Антропология утверждает, что последние также брахи—цефалы, как и первые, так же плотны и, кажется, сходны в некоторых особенностях характера. Следовательно, если башкиры

---

[1]) Волга, Кама, Белая, Уфимка.

сходны и теперь по своим антропологическим признакам с мадьярами, то эти черты они должны были унаследовать от того времени, когда они составляли еще один народ. Я бы даже сказал, что мадьяры были соплеменниками башкир. Византийский император Лев положительно утверждает, что мадьяры или черные угоры были—сброд разных народов. То же самое можно сказать и о башкирах; и в их жилах равным образом много как финской, так и тюркской крови, что, вероятно, получилось в результате слияния „чуди“ с „башджардами“ (общее название башкир и венгер).

Мадьяры в начале VI столетия скитались южнее нынешней Башкирии, будучи окруженными тюркскими племенами. В конце IX века, они двинулись оттуда на Суздаль, в старую Угорию, увлекая за собой весь сброд мелких народов, потом на Киев и дальше. Еще в Башкирии мадьяры смешались с отдельными племенами тюркского происхождения и частично утратили свой финский характер, и, если еще сохранили свой собственный язык, то чертами лица и цветом волос уже мало отличались от тюрков. Из этой же смеси башджард и чудь с тюркскими племенами получились и башкиры. О том, какие именно тюркские племена дали помесь с чудско-финно-уграми для образования башкирского народа, можно догадаться по приводимым у Рычкова: 1) названиям башкирских родов „чудь минская“ (род мин из „лесных“ народов, „табынская“ (род малой орды табын), „кипчакская“ (племя кипчяк) „тазларская“ (род таз), „киргизская“ (племя киргиз). Далее роды угро-чудско-финского происхождения: байлярская, иланская, зорян, уранская, бурзенская, усергенская. Небольсин говорит, что цвет башкирского народонаселения составляют волости: Бурзянская, Усерганская, Тунгауровская, Юмуран-Табынская и так называемая Джидиру, 2) Билярская (вероятно, выходцы из города Биляра, указание на этническую связь между древними болгарами и башкирами), Ирехтинская и др.

Из перечисленных имен башкирских родов Аристов делает такое заключение: „в составе башкир играли преобладающую роль роды Малой Орды и племя кипчяк, но попадали к ним и столь далекие племена, как киргизское“.

Следствием такой метизации образовалось башкирское племя. Не подлежит никакому сомнению, что башкиры являются смесью племен чудско-финского угоро-тюрского происхождения, благодаря ассимиляции и скрещиванию, они утратили свой прежний резко-выраженный тип и характер, отличающий друг от друга. Но все же следы разновидности состава башкир остались до наших времен, что и сказывается в разнотипности их характера и физическом сложении, а также в языке.

Племенной состав башкир и их быт в средних веках и позже.

Башкиры, занимавшие территорию, граничащую с нынешним Оренбургом на севере с Красноуфимском, на западе с Мензелинском, на востоке с В.-Уральском и Свердловском городами, распадались на родовые и подродовые группы, названия каковых сохранились до окончательного утверждения русского дворянского владычества и даже были известны для исследователей дореволюционных времен XX века. Например: в центральной Башкирии имелись следующие роды:

1. Минцы.
2. Кудейцы.
3. Кайлино-карашинцы.
4. Табынцы.

В Северной части Башкирии:

1. Уранцы и гайнинцы. 2. Танынцы. 3. Тазларцы, ирехтинцы.

В западной северо-западной части Башкирии:

1. Енейцы и байлярцы, 2. Иланцы и киргизы, 3. Булярцы.

В северо-восточной части Башкирии:

1. Айлинцы, 2. Катайцы, 3. Кара-барин-табынцы и куваканцы.

В южной части Башкирии:

1. Усергане.

Юго-Западной части:

1. Юрматинцы.

Восточная часть:

1. Катайцы, 2. Тамьяно-катайцы.

Юго-восточная часть:

1. Бурзяне, 2. Кипчаки.

Во главе родов восточной части Башкирии стояли беи и аксакалы [1]), а в западной части—тарханы (князья).

О быте башджардского племени до заселения территории нынешней Башкирией точного представления мы не имеем, но все же можно предполагать, что когда они обитались в южной части Сибири, на западном склоне Алтайских гор, занимались, вероятно, скотоводством и жили кочевым образом жизни. Физико-географические условия, которые встретили люди башджардского племени, с заселением нынешней Башкирии, резко изменили дальнейшую судьбу культурного и бытового развития заселяемых. Также культура сторожилов (чудского племени) оказала большое влияние на экономику и быт башкир или „башджард“, особенно для центральной их части, получилась ассимиляция завоевателей башджард с завоеванными чудскими племенами. Вследствие такой ассимиляции и слияния племен с различными культурно-бытовыми укладами жизни дали, особенно в центральной и северо-восточной части Башкирии, различные виды развития хозяйственных форм, как-то: скотоводство, охоту, пчеловодство, рыболовство, птицеводство и земледелие, особенно среди племен „минцев“. Племя „мин“ можно предполагать есть результат слияния „башджард“ и „чудь“.

---

[1]) Аксакал—глава рода.

Скотоводство. Главным видом скота были лошади, служившие средством передвижения и питания, а затем коровы, бараны, козы. Козы составляли незначительную часть табуна. Летом со своими табунами западные башкиры обитались по заливным луговым просторам и, кроме скотоводства, они же занимались добыванием металла. Жители западной части Башкирии, жившие по течениям рек Белой ниже Уфы, а так же около Уфы, занимались простой формой земледелия и выделыванием из металла предметов вооружения и роскоши, которые обменивали на предметы первой необходимости, тяжело добываемые в центральной и северо-западной частях Башкирии.

Башкиры, жившие на востоке за Уралом, кочевали по степи на расстоянии от 30 до 100 верст. На Южном Урале башкиры летом перекочевывали до Оренбургских степей. Останавливались на зимовку на границе лесостепи, заготовляя незначительное количество корма для молодняка. Шестимесячная зима для башкирина была очень тяжелым испытанием, т. к. в течение года скотовод терпел большие убытки от падежа скота из-за холода и недостатка корма. Все это вынуждало башкирина сокращать свои табуны, переходить к заготовке для скота корма, тем самым все быстрей и быстрей приближаться к оседлому образу жизни. Переход к оседлой жизни и к простому земледелию плюс к простой индустрии был совершен гораздо раньше западными башкирами, чем юго-восточными.

Здесь переход к оседлому образу жизни был обеспечен наличием предметов, из которых выделывали сельско-хозяйственные орудия: простые серпы, косы, кайла. Находки таких орудий труда в Миловских раскопах ясно показывают о сравнительно высоком состоянии культуры башкир центральной части, т. е. живущих по течению рек: Уфимки, Демы, Белой ниже от Уфы, дальше до Пугачевского округа, нынешнего Нижне-Волжского края.

Кроме этого, занятия в лесной зоне, особенно в ее западной и северной части Южно-Уральских гор, распространены были: охота, пчеловодство и птицеводство. Виды и способы охоты: а) собирание яиц диких гусей, уток, чаек и т. д., б) охота на птиц: глухарей, тетеревов и т. д. Охота проводилась при помощи дубины, петель, ловушек и ловчих птиц (сокол), в) ловли зверей при помощи петли, ловушек, рогатин, капканов, сделанных из дерева, и путем гонки на лошадях с борзыми. Оружие и снаряжение охотника-башкирина были очень просты—для ходьбы по снегу лыжи, стрелы, пики, кистень (это оружие имеется и сейчас в среде отсталых горных башкир), и впоследствии кремневый пистолет.

Пчеловодство в лесной зоне горного Урала и у западных башкир было бортевое и пасечное. Рыболовство среди западных башкир мало процветало, оно имело большое значение для зауральских, но все же оно не могло быть основным промыслом и для этого района. Для ловли рыбы башкиры пользовались различными способами, а) запоры—морда, фитиль, б) вольное рыболовство: лыковые сети, петли, глушение и лучение рыб лопаточкой и т. д. Птицеводство среди башкир было очень примитивным, оно и в настоящее время не имеет большого значения в хозяйстве Башкирии.

Башкиры недостающие продукты и другие виды предметов роскоши получали от соседних инородцев через простой обмен. Особенно такой обмен товаров происходил на западе с болгарами (до падения болгарского государства), а на востоке с бухарскими торгов-

цами. Нахождение монет бухарского происхождения свидетельствует об этом обмене товаров.

Восточные башкиры также имели меновые отношения с западными башкирами, где до завоевания татарами Башкирии, особенно до завоевания русскими, более процветала простая форма индустрии.

Необходимо отметить, что при таком культурном и бытовом состоянии родовые отношения сохранили полностью свою самобытность с различными особенностями различных районов. Взаимоотношения между родами были очень враждебными, это об'ясняется борьбой за территории, естественно-удобные.

Признаки родового отношения и деления сказывались также и во всех формах башкирских обычаев. В древности, даже в средние века, башкиры не могли брать себе жен из своего рода или волости, жен нередко брали за сто или более верст. Обычай этот и поныне уцелел еще кое-где у приуральских и особенно у зауральских башкир. Еще и теперь башкиры, за исключением западной и северо-западной части Башкирии, хотя и берут жен в пределах своего рода, но большей частью из других деревень, а если из своей деревни, то непременно из другого аймака [1]) (ара или ру).

Строгая экзогамия, судя по сведениям, еще не так давно существовала среди башкир повсеместно, а местами сохранилась и до настоящего времени. Нам известно только одно указание в статье Бергхольца, где он пишет, что башкиры рода „катай" пренебрежительно относились к другим башкирским родам, считая их ниже себя, почему и не брали от них невест и не отдавали им своих девушек, что этот обычай, нужно полагать, относится к тем временам, когда экономические условия не давали возможности роду расшириться за счет других родов.

То обстоятельство, что катайцы (имеются в виду инзер-катайцы) действительно менее других смешиваются доныне с соседними башкирами, может-быть, зависело и от того, что они жили и живут замкнуто в долине горной реки Инзера.

Как мы говорили, при строгой экзогамии, у башкир брак совершался похищением невесты. Но, по мере разрастания родов, похищение становилось все более трудным и даже, наконец, невозможным. Поэтому, с появлением меновых отношений между родами, с одной стороны, и между другими соседними народами—с другой, похищение заменилось куплей. И в современной башкирской свадьбе акты сватовства имеют все черты первоначального торгового договора.

У зауральских башкир при первом посещении женихом со своими родственниками дома будущего тестя, родственники невесты перед деревней верхом на лошадях встречают гостей и стараются сорвать с них шапки; повидимому, этот обычай ничто иное, как пережиток гораздо менее распространенного приема чужеродцев, приезжавших для добычи невесты. А весь обряд первого посещения женихом своей невесты, не есть ли это буквально повторение всех тех актов, которыми некогда сопровождалось похищение ее. Приезжает жених в сумерки, отыскивает спрятанную невесту, затем преследует ее, а догнав, он должен схватить и унести на себе. После этого он ею овладевает, и брак считается уже совершившимся фактом. Когда

---

[2]) Аймак—группа внутри рода.

похищение было действительностью (в древности), негодование родных было вполне реально; когда же похищение стало не более как символом, родительский гнев обратился в пустую формальность.

Между тем, как переживание, сохранился обычай, по которому жених, с момента первого посещения своей невесты в продолжении года и даже двух, до выплаты полного калыма не показывает ни теще ни тестю своего лица [1]).

Браки через похищение имеют место еще и теперь. В некоторых, правда, очень редких случаях, они совершаются на северо-западе,— в древности, даже против воли девушки. Молодой человек с двумя-тремя товарищами подкарауливает любимую девушку, увозит ее на лошадях в заранее приготовленное место и насилует ее, после чего она делается его женой.

Таким образом, мы уже имели случай достаточно подробно ознакомиться с древним делением башкир на рода. Мы видели также, что с увеличением народонаселения более мелкие единицы, составляющие часть древнего рода—подроды (тюба), к середине прошлого столетия превратились в самостоятельные дачи, связанные между собой узами родства, территориально обособленные группы, которые могут считаться равноценными роду. Следующие, более мелкие единицы, на которые распадаются подроды, следует считать группу семей (аймак, ру, ара), родственных между собой и, наконец, последней родовой единицей является современная семья.

Разделение на группы (ру, ара) сохранилось еще в среде башкир повсеместно, за исключением северо-запада, к западу от реки Уфы по северной параллели гор. Уфы. Хотя строгий некогда обычай экзогамии теперь в значительной степени утратил уже свое значение.

Ара, состоящая теперь из нескольких индивидуальных семей, прежде была несомненно одной большою семьей, об'единенной властью ее главы—родоначальника.

При обзоре башкирских названий родства, прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что отдельные члены семьи в наше время различаются между собой не столько по степени кровной близости к данной ветви, сколько к данному лицу своей кровной близостью.

Все это в основах имеет сходство с номенклатурой родовых отношений азиатских кочевников. Оно, несомненно, весьма древнего происхождения и сложилось, повидимому, еще в допатриархальном строе.

Как следствие всего этого родового строя, у башкир сохранился обычай до последних лет XIX столетия, по которому вдова должна выйти замуж за меньшего брата или за племянника своего мужа. Такой левират у башкир возник—говорит С. И. Руденко,—повидимому, исключительно на экономической почве. Родовая группа, уплачивая другому роду или группе калым, приобретает этим путем в свою среду работницу, отпуская же на свободу вдову, в случае смерти ее мужа, несет двойной ущерб: во-первых, — теряет работницу, а во-вторых — часть имущества, так-как вдова уносит с собой свое приданое. Выход замуж по смерти мужа за одного из его ближайших родственников раньше был, несомненно, обязательным, теперь же он практикуется у зауральских башкир, при обоюдном согласии брачущихся [2]).

---

[1]) „Башкиры". С. И. Руденко.
[2]) Там-же.

Признаком частной собственности в пределах больших городов и небольших групп являются тамги[1]), которые наводят на мысль о том, что они были знаком собственности. Тамга—знак собственности, который башкир ставит на принадлежащие ему вещи, чтоб отметить тем самым право исключительного своего владения данным предметом. Так, башкир, отыскав в общинном или родовом лесу дерево с пчелами (борть) или, выбрав для борти особое дерево, ставит на нем свою тамгу, после чего и делается его собственником. Башкиры в пределах своего рода и родовых общин, дачах таврили (налагали тамгу) на те места, которые они хотели присвоить, как собственность. Налагая свою тамгу, они считали уже присвоенными ранее неиспользованные луга и т. д.

Башкиры таврят также животных, заклеймив их своей тамгой, ставят тамгу на орудиях охоты, рыболовства и пчеловодства, на предметах домашней утвари и пр. Со временем тамга стала применяться вместо подписи на различных официальных договорах и документах. Дальше башкирская тамга стала знаком семейной собственности или собственности домохозяина. Поэтому особенно в южной и центральной Башкирии до сих пор, каждая глава семьи, домохозяин имел свою особую тамгу, которую он клал на принадлежащие ему, а следовательно, и семье, предметы.

Тамга когда-то была только как родовой признак, с разложением рода на подроды, аймак, ру, семьи последние к родовой тамге делали добавления, в основном оставляя очертания родовой тамги. Современная тамга превратилась уже в знак единоличного собственника домохозяина, главы современной семьи.

Теперь общие черты родового и семейного строя башкир для нас достаточно ясны. В основе современной семейной жизни, таким образом, лежит родовой строй, при чем горные восточные зауральские башкиры и до революции сохранили древний уклад семейной жизни многоустойчивее, чем западные, особенно северо-западные башкиры. Последние, живущие в сложном конгломерате племен, и в семейном быту, подобно тому, как в материальной их культуре, более других утратили многие самобытные черты, присущие живущим в горных районах Башкирии башкирам и которые вследствие застоя хозяйственного развития не пошли вперед в дальнейшем развитии.

ГЛАВА IV.

Древние верования и внедрение ислама в Башкирию.

Один из арабских путешественников X века (Ибен-Фодлан) пишет, что в его время башкиры были идолопоклонниками. Одни из них, будтобы, поклонялись змеям, рыбам, журавлям и разным животным, другие признавали 12 божеств, которые управляли зимой, летом, дождем, ветром, деревьями, водою, ночью, днем, смертью и жизнью; иные верили в высшие божества, обитавшие в небесах.

Тот же автор утверждает, что у башкир существовал Фаллус — изображение в виде маленькой коротенькой палочки, сделанной из дерева, они всегда носили на шее; обращались к нему, как к идолу, со всеми

[1]) Тамга—знак, присущий роду или семье.

своими просьбами, говоря, что это единственный творец их, и что другого они не знают.

Нужно сказать, родовой строй и соответствующий ему быт отражался и в духовной культуре, в частности в религиозных верованиях. Каждый род имел своего бога. Башкиры верили в Фаллус, сделанный из твердого дерева, потому, что он давал возможность когда-то в глубокой древности бороться с холодом, хищниками и т. д.

Фаллус — сделанный из твердого дерева есть маленькая и короткая палочка, при помощи которой древние обитатели Чуди и после ассимиляции их с башджардами добывали через трение огонь. Огонь для обитателей в древних приуральских дебрях был единственной, самой большой, опорой. Вот почему поклонение этому Фаллусу, как дающему возможность к жизни, сделалось в дальнейшем и до утверждения ислама культом башкир.

Кроме светил и физических явлений природы башкиры одухотворяли и все земное. Они полагали, что каждое урочище, каждое сколько нибудь приметное место имеет своего хозяина (Ejə); отсюда хозяин горы (Tav ejəhe), хозяин пещеры (baş qьvьş ejəhe), домовой (jort ejəhe) и т. п. Вера в этих хозяев, владыку заставляла башкир почитать различные горы и пещеры, как места священные. Пример такого почитания приводит Липехин при описании горы Туратау (Чертово Городище), около Уфы. «Никто из них, башкир, пишет он, на сию гору не хотел итти, отговариваясь разными обетами, которыми они горе должны и которые еще не исполнены; ибо без исполнения обетов влазить на гору никто не может». «На некоторых горах Южного Урала, пишет С. И. Руденко, исследователь Башкирии, в частности на Масим-Тау, нам приходилось находить на вершинах следы жертв, принесенных хозяину, духу горы лицами на нее поднимавшимися; жертвами чаще всего были или медные монеты или оловянные и серебряные украшения». На юге жертвоприношения также имеют глубокую древность. Там жертвоприношения духам производились не металлическими изделиями, а зарезанными животными.

Все это об'ясняется тем, что башкиры и в глубокой древности имели два резко-отличающиеся хозяйственно-культурными укладами жизни района. Поскольку в центральной Башкирии, в западной части Уральских гор добывание металла и выделка из него предметов для простого обмена с южными и восточными башкирами давала возможность существования, они приносили жертву бросанием на вершины гор и в пещеры изделия металлические. Когда башкиры потерпели большие бедствия, с одной стороны, от нашествия татар, с другой стороны—русских дворян-бояр, помещиков, торговых капиталистов, которые свою торговлю вели путем грабежа, начавшаяся процветать индустрия центральной Башкирии погасла и оставила следы только в виде жертвоприношения горными башкирами металла.

Кроме духов гор и пещер, башкиры верили еще в духов, живущих в лесах, в воде, в хозяйствах дома и другие. Лесные духи—лешие, горными зауральскими башкирами называются шурали, а северо-западными — ярымтык.

Башкиры также верили в существование невидимых людей — о пери (bəгej), о духах—хозяевах ветра и о диу пери-заре ветров, все сокрушающем вихре. Пери, по преданиям, жил в расщелинах скал и держал на привязи ветер или на площадках вершин гор, совершенно так же, как и сами башкиры. Условия жизни изображались так: прекрасные войлочные кибитки, возле которых привязаны жеребята и расположены другие виды богатства.

Пери имели старших: тарханов, ханов, царей, царевичей и т. д. Это было отражением действительной жизни тогдашних башкир.

Как родовой быт, так и чинопочитание родоначальников беев, тарханов и т. д. нашли свое отражение в сказаниях о пери.

Эти верования в древней религии башкир существовали без посторонних влияний.

Религия ислам, — учение Магомета, проникло к башкирам через болгарских торговцев, с которыми башкиры охотно обменивались своими изделиями, особенно в западной части Урала, в XI—XII веках, когда арабские проповедники-торговцы, также часто посещавшие Великую Болгарию, заходили в страну башкир. Имея поддержку болгарских торговцев арабские проповедники-торговцы, первым долгом, повлияли на башкир, живущих, главным образом, по реке Каме, Белой и юго-западной части нынешней Башкирии. Тарханы этих районов переносили учение дальше в глубь нынешней Башкирии и к зауральским башкирам. С установлением владычества Золотой Орды, ислам проникал более быстро, утверждение учения Магомета стало сильно развиваться. Уже к XIV и XV векам ислам был настолько распространен, что при завоевании Башкирии (в 1556—7 годах) он, почти, совершенно изгнал следы прежних верований башкир. Вместе с арабской, а потом татарской грамотностью учение Магомета принесло башкирам ряд новых и чуждых ранее воззрений. В последние века мы находим только крупицы, очень незначительные осколки былого древнего мировоззрения башкир. Процесс исламизации происходил постепенно, древние обычаи сохранились и до сего дня в горных культурно-отсталых районах.

По историческим данным о времени проникновения ислама в Башкирию можно судить по некоторым сохранившимся древним мусульманским памятникам. Около ст. Чишмы (от Уфы 40 верст), в полуверсте от озера Акзерат, до сих пор сохранилась гробница Хусеин-Бека, — миссионера ислама. На вделанной в окно старого здания мраморной доске, заменившей стершуюся надпись надгробного камня, куфическим арабским шрифтом написано: «Справедливый среди судей Хаджи-Хусеин-Бек из рода Тарсас в Туркестане — да прости его Аллах — умер в 9-й день месяца Аллахом благословенного в 744 году» (744 г. Хаджирия—это 1344 год христианской эры). Нужно определенно сказать, что Хусеин-Бек был миссионером ислама, и в то же время крупным торговцем, который отправлял из Башкирии ценные предметы для Туркестана и для других восточных базаров.

Таким образом, повторяем, что проникновение ислама можно отнести к XI—XII в. в. С проникновением ислама среди башкир приостановлено погребение вместе с трупами предметов и орудий труда, что наблюдалось ранее. Поэтому к последним векам мы не находим в могильниках культурных остатков башкир средних веков. Многие ученые считают, что всякие находки в могильниках являются не башкирскими, а принадлежат какому-то неизвестному другому народу, и поэтому делают вывод, что у башкир культурных признаков не имеется. Они не принимают во внимание того, о чем мы говорили выше, т.-е., что башкиры после окончательного утверждения ислама (в XIII—XIV в. в.) перестали сопровождать погребение предметами. Мы считаем, что найденные многочисленные могильники, где очень много находок, говорящих о культурном состоянии, — башкирские. Ислам же изменил ряд обычаев, как он изменил мировоззрение башкир вообще.

ГЛАВА V.

Завоевание Башкирии Московским государством.

Многие исследователи этого вопроса делают такой вывод, что башкиры, после падения Казанского ханства присоединились к Московскому государству добровольно. По нашему мнению, это не совсем верно. Верно то, что московский государь об'явил Башкирию частью своего государства, но это еще не значит, что башкиры всей Башкирии подчинились московскому монарху сразу. Нам известно, что Башкирия завоевывается постепенно. Первое время была захвачена западная граница, смежная с Казанским ханством — в 1553 году, а затем места до нынешнего города Уфы или центра ханской ставки (1557 г.). Это скорое продвижение в глубь Башкирии в первые годы обусловлено начавшимися междуусобными войнами среди башкирских тарханов и отдельных родов, особенно в ханствующей династии ногаев, в связи с сильным голодом, который был результатом, с одной стороны, засухи и, с другой стороны, суровой, холодной зимы, продлившейся дольше обычных. Об этом Карамзин пишет так: «Улусы Ногайские, прежде многолюдные, богатые, опустели в жестокую зиму 1557 г.; скот и люди гибли от несносного холода. Некоторые мурзы искали убежища в Тавриде. К сим бедствиям присоединились междуусобия в орде Ногайской. Улусы восставали на улусы, башкирцы самые отдаленные приносили дань, требуя милосердия» (Карамзин истор.), отсюда явствует, что отдаленные башкиры, вероятно, западные, жившие на границе с Казанским ханством, приняли подданство добровольно, а покорению центральной Башкирии способствовали голод и междуусобная война в 1557 году.

С завоеванием центральной части Башкирии династия ногаев (царствующая семжья башкирского хана) оставила территорию Уфы.

Земли родственников династии уфимского хана Ногаева стремились захватить тарханы, т.-е. нижестоящие князья. Они воспользовались завоеванием ханской ставки для закрепления за собой земли династии ногаев. Поэтому поводу мы имеем следующие документы: царями московскими жалованные грамоты на владение землей династии ногаев выдавались верным русскому государю башкирским тарханам. Так, в одной из них, выданной царем Алексеем Михайловичем, на имя воеводы Плещеева первому завоевателю ханской ставки и образовавшему первые войсковые поселения на территории нынешней Башкирии, говорится:

«Пришли четыре человека от башкирцев, а именно Тетеагач, Азнайка-Ильчик, Темир и Карамыш и, пришедши, себя об'явили и рабством своим приложились, что нас триста домов и просили оставшиеся от последних ногаевских башкирцев земли по обе стороны Белой, с текучими мелкими речками, овражками и степями, с лесными угодиями и горами, за которую платить им в казну 100 куниц, и потому царь Алексей Михайлович Тетеагача, Азнай-Ильчика, Темира и Карамыша с 300 домами за преклонение рабством своим пожаловал ногайскими землями».

Таким образом, внутри самой Башкирии нашлись способствующие покорению Башкирии тарханы. Башкиры, на впервые завоеванной территории, т.-е. на юго-западе и западе, насчитывали к 1629 г. — 888 ясачных дворов. По завоевании большой территории, такое малое количество башкирских дворов об'ясняется тем, что многие погибли перед завоеванием

Москвой и междуусобной войне и от голода и дальше во время первой встречи с русскими завоевателями, во-вторых, завоеванием и вместе с тем отобранием полей и пашен у оседавших на юго-западе и западе башкир, многие из них вынуждены были отступить к Уральским горам в лесные районы.

Дальнейшее завоевание территории Башкирии увеличило вместе с тем и численность населения Башкирии. Например: по сведениям князя воеводы Г. А. Урусова, в 1739 году башкир переписью было установлено 7192 двора. Дальше, по сведениям 1745 г., собранным по распоряжению Неплюева, ясачных дворов было 8395 и тарханов 1431 двор.

Из этих цифр надо делать такой вывод, что Башкирия подчинилась не сразу, а была завоевана постепенно район за районом, род за родом.

Концом окончательного завоевания Башкирии мы считаем 1740—50 г. г., оно кончается последней войной башкир во главе «лжехана» или хана-самозванца Кара-Сакала.

ГЛАВА VI.

Форма Управления в Башкирии до и после завоевания Москвой.

По некоторым сведениям, например, по указаниям Абу-Зеид-Эль-Балхи, башкиры еще до покорения их монголами были в известном добровольном союзном отношении с волжскими болгарами. Болгары подвергали Башкирию культурному влиянию. В это время Башкирия стала подниматься в хоз.-культрном отношении. С появлением на юго-востоке Европы и на юге Урала орд Чигис-хана пало великое торговое Болгарское государство, будучи не в состоянии сопротивляться воинствующему народу татар из племени монгол-тюрков. Башкирия также подверглась нападению орд Чигис-хана и была покорена последними, после, вероятно, ожесточенных боев. Покорение Башкирии произошло одновременно с падением Болгарского ханства, т.-х. в 1932—33 г. г. После покорения рядовые башкиры были обложены ясаком, а башкиры-тарханы (князья) были освобождены от дани совсем.

Во время Золотой Орды все башкирское племя делилось на роды во главе с ханами, тарханами и беями. Башкиры управлялись через народное вече-зеен или джиен, на котором сообща решались кровные вопросы. Это вече собиралось по инициативе тарханов, беев и аксакалов. Князья (тарханы) и родовые старшины на юге и востоке Башкирии существовали долгое время. Даже в одной из грамот царя Федора Ивановича (подтверждавшего указ царя Ивана Грозного, данный в 1557 г. после завоевания русским царем западной Башкирии, владетельному колену Осинской дороги на право вотчинного владения землей), упоминается князь Кангафер (Канзафер). В датированной 1720 г. башкирской челобитной встречаются: «бьют челом... Умраска, Мурза, Яметеев, сын, князь (тархан) Ишеев с братьями». В последовавшей ответной грамоте, данной на имя стольника и воеводы Пушкина, Ишеев называется так же князем. Таким образом, родовой быт и существование князей-тарханов на западе, на юге—беев, можно предполагать, сохранились полностью во времена Золотой Орды.

К концу XV столетия и к началу XVI мы имеем сведения о том, что у башкир был хан всем тарханам, тнак называемый турхан или великий

князь, или хан всем ханам. Башкирский ханский центр был на нынешней территории г. Уфы, севернее Старой Уфы. Последним ханом, известным нам по историческим данным, является Кара-Килембет.

Запись 1508 г. в составе посольства Махмет-Амина, хана Казанского к царю Иоанну III-му упоминает имя и тюрахана уфимского Кара-Килимбета. Местное предание утверждает, что последним обладателем Старинной Уфы был из династии Ногаев [1]) хан Тюря-Бабатлу-Киюсов.

Место на котором построена нынешняя Уфа, называлось раньше Тура-Тау. Хану подчинялись 12 больших родов во главе с тарханами.

Как мы выше сказали, башкиры до завоевания Башкирии Московским государством установили свою форму управления. Во главе стоял тура-хан или великий хан, резиденция которого была на Уфимской горе. Потом власть тура-хана распадалась по родовым начальникам, которые на западе именовались тарханами, на востоке аксакалами и беями. Когда Уфа была завоевана тура-хан убежл, а тарханы получили от московского государя право нести свои тарханные обязанности [2]).

Уже спустя 2—3 десятка лет в завоеванных местах все управление Башкирией было сосредоточено в Уфе, где был образован военный поселок. В 1585 году были возведены защитные валы, крепости. С этого момента Уфа заполняется все больше и больше боярскими детьми. Таким образом, непосредственными начальниками и управителями над башкирами стали уфимские воеводы, подчиненные в свою очередь казанским наместником царя. Башкиры в административном отношении были разделены на 4 округа или дороги: Ногайскую, Казанскую, Сибирскую и Осинскую. Затем, кроме того, башкиры делились еще на волости, или, вернее говоря, на роды или племена, например: «табын», «кипчак», «тазлар» и др. «Роды» делились на «тюбы» и «аймаки».

Рычков в своей «Топографии Оренбургской губернии подробно перечисляет все названия башкирских «родов» — первой половины XVIII века, а равным образом и «происшедшие из оных тюбы и аймаки». По его подсчету, на Ногайской дороге или округе было 10 родов и 60 «тюбов», на Сибирской — 7 «родов» и 55 «тюбов», на Казанской — 12 «родов» и 20 «тюбов» и на Осинской — 5 «родов» и 2 «тюба».

Дальше Рычков дает следующие подробности: к Ногайской дороге принадлежали минцы, табынцы (западные), юрматынцы, кипчаки, бурзяне, усяргане, тангауры, табынцы (восточные), тамьянцы и катайцы.

Минцы (477 дворов) занимали восток современного Белебеевского кантона, запад Уфимского и Стерлитамакского, частично попадали в Бирский кантон и захватывали часть территории Самарской губернии. Они делились на тюбы: Чубинскую, Киркулинскую, Яиксубянскую, Кульминскую, Слы-Минскую, Ногай-Ларминскую, Миркитскую, Кршек-Минскую, Илькей-Минскую, Саралинскую, Кубовскую и Ик-Минскую.

Западные табынцы (387 дворов) владели землями в южной части Уфимского и северной Стерлитамакского кантонов, а также и в совре-

---

[1]) Ногаева династия—главный башкирский род на территории нынешней Уфы, из которого выходили главные ханы.

[2]) Старые тарханы—родовые начальники были освобождены от податей и должны были нести „почетную обязанность"—военную службу. Эта служба башкирских тарханов началась уже в царствование Василия Шуйского (1606—1610 г.) В донесении воеводы князя Репина о победе, одержанной в 1608 г. под Балахною, говорится, что в составе „понизовой силы" (прав. войск. Нижнего Поволжья), принимавшей участие в сражении, были и башкиры. Из грамоты царя Алексея Михайловича на имя уфимского воеводы Алябьина явствует, что башкиры участвовали в делах против поляков под Москвой.

менном Казакстане и Самарской губернии. Этот род составляли тюбы: Биш-Аулинская, Кси-Табынская, Имран-Табынская, Кальчир-Табынская, Кумрутская, Дуван-Табынская и Милля-Табынская.

Юрматынцы (521 двор) жили в южной и восточной частях Стерлитамакского кантона и делились на тюбы: Мещер-Юрматынскую, Тяльтинскую, Бакаевскую, Арларскую, Биш-Кадакскую и Макаровскую.

Кипчаки (1332 двора), бурзяне (448 дворов) и усергане (381 двор) имели свои деревни и кочевки в современном Зилаирском кантоне. Род кипчаков составляли тюбы: Бушманская, Сун-Кипчакская, Чанкинская, Сарык-Кипчакская, Герей-Кипчакская и Карагай-Кипчакская. В состав бурзян входили тюбы: Жанса-Бурзянская, Байулинская, Мушашевская, Ямашевская, Карай-Бурзянская, Дир-Бурзянская и Нагайлянская. Тюбы усерган были: Ай-Усерганская, Жайтюбя-Усерганская, Шишайдарская, Бишайларская, Сурянская и Чурашевская.

Последние четыре рода Ногайской дороги — тангауры (80 дворов), тамьянцы (196 дворов), восточные табынцы (472 двора) и катайцы (300 дворов) — занимали Тамьян-Катайский кантон, при чем, однако, их владения простирались еще далеко на север и на восток за его пределы. Тангауры имели только 2 тюба: Урман-Тангауровскую и Ялан-Тангауровскую. Тамьянцы распадались на тюбы: Коянецкую, Мылтыцкую, Мясогуцкую и Ик-Тамьянскую. Тюбы табынцев были: Кулебякская, Телевская, Карагай, Кси и Юмран-Табынская. Род катайцев образовали Идиль-Катайская, Кашек-Катайская, Инзер-Катайская и Кузгун-Катайская тюбы.

К Сибирской дороге примыкало 7 родов: кудейцы (475 дворов), танынцы (335 дворов), айлинцы (313 дворов), куваканцы, барын-табынцы, кара-табынцы и зауральские катайцы. Первый род находился в пределах Уфимского кантона, второй — в пределах Бирского и Месягутовского, третий — размещался в Месягутовском. Все прочие попадали в тогдашнюю Исецкую провинцию, т.-е. в область вокруг г. Челябинска. Из их земель в составе Башкирии составился Аргаяшский кантон.

Кудейцы имели тюбы: Урман-Кудейскую, Булекей-Кудейскую, Кыр-Кудейскую, Шайтан-Кудейскую, Нагайларскую, Зюббердинскую, Усрак-Кудейскую, Куллар-Кудейскую, Урусба-Кудейскую, Дуван-Кудейскую, Трухменскую и Лямес-Трухменскую.

Тюбами табынцев являлись: Кыр-Танынская, Балачинская, Су-Танынская, Унларская, Кыр-Унларская, Су-Унларская, Байкинская, Кайпанская и Укуншинская.

Тюбы айлинцев составляли: Аршинская, Ялан-Айлинская, Упейская, Дуванская, Таз-Дуванская, Сызенская, Кирдинская, Мурзаларская, Тарнаклинская, Каратаулинская, Саратаульская, Тюбелякская и Чублисысгинская.

Куваканских тюб было пять: Ялан-Куваканская, Тау-Куваканская, Сатка-Куваканская, Сагит-Куваканская и Киркули-Куваканская.

Тюб барын-табынцев Рычков не указывает.

Кара-табынцев составляли: Айла-Табынская, Кузюкяк-Табынская, Кипчак-Табынская, Мусюл-Табынская и Акшураз-Табынская тюбы.

Зауральских катайцев составляли тюбы: Бала-Катайская, Бучкурская, Синлярская, Сызгинская, Баллы-Катайская, Черлинская, Терсатская. Бакатинская, Чалжаутская и Сартларская.

Одиннадцать башкирских родов: кашинцы (77 дворов), кайлинцы (122 двора), елдятцы (901 двор), гирейцы (273 двора), тугузлярцы, енейцы (400 дворов), байлярцы (561 двор), дуванцы (82 двора), иланцы (382 двора), киргизцы (113 дворов) и булярцы (231 двор) образовали группу

родов Казанской дороги, к которой были причислены и юрты зырян, в последствии слившихся с башкирами.

Кашинцы, делившиеся на тюбы: Акбашевскую, Карганарскую и Кадряевскую, и кайлинцы в составе тюб: Идиль-Кайлинской, Кыр-Кайлинской, Юрактай-Кайлинской и Актау-Кайлинской, находились в пределах Белебеевского, Бирского и Уфимского кантонов.

Елдятцы с тюбами: Уфа-Елдятской, Кыр-Елдятской и Бука-Елдятской и гирейцы, с тюбами — Урман-Гирейской и Идиль-Гирейской, размещались в Бирском кантоне.

Тугузлярцы, генейцы и байларцы, тюбы которых Рычковым не указываются, владели землями в Мензелинском кантоне Татарской республики.

Дуванцы — в Уфимском кантоне разделялись на тюбы: Дуванейцев, Аджеево-Дуваней, Рысмекеевскую, Бакаевскую и Талбазинскую.

Родом иланцев (тюбы Кыр-Иланская, Идиль-Иланская и Бадрящкая) и киргизцев принадлежали угодья в Белебеевском и Бирском кантонах и в Мензелинском кантоне Татреспублики, где находились также и владения булярцев.

Роды Осинской дороги находились в пределах современной вотской автономной области. Эти роды были: таздарцы, уванышцы, уранцы (218 дворов), ирихтянцы (148 дворов) и гайнинцы (562 двора), с тюбами: Муль-Гайнинской и Туль-Гайнинской. Конечно, эти цифры неточные (количество дворов значительно больше), но все же они дают географическое расположение родов и вообще башкир.

Ногайской дорогой называлась область к югу и к юго-востоку от Уфы. Сюда попали современные кантоны: Стерлитамакский, Зилаирский и часть Белебеевского. Казанской дорогой считалась территория к западу и к северо-западу от Уфы — восточная часть Мензелинского кантона — Татарии, западная часть Бирского кантона и небольшая часть Белебеевского и Уфимского. Сибирская дорога занимала северо-восток Башкирии. Сюда входили восточная часть Уфимского кантона, восточная часть Бирского, весь Месягутовский кантон и Златоустовский уезд. Осинская дорога была расположена к северу от Уфы и тянулась узкой полосой по западному краю Осинского уезда. К дорогам не была прикреплена зауральская часть Башкирии, бывшая Челябинская, Троицкий и Верхне-Уральский уезды, бывшей (до революции) Оренбургской губернии, от которой в составе современной Башкирии остались Тамьян-Катайский и Аргаяшский кантоны.

Каждая волость или род, племя имели свою тамгу (знак), свою птицу (печать), свое дерево, которое употреблялось для отличия одного рода от другого.

Что касается внутреннего управления башкирами, то оно было предоставлено старшинам тюбов, выбираемым ими из своей среды. Умитбаев, на основании одной старинной башкирской рукописи, говорит, что «на каждую дорогу было по одному главному старшине, по одному главному сборщику. В числе таких сборщиков, возивших в Москву подать был и Умитбай. Предание говорит, что Умитбай и брат его Сеитбай, будучи сыновьями влиятельного человека, после какого-то бунта взяты были в «аманаты» (заложники). Из них Умитбай, получив в Москве образование, возвратился с грамотою на землю и на тарханство, потом уже защищал свою землю и исправно возил в столицу ясак из куниц и лисиц, собираемых с башкир. Власть старшин, надо полагать, была незначительна. Они разбирали маловажные ссоры, наблюдали за сбором ясака и

выполнением других повинностей, исполняли, об'являли и об'ясняли в своих селениях приказания уфимских воевод письменно или посредством других каких-либо знаков. Так, академик Лепехин говорит, что даже в его время, т.-е. в 70-х г. г. XVIII-го столетия на подорожных припечатывалась веревочка «со столькими узлами, сколько кому подвод давать определено; и сии узелки у башкир гораздо важнее почитаются, нежели все скрепы губернаторские и воеводские». В точности неизвестно, когда у башкир появились старшины, но уже в царствование Алексея Михайловича они были. Инициатор первого башкирского бунта Сеит также был старшиною. Очень возможно, что старшинами первоначально были старшине в аймаке и тюбе.

Дела более важные, касающиеся целого общества, обсуждались на мирских сходках, которые происходили в разное время года и в различных местах. Бывали, впрочем, сходки и в определенное время и на определенных местах; такова старинная мирская сходка в семик у реки Чесноковки. На этой сходке об'являлись башкирам разные предписания и приказы правительства; здесь же рассуждали они и о мирских делах. Впоследствии, такие общие сборища башкир были запрещены, «понеже из помянутых башкирцев самые начинщики зла, все шалости и возмущения во время тех своих сборищ начинают, внушая простому народу вымышленные пользы, которые народ приняв за истину, во всем по их воле поступает и никак от того отвратить невозможно, какие бы праведные резоны после того не об'явлены им были, разве огнем и мечом, как-то из нынешнего их бунта видно, что поверя одному Кильмяк-Абысу, и доныне успокоиться не могут»... Так сказано в указе о причинах запрещения старинных общих башкирских сборищ. А указом 5-го мая 1739 года и с прошениями велено посылать башкир не от всего народа, а «от каждой волости особо или по крайней мере, от одной дороги». Из других мест, куда башкиры любили собираться, особенной любовью пользовалась деревня Азиева, на Ногайской дороге. К ней собирались башкиры во время всех бунтов.

В 1744 году 15 марта уфамская провинция со всеми башкирскими делами, причислена была к Оренбургской губернии, управление которой было вверено губернаторам, а городом Уфой и Уфимской провинцией заведывали попрежнему воеводы и их товарищи. О внутреннем управлении башкир в это время подробно сообщает нам академик Лепехин. «Первейшая особа между башкирцами, — говорит он, — называется старшина. Каждая волость имеет их неравное число, и каждому старшине подвластно некоторое число домов. Он разбирает между ними дела небольшой важности и имеет право их наказывать. В его же ведомстве состоит порядок в наряде на линейную службу башкирцев, или для какой чрезвычайно в особливые посылки. Они также главное имеют представление в шаригатах, предводительствуют башкирцами в партиях; на их имена присылаются из правительства указы: почему они между своим народом в почтении, и от оного кроме чести имеют доходы; старшинские чины получают они по определению Оренбургской губернской канцелярии [1]). Под старшиною занимает место старшинский помощник, который некоторою управляет частью, и в случае междустаршинства первое имеет место. За помощниками следуют сотники, которые имеют надзирания над сотнями; и в одном только надзирании вся их власть

[1]) Назначение Оренбургской губ. канцелярии происходило после бунта 1717—35 г. г.

состоит, ибо они телесно наказывать не могут. При каждом старшине бывает писарь из мещеряков, которые определяются к ним по указу Оренбургской губернской канцелярией на башкирское содержание. Они кроме отправления письменных дел имеют надзирание и за поступками башкирцев; смотрят, чтобы точно исполнено было по посылаемым указам, а наиболее наблюдают общую тишину, и о малейших подозрениях к нарушению оные доносят в присутственные места. Сии суть главнейшие и присутственными местами определенные в башкирском народе особы. Для приезжающих выбираются у них, и в других деревнях, старосты и десятские, которые знают очередь, кому гонять подводы и прочее».

Кантонная опричина.

В 1789 г. было организовано башкирское иррегулярное войско. Башкиры считались военным сословием. В военно-административном отношении часть Башкирии была разделена на кантоны, которые делились на волости или юрты. Кантоны не имели особых названий и назывались по нумерам. Количество населения волостей, юрт и географическое положение кантонов были следующие:

№№ кантонов	Количест. жителей	Количество юрт	Расположение кантонов по прежнему административному делению	Положение кантона в современной Башреспублике.
I	17086	9	Пермск. г., Осинского у. 8 юрт, Пермского у. 1 юрта.	В Башкирию не вошел.
II	13038	7	Пермск. г., Екатеринбургск. у. 4 юрты, Красноуфимск. у. 3 юрты.	Частично вошел в Месягут. к-н.
III	17952	11	Пермск. г., Шадринского у.	Часть вошла в Аргаяшский кантон.
IV	11864	9	Оренбург. г., Троицк. у.	Незначительн. часть вошла в Т.-Кат. к-н.
V	12047	6	Оренбург. г., Троицк. у.	Незначительн. часть вошла в Т.-Кат. к-н.
VI	34874	19	Оренбург. г., Челябинского у.	В Башкир. не вошел.
VII	54147	30	Оренбург. г., Верхнеур. у.	Частично вошел в Там.-Катайский к-н.
VIII	47208	25	Оренбург. г., Стерл. у.	Стерлит. к-н частью.
IX	26280	14	Оренбург. г., Уфимск. у.	Уфимск. к-н частью.
X	89477	41	Оренбург. г., Стерл. у. 1 юрта, Бузулук. у. 1 юрта, Оренбург. у. 39 юрт.	Частично вошел в Зилаирский кантон.
XI	58858	27	Оренбург. г., Бирск. у.	Бирский кантон.
XII	53693	25	Вятск. г., Сарапульск. у. 1 юрта, Елабуж. у. 2 юрты, Оренбург. г. Мензелин. у. 22 юрты.	В Башкир. не вошел.
XIII	61033	29	Оренбург. г., Бугуруслан. у. 1 юрта, Бугульмин. у. 5 юрт, Белебеевского у. 23 юрты.	Западная часть вошла в Белебеевск. к-н.

Позже Башкирия была разделена на двадцать восемь кантонов, состоящих под управлением девяти попечителей и 28 кантонных начальников.

Главное управление Башкирии подлежало ведению оренбургского губернатора, которому были подчинены кантонные попечители, кантонные начальники и юртовые старшины. Как военное сословие, башкиры в отношении уголовных преступлений подлежали юрисдикции военного суда, но по гражданским судились на общем основании особыми стряпчими, назначавшимися из гражданских чиновников.

Ближайшее наблюдение за башкирами в хозяйственном отношении возложено было на кантонных попечителей, кантначальников и юртовых старшин, из которых последние двое назначались из башкир непосредственно генерал-губернатором и получали казачьи чины, — хорунжих, есаулов, сотников. Все эти чины жили среди вверенного попечению их народа. За все преступления башкиры судились военным судом; в гражданских же делах они были подчинены общим судебным учреждениям, при чем ходатайство по башкирским делам было возложено на 12 особых стряпчих, большей частью из гражданских чиновников. Делами духовными заведывал муфтий, при котором в г. Уфе было учреждено в 1875 году Духовное Мусульманское Правление, известное под именем Магометанского Духовного Собрания. Дела же не духовного характера сосредотачивались в войсковой канцелярии. Главное управление башкирами принадлежало ведению оренбургского генерал-губернатора. Непосредственное же заведывание башкирами поручалось особому командующему из военных генералов, который постоянно жил в Оренбурге.

Каждый кантон делился на отделения и команды. Ежегодный наряд производился по особым очередным спискам. Все войско было подчинено командиру отдельного оренбургского корпуса, при котором и находилось военное управление. С 17 до 45 лет несли башкиры военную службу, которая заключалась в охране границ и напоминала службу казачества того времени. Служившие в войсках содержали себя на своем коште и получали жалованье 1 рубль на человека в месяц. Кроме этих войск, по мере надобности, формировались еще конные пятисотные полки по типу казачьих, которые во время похода содержались от казны по старому (гусарскому) положению. При каждом полку находился мулла, положенное по штату число зауряд-офицеров и урядников из башкир. Полк возглавлялся особо назначаемым командиром полка или походным старшиной. Форма обмундирования башкирских полков до 1850 года была чисто национальная: кафтан синего (или белого) сукна, такие же шаровары с красным кантом и остроконечная войлочная шапка белого цвета. С 1850 года национальная форма конных полков была заменена общеказачьей формой.

Вооружение состояло из пары пистолетов, ружья, пики, сабли, лука (садак) и колчана со стрелами.

Башкирские воины хорошо ездили верхом, хорошо владели пикой и прекрасно стреляли из лука.

В 1802 году численность башкирского войска доходила до 5.500 человек.

В 1812—13 г. 20 башкирских полков были отправлены на войну с Францией и часть их участвовала в осаде Данцига, в сражении под Лейпцигом, под Веймарном, Ганау, в сражениях под Шатобрианом и Парижем. Часть полков входила в состав партизанских отрядов Кайсарова, Сеславина, Чернышева и участвовала в движении на Берлин.

В 1838 году был учрежден временный штат управления башкиромещерякского войска; лицо стоящее во главе этого учреждения, называлось командующим башкирскими войсками и пользовалось правами начальника дивизии.

В 1834 году русское правительство, боясь об'единенного выступления башкир, решило ликвидировать башкирские полки и перевести их на положение казенных крестьян. Башкиры восстали против этого, но были усмирены. Башкирские кантоны были разделены на служебные и неслужебные, а с 1840 года действительную службу несли только 4, 6, 7 и 10 кантоны, прочим же служба была заменена денежной податью. Но уничтожение войска шло медленным путем, и в Крымскую кампанию еще высылаются 4 пятисотенные башкирских казачьих полка. До 1853 года два башкирские полка несли караульную службу на Финском заливе. Крымская кампания вынудила правительство увеличить число башкирских полков. В это же время решилась судьба всего башкирского войска. Башкиры были заподозрены в предательстве; создалось мнение и об опасности существования отдельного башкирского войска.

Иррегулярное башкирское войско дожило до 1863 года.

Ведение Башкирией было поручено непосредственно особому управлению, имевшему в качестве административной ступени 11 кантонных управлений, во главе только с кантонным начальником, просуществовавшему лишь два года, в 1865 году эта форма управления была уничтожена.

Нужно сказать, что «кантонство» это какая-то «опричина» или новоявленное военное крепостничество. Дело в том, что кантонные начальники, побуждая башкир к занятию, исключительно сельским хозяйством, бесчинствовали, самодурствовали, заставляли трудовых башкир насильно пахать свою землю, сеять хлеб, разводить огороды, собирали с них деньги на несуществующие больницы, школы, а некоторые стремились искоренить в башкирах все «башкирское», не стесняясь при этом жестокостями [1]). Само собой разумеется, что подобная ломка вольной жизни, установление опричины могло поддерживаться только непрерывными применениями порки, каковым правом были облечены все кантонные начальники. Но трудно было поркою поддерживать новую реформу: трудящиеся башкиры никак не могли сжиться никак не могли сродниться с новым строем жизни. Башкиры делали все, делали из-под плети [2]).

---

[1]) Никольский. „Башкиры". Стр. 12.

[2]) В Башкирии уже ко второй половине XVIII века, на ряду с беглыми крестьянами русскими, увеличилось и количество привезенных из Центральной России крепостных крестьян. Как жилось русским крепостным крестьянам в эти годы, т. е. в XVIII и в первой половине XIX века?

Большая часть крестьян была помещичьими людьми, их крепостными; работали на помещиков, ходили к ним на пригон или на барщину—пахать, сеять и собирать жатву; крестьяне несли помещикам разные изделия своего хозяйства; холсты, снопы, хлеба, мясо скота, кур и яйца и т. п. или платили деньгами: это был оброк. Крестьяне служили помещикам в их домах и усадьбах, составляли их дворню. У помещиков были десятки и сотни таких крепостных людей, рабов, а у некоторых их были и тысячи. Как же жилось крестьянам? Об этом сами крестьяне рассказывают в своих песнях:

„О! горе нам, холопам, за господами жить!
И не знаем, как их свирепству служить?!
Не выходит из головы господский страх:
Будто некакий сидит за плечами враг!
Сколько нам, братцы, ни рваться,—
Знать, по смерть нам Их бояться!
Нет холопам никакой надежды"...

Издевательство дошло до крайности. Кантонные начальники и их семьи, почти, являлись законом признанными башкирскими дворянами. Да и большинство кантонных начальников, командиры сотни, пяти сотен, обер урядники при полках, муллы и другие им подобные чины происходили от семей бывших тарханов или мелких князей, которые охотно переняли методы властвования русских дворян. Такое положение не могло не вызвать злобы среди башкир. Дальнейшее продолжение этой формы управления, вернее, новоявленное крепостничество неминуемо привело бы к восстанию, которое (восстание), слившись с русскими крестьянскими волнениями, угрожало бы всем господствующим слоям. Об этом еще ясно напоминало Пугачевско-Салаватское восстание. В результате всего этого в 1863 году 14 мая (через два года после отмены крепостного права) кантонная опричина была отменена. Кантонные управления были ликвидированы. Эта мрачная эпоха кантонного управления не прошла бесследно для башкир. Она принесла им громадный вред, убив в них многие хорошие черты, убив в них, прежде всего, всякую самостоятельность. Энергия трудящихся башкир была надорвана. Во время же кантонной опричины скотоводство так упало, что и до империалистической войны не могло поправиться, а о сельском хозяйстве нечего и говорить, нарушилось постепенное его развитие. Отсюда и произошла такая метаморфоза: один из самых энергичных и воинственных народов в прошлом превратился с течением времени в народ, морально убитый. Недаром сами башкиры эту эпоху называют башкирским разорением.

К какому результату привела трудящихся башкир кантонная опричина? Бедность, нищета, голод свили себе прочное гнездо среди них.

В 1866 году Флоринский, проезжая по Башкирии, был поражен ужасной нищетою: «Были жилища, где не было решительно ничего съестного и сами жители заявили, что они не ели по нескольку дней.

Тяжела была работа русских крестьян на барина,—барщина или панщина,—каждый день почти сгоняли на нее крестьян. Где три дня в неделю, а где и все шесть и даже семь дней в неделю приходилось ходить на барщину.

Дворовым приходилось делать всякое дело, какое прикажут. Дворовый человек был то поваром, то конюхом, то лакеем. Об этом рассказывается в „Песне дворового", написанной поэтом Некрасовым:

„В понедельник—
Савка мельник,
А во вторник—
Савка шорник,
С среды до четверга—
Савка в комнате слуга.
Савка в тот же четверток—
Дровосек и хлебопек.
Чешет в пятницу собак,
Свищет с голоду в кулак,
В день субботний все скребет
И под розгами ревет;
В воскресенье Савка пан—
Целый день, как стелька, пьян!".

Дворовым жилось всего тяжелее. Они всегда были на виду, на глазах у барина и барыни и никогда не могли забыть, что они—рабы. Чаще всего подвертывались они под барскую брань, под кулак и под оплеуху и плети.

Кроме барщины и дворовой службы, были еще оброки. Крестьяне должны были приносить барину хлеба, мяса, плодов, молочных продуктов, холста, яиц, домашней птицы и т. п., или платить деньгами. Оброк собирали с целой деревни и, если помещик жил далеко, везли к нему целыми возами.

Оброчным жилось легче, чем барщинным и дворовым. Правда, оброки росли год от года, нужно было все больше и больше платить помещику и деньгами,

«Бельшая часть бедных довольствовалась испеченными в золе лепешками из толченого проса. Другое кушанье: болтушка из воды с мукой, или отвар проса в воде...

«Проезжая множество деревень, лошадиное мясо я видел только в одном доме. А жилище, а одежда? Многие бедные не носят рубах, ни зимою, ни летом: верхняя одежда — халат или армяк, надевается на голое тело. Дети у большей части бедных башкир зимой и летом держатся совершенно голыми».

Так сказалась кантонная опричина, или новоявленное крепостничество, в Башкирии.

ГЛАВА VII.

Боярско-дворянская колонизация Башкирии.

Еще с средины XVI века судьбы нынешней Башкирии и ее колонизации оказались в полнейшей зависимости от общей системы отношений Московского государства к собственникам земель в завоеванных им областях.

Историк Оренбургского края, П. Рычков, утверждает, что при переходе башкир, после падения в 1553 г. Казани, в русское подданство, царь Иван IV Грозный дал им жалованную грамоту на владение землей, согласно их народным обычаям и правам. По мнению же проф. Н. Фирсова, московский государь не признавал за прежними владельцами земель завоеванных областей права собственности, напротив — обитавшие в них народы сами должны были признать за правительством москов-

---

и натурой, и хлебом, и мясом, холстами и курами, маслом и яйцами, но кроме уплаты оброка не требовалось ничего: крестьянин мог жить совсем в другом селе или городе, работать, где и как угодно, извозничать и наняться к купцу на фабрику,—барину было все равно; был бы в срок уплачен оброк. Оброчные крестьяне целый год могли не знать барина, жить далеко от него,—им не грозили ежечасные окрики и побои, ежедневные розги и плети,—от платежа до платежа они были как бы вольные люди. Барщинным крестьянам приходилось постоянно ходить на барщину, работать под надзором барина и его приказчика; барские розги и плети грозили им каждый день. Дворовым было еще тяжелее; они целые сутки были при барине, на его глазах. Им чаще всего доставались и штрафы и окрики, и кулачная барская расправа, и плети, и розги на барской конюшне.

Были помещики более других жестокие или вспыльчивые: у них крепостным доставалось и чаще и хуже. У таких помещиков провинившихся крепостных секли солеными розгами, сдавливали пальцы тисками, кололи тело булавками и т. п. Были случаи, что заколачивали совсем насмерть. Жаловаться куда-либо и кому-либо на помещиков крестьянам было строго запрещено. Если кто осмеливался подать жалобу,—виновных били палками и ссылали в Сибирь на каторгу. Так делалось по царскому указу.

Вся жизнь крепостного, вся его семья, весь его труд, все его добро были не его, а барские. Дети, внуки крепостных людей принадлежали тому же барину, как и их родители и деды. Крепостных покупали и продавали открыто.

„Нами, как скотом привыкли обладать“,—сами про себя говорили крестьяне в своих песнях:

„Все они были панами,
Начальниками над нами,
Они были и за судей
Нас не считали за людей.'
Крепостными нас имели,—
Сами смачно пили, ели,

ским право утверждения на владение землями, принадлежавшими им раньше. «Московский государь, — говорит проф. Фирсов, — почитал себя полным собственником земель казанских, астраханских, ногайских и всех сибирских. Это видно из того, что московский государь давал земли на этом пространстве кому хотел и на условиях, какие признавал нужными, не спрашивая о том согласия прежних обладателей».

В частности, царями московскими жалованные грамоты на владение землей выдавались и башкирам. Так, в одной из них, выданной царем Алексеем Михайловичем на имя воеводы Плещеева в Уфе, говорится:

«Пришли четыре человека от башкирцев, а именно: Тетеагач, Азнай-Ильчик, Темир и Карамыш и, пришедши, себя об'явили и рабством своим приложились, что нас триста домов, и просили оставшиеся от последних ногаевских башкирцев земли по обе стороны Белой реки, с текущими мелкими речками, овражками и степями, с лесными угодьями и горами, за которую платить им в казну сто куниц и потому царь Алексей Михайлович Тетеагача, Азная-Ильчик, Темира и Карамыша с триста домами за преклонение рабством своим жаловал ногайскими землями».

Сопоставляя мнение историка края, П. Рычкова, с одной стороны и исследование положения инородцев в Московском государстве проф. Н. Фирсова — с другой, можно заключить, что в одной из грамот Ивана IV было формально подтверждено право владения землей башкирами; фактически же действовала общая система, по которой собственником земель в завоеванных областях являлся государь и жаловал их, кому находил нужным.

Так одной из первых же грамот московским царем были пожалованы Строгановым обширные земли по р. Каме.

С переходом в московское подданство, территория, заселенная башкирами, на основании указанной системы отношения к покоренным областям, должна была колонизироваться по усмотрению завоевателя.

Роскошничали, гуляли,
Нас на скотину меняли,
Генигровский Булгаку (один помещик другому)
Три души дал за собаку.

Скудна была у русских крестьян жизнь тогда.

А помещик не только мог жить безбедно,—он по образу всей своей жизни отличался от остальных людей. У дворян были особые права, каких не было у других людей. Права эти были записаны в особом законе, грамоте. По этой грамоте господа благородные дворяне имели все права и никаких обязанностей. Только одни дворяне могли владеть землями и крестьянами,—другим это запрещалось; кормились они трудами своих крепостных рабов и имели над ними всю власть: эта была их привилегия. А податей в казну они не платили, в солдаты их не брали,—они могли служить по своей воле. Наказывать их без суда не полагалось, а судить их могли только такие же дворяне.

Сечь и пороть дворян совсем было невозможно: „телесное наказание да не коснется до благородного". И назывались-то благородными одни дворяне: все другие сословия назывались подлыми сословиями; подлыми называли тогда весь остальной народ. И на суде, когда приходилось людям тягаться друг с другом, спорить о земле, о деньгах, или судили кого за преступление,—простые люди не были наравне с дворянами. Крепостной мужик не мог вовсе судиться со своим помещиком; а помещик мог судить его чуть не по всем делам. Свидетелем по делу против помещика не мог быть его крестьянин, хотя бы он был единственный свидетель. И наказания для них были разные: одних помещиков да разве еще купцов первых двух гильдий нельзя было наказывать телесно. Все другие подлежали порке. Вся власть в стране была в дворянских руках. Царские чиновники все были люди дворянского звания, „белой кости". Все эти дворянские власти распоряжались в губерниях и в уездах всем населением, держали его в своих руках, и чуть что—расправлялись с „подлым народом" по-свойски.

Подчиняясь Москве, башкиры были приравнены к «высшему сословию» — башкир-вотчинников, так-что не могли уже переводиться в разряд государственных крестьян, что сопровождалось бы отобранием прежде принадлежавших им земель и наделением их ею в размере лишь подушной нормы. Припущенники же, которых башкиры издавна принимали на свои земли, грамотой 1557 г. обязывались платить вотчинникам оброк, а указами 1734—1735 г. г. приравнивались к крепостным крестьянам.

Однако, упомянутые законодательные акты по землевладению и быту коренных жителей края сколько-нибудь существенного влияния на них не имели. Башкиры еще долго сохранили родовой быт; припущенники уклонялись от уплаты установленного оброка, а поземельные отношения тех и других оставались неупорядоченными. Таким образом, вотчинное право башкир не охранялось.

Как общая система, которой придерживалась Москва в завоеванных областях, так и неустановившиеся поземельные отношения башкир и припущенников, открывали большие возможности для колонизации не только правительственной, но и вольной.

На протяжении всей своей истории, колонизация теперешней Башкирии шла двумя путями: правительственная, сверху, имела свои специфические цели и свои элементы населения, а вольная — снизу, как-бы вопреки задачам правительственной, об'единялась иными целями и опиралась на другие элементы.

Первый наиболее ранний период колонизации начинается со второй половины XVI века, — непосредственно за падением Казани.

Война, продолжавшаяся, по словам летописи Курбского, «до шестого лета» после взятия Казани, вызвала большое передвижение народностей. Она двинула в Башкирию массу беженцев с Поволжья, Камы и Сибири, не мирившихся с подданством Москве и не терявших надежды на восстановление национальной независимости. Тептяри, чуваши, мордва и вотяки шли из теперешних: Вятской, Симбирской и Нижегородской губерний, мещеряки — из Сибири.

Наконец, по мере того, как в самом Московском государстве развивалась внутренняя ломка: церковный раскол, прикрепление крестьян к земле, введение рекрутских наборов и т. д., в Башкирию бежали массы русских «сходцев», скрываясь здесь от религиозных преследований, крепостной зависимости и солдатчины.

Вся эта смесь племен, наречий, состояний и составила первоначальное ядро пришлых элементов Башкирии, отнюдь неблагонадежное в отношении к московской государственности. Волнения здесь начались еще при Иване IV, продолжаясь при его преемниках Федоре и Борисе. Позже, в царствование Михаила Феодоровича, прикамские народности опять-таки соединяются с отрядами Заруцкого и сражаются на его стороне с московскими войсками.

Но спустя недолгое время после падения Казани, началась и систематическая правительственная колонизация.

Как на юге, так и на юго-востоке правительство царя московского проводило одну систему. Переходя от обороны к наступлению на «степь», оно сооружало по «берегам», или военным границам, оборонительные линии, по ним—укрепленные города, пригороды и острожки, а между ними — валы и засеки. Районы городов и самые города заселялись сторожевыми войсками, так-что главным контингентом правительственной колонизации оказывались, так называемые, «служилые люди».

Оттесняя ногайцев, державших башкир в своем подчинении, московское правительство строит ряд укрепленных городов в самом центре Башкирии. Так, в 1586 г. воевода Иван Нагой основывает на р. Белой укрепленный город Уфу, несколько раньше или почти одновременно заложена также укрепленная Самара. В 1557 году основывается укрепленный городок Оса, а позже в 1663-м уже под влиянием внутренних волнений, строится Бирск на месте, где еще ранее было село Архангельское, сожженное повстанцами. Около 1557 г. возникает острожок Табынск, а много позже, в 1645-м году, укрепленные городки: Мензелинск и Заинск.

Поскольку московские оборонительные линии продвигались в глубь Башкирии, в нее все дальше стали проникать первые поселения крестьян государственных и дворцовых, но основным ядром правительственной колонизации попрежнему оставались разных категорий «служилые люди» — дворовые. Они составляли войсковое население городов, они же расселялись в их районах.

Приводимая ниже таблица дает представление о войсковом населении самой Уфы за время с 1625 по 1636 годы:

ГОДЫ	Боярские дети	Новокрещенные	Слобод. татар	Толмачи	Пушкари	Вожи	Воротники	Переводч	Литва	Немцы	Черкассы	Посадские	Стрелки пешие	Стрелки конные	Головы	Сотники
1625 . .	31	2	3	10	4	1	1	1	1	2	2	—	218	—	1	2
1626 . .	31	2	3	10	4	1	1	1	1	2	2	—	218		1	2
1627 . .	36	2	3	10	4	1	1	1	1	2	2	—	218	—	1	2
1628 . .	36	2	3	10	4	1	—	1	—	2	2	—	219	—	1	2
1630 . .	36	11	3	—	4	—	—	—	—	4	—	—	219	—	1	2
1631 . .	36	11	3	—	4	—	—	—	—	4	—	—	219	—	1	2
1632 . .	36	11	3	—	4	—	—	—	—	4	—	—	219	—	1	2
1633 . .	36	11	3	—	4	—	—	—	—	4	—	—	219	—	1	2
1635 . .	48	13	3	9	4	—	42	1	—	3	—	9	200	100	1	3
1636 . .	48	3	3	4	1	—	6	—	—	—	3	9	200	100	1	3

Из сводки этой видно, что численность войскового населения была в общем невелика и оставалась в течение ряда лет неизменной. Верхушкой ее являлись «дети боярские», высший разряд служилых людей, а основную массу составляли стрельцы.

Вслед за основанием Уфы правительство начинает создавать население в ее районе.

По жалованным грамотам, разрядным и поместным книгам можно установить, кто были первые поселенцы в районе г. Уфы и на каких основаниях они здесь расселялись.

В 1592—93 и 94 г., в числе других уфимских дворян и детей боярских, «пожаловано толмачу Кондратию Кузьмину Сокурову на Сибирской дороге, на великом поле, пашни 7 четей, да сенных покосов за рекой Белою, Волошкой на 30 копен». У того же Кондратия Сокурова в д. Шугуровке, в 15 верстах от Уфы, «под двором на 20 сажен, да против его усаду распашные земли 5 четей».

В 1607—26 г. г. «уфимскому жильцу», — Фирсу Александровичу Аничкову, «отделено в поместье на большом поле земли 30 четей поле той же земли поместье Таратинское-Чемадурово на 25 четей; на «диком поле» пустые залежные земли по р. Шугуровке, под усад 25 четей, да сенных покосов за Белой рекой на 850 копен».

В 1613 г., по указу царя Михаила, «отказано поместье отца Ивана Каловскому, по р. Аклязю 236 четей».

В 1613 г. сыну боярскому, Василию Зыкову, «дана пашня на Турове поле две поляны, на том же поле — пашня, за рекой Белой — сенные покосы 200 копен».

В 1643 г. — «уфимцу» Григорию Зыкову, в Уфимском районе, «5 четей в поле пустой залежной земли».

В 1624 г., по указу царя Михаила новокрещенному Вавиле Федорову пожаловано земли 30 «четвертей» в пол...

1637 г. Василию Телятеву и детям его, Луке и Матвею, пожаловано поместье.

По грамотам царей Михаила и Алексея «верстаны были по г. Уфе в дети боярские с поместными окладами: Василий, Никита, Степан и Федор Лопатины».

В 1644 г. — «уфимец» Семен Куровский пожалован при р. Деме 50 четями земли, а «в оклад 450 четей».

В 1647 г. «за службы в Уфе», пожалован в боярские дети Артемий Щиголев, сыну его, Ивану, в 1654 г. дано поместье, внукам: Алексею, Даниле и Михаилу — тоже поместье «дикое поле».

В 1651 г. Андрею Погорскому пожалована земля вверх по Уфе реке. В 1652 г. уфимскому новокрещенному Ивану Кадомцеву дано за рекой Уфой поместье в 150 четей.

По грамоте Алексея Михайловича, в 1657 г. «велено уфимца Микифора Карпова поверстать на службу с поместными и денежными окладами», а в 1668 г. ему, Карпову, отказано поместье — 30 четей в поле, да сенных покосов на 130 копен, с крестьянами.

В 1644 году пожаловано поместье Пекарскому.

В том же районе г. Уфы с 1681 по 1697 г. г. поверстано землями и расселено еще до 20 новых фамилий.

Из приведенных записей видно, что лица, пожалованные поместьями и землями принадлежали к разным разрядам служилых людей, почему и награждались недвижимой собственностью не в одинаковой мере щедро.

«Поместья, — говорит Порай-Кошиц, — давали служилым людям вместо жалования в различных размерах, смотря по чину и служебному положению каждого».

На ряду с поместьями, жаловались они и крестьянами.

Из указа царя Федора в 1682 г. видно, что новым помещикам уфимского воеводства жаловались из дворцовых сел и деревень: «Велено было уфимцам дворянам и детям боярским, вместо денежного оклада, давать из дворцовых сел и деревень, за которыми дворяне и детьми боярскими, по одному двору крестьянскому и кабальных по два двора, а пустоместным и беспоместным давать, вместо денежного оклада, по три двора крестьянских и бобыльских по человеку, землю и всеми угодиями, изверстая всех поровну». Крестьянские дворы становились крепостными, кабальные покупались по особым договорам из числа беглых [1]).

Таким образом, создаваемое правительством в районе Уфы новое селение состояло из помещиков, крепостных крестьян и кабальных.

---

[1]) М. Никитин „Хозяйство Башкирии" № 7, 1928 г.

После постройки в центре Башкирии первых укрепленных городов сюда все больше привозились русские помещики, приволакивая крепостных крестьян и к 1647 г. их уже насчитывалось по Уфимскому воеводству 74, с общей численностью мужского населения в 2282 чел. Из них дворцовых сел и деревень было 17, помещичьих—55 и монастырских—2 [1]).

Города и пригороды, основанные по Закамской черте: Мензелинск, Заинск, Шемшинск и их районы, заселяются правительством в том же порядке. В 1655 г. сюда выселены смоленские и полоцкие пленные польские шляхтичи. Из них 124 семьи поселены в Мензелинске и его районе, 128 — в Шемшинске и приблизительно столько же в Заинске. Все они были поверстаны поместьями и землями. Из них-то и образовались в дальнейшем первые мензелинские и заинские помещики.

Но несомненно, что «служилые люди», кроме пожалованных им земель, захватывали и земли башкирские, о чем свидетельствует ряд челобитных, поданных теми еще в ранний период правительственной колонизации, т.-е., на протяжении XVI и XVII в. в. То же делали и «сходцы», но в этом случае, поскольку народности, не мирившиеся с подданством Москве, об'единялись с ними, выступали в ряде восстаний, само московское правительство ограничивало вольный приход, запрещая продажу и аренду земель башкир [2]).

Так в одном из наказов царя Алексея уфимскому воеводе говорится: «чтобы, они, башкиры, вотчин своих и бортных и никаких угодий русским людям и черемисам и чувашам и татарам не продавали, в оброк не отдавали для того, чтобы оттово меж ними ссор больших не было, и владели бы башкиры своими вотчинами, а буде что башкирцам доведется отдавать в оброк и им отдавать своим братьям башкирцам на год—на два, а русским людям никому не отдавать».

Запрещение продажи и долгосрочной аренды башкирских земель не отменялось до половины XVIII века. Оно в известной мере сдерживало вольный приход русских крестьян, но совершенно ослабить его не могло, и башкиры, об'единяясь со «сходцами» и русскими в конце XVI и начале XVII столетий, неоднократно восставали. Непосредственной причиной этого являлось обременение их оброками и рекрутскими наборами, а также злоупотребления властью со стороны воевод, но общей целью выступлений было восстановление национальной независимости.

Так, восстание Сеита в 1662 году имело целью восстановление башкирской независимости, а вспыхнувшее в 1705—7 г. г. под предводительством, так называемого, Святого Султана, к которому примыкали татары, калмыки и даже астраханские раскольники — казаки, имело еще более широкое стремление к освобождению всех народностей Поволжья от владычества московского царя. Во время этих выступлений и выяснилась роль вольных элементов.

Обыкновенно, после подавления таких движений, русские власти требовали выдачи им «сходцев», и, в частности, вслед за восстанием в начале XVII в. по ультиматуму русского воеводы было выдано «сходцев» 4965 дворов или 19 815 душ. Самая численность выданных показывает, что элементы вольные составляли в ту пору уже довольно внушительную массу [3]).

В начале XVIII века, в эпоху Петра и его преемников дворянская правительственная колонизация имела, как и в предшествующих двух

---

[1]) В. Ефремов. Из истории Уфимского края XVI—XVII в. в.
[2]) Соборное улож. 1649 г.
[3]) М. Никитин Журн. „Хозяйство Башкирии“ № 7, 1928 г.

столетиях, военный характер. Заложенная еще при Алексее Михайловиче—постройкой городов и пригородов, Закамская укрепленная линия в 1731 г. была дополнена валом и засеками от Волги до р. Чермашан.

Основанный начальником края, Кирилловым, г. Оренбург одним из его приемников и впоследствии военным губернатором Неплюевым, перенесен в 1743 г. на р. Урал. С этого времени он становится центром военной колонизации. От Оренбурга на юг, до устья р. Яика, проводится оборонительная линия Нижне-Яикская, к западу же, по р. Сакмаре — Сакмарская. Линия Яикская замыкалась Верхне-Яикской крепостью, а отсюда шла линия по р. Ую до Тобола, Сакмарская линия доходила до р. Зилаира, где и замыкалась Зилаирской крепостью.

Таким образом, целым рядом укрепленных пунктов, шедших от Оренбурга, Башкирия изолировалась от Киргизского края, а пункты эти заселялись преимущественно военным людом, при чем осуществлялась мысль Петра об образовании военных поселений. В состав военного поселения входили частью служилые люди Закамской черты, частью же—городовые, дворяне и драгуны, жившие под именем бывших государственных крестьян в городах и деревнях Казанской губернии. С завершением постройки Закамской линии и др. укрепленных районов, в Башкирию все больше стали переселяться государственные крепостные крестьяне, называемые, однако, в официальных актах «вольными, гуляющими людьми»[1]).

«Новую эру,—говорит М. Никитин, — в истории колонизации Башкирии, начиная с XVIII века, создали два мощных фактора: переход от военной боярско-дворянской колонизации к крепостной помещичьей и торгово-промышленной колонизации».

Указ 11-го февраля 1736 года, разрешая свободное приобретение башкирских земель и дач, имеющих в своих недрах руды, знаменует собой начало этой последней формы колонизации. Поддерживаемые и прельщаемые выгодностью предприятия, «энергичные дельцы» — торговцы, промышленники из соседних областей России устремлялись на почти даровые земельные дачные участки с богатыми лесами и рудами, уже известные под «Чудскими копями». В годы, непосредственно следующие за изданием указа, начинают множиться русские горные заводы, история первоначального возникновения в значительной части, которых связана с именем купцов, в частности, купца Ивана Твердышева и его компанионов Мясникова и Маслова. Потерпев неудачи от ведения горнозаводского дела хозяйственным способом, само правительство и в частности, берг-коллегия (орган ведающий горной промышленностью), решили обратиться к частной инициативе. Первым предпринимателем, из'явившим желание взяться за это дело и явился Твердышев, наживший себе капитал поставкой мяса и фуража, для колонизационной армии русского дворянского правительства. В 1744 году Твердышеву передается Шильвинский завод, построенный в 1734 г., правительством, в 1745 году передается Воскресенский завод (построенный в 1737 году). Затем возникают один за другим заводы: Преображенский (в 1748 г.), Архангельский (1753 г.), Катав-Ивановский (1755 г.), Усть-Катавский (1758 г.), Юрюзанский (1758 г.), Белорецкий (1768 г.), Симский (1761 г.), Миньярский (1771 г.) и т. д. Уже к 1770-м г. г. всего на территории бывшей Уфимской губернии и дореволюционной Башкирии действовало 28 заводов, в том числе 15 медных и 13 железных с крепостными и беглыми крестья-

[1]) М. Никитин Журнал „Хозяйство Башкирии" № 7, 1928 г.

нами около двадцати тысяч. (Беглые крестьяне прикреплялись к заводоуправлению — как рабы).

Первоначально для работ на заводах привлекались больше башкиры, но дело с ними, вследствие частых конфликтов на почве их рабской эксплоатации заводской администрацией, не ладилось. Башкиры, имея возможность применить свой труд в деревнях, в большинстве случаев после конфликтов уходили туда, так-что заводской администрации бороться с ними было трудно. Поэтому, капиталисты стали прибегать к услугам беглецов и раскольников — изгнанных властью из центральной России. Заводы расширялись. Роскошные особняки капиталистов стали выделяться среди холопских домов. По ходатайству некоторых владельцев, берг-коллегия перед началом Пугачевского и Салаватского движения разрешила возводить валы, вокруг заводов и имений хозяев-капиталистов. Но разрешение не было использовано. Заводчики увидели, что крепости могут держаться только при условии верности гарнизона (полукрепостных рабочих), на что они не могли рассчитывать, так-как рабский труд, хищническая эксплоатация и издевательства горно-заводчиков разединила русских полукрепостных рабочих, которые смотрели на своих хозяев, как на своих непосредственных врагов.

Поощряя развитие торгово-промышленной колонизации, правительство предоставило ряд льгот и привилегий дворянам и купцам, способствовавшим промышленному развитию на южном Приуралье, т.-е. в дореволюционной Башкирии. Для устройства заводов промышленникам было разрешено отбирать имения, населенными беглыми русскими крестьянами и башкирами и переводить тех на заводы; указом 1726 г. крестьяне, приписавшиеся к заводу, освобождались от податных повинностей.

Отчуждение башкирских земель стало практиковаться в небывало обширных размерах, при чем в отчужденные и «закортомленные» земли входили не только места рудных месторождений, но и обширные площади с вековыми стройными лесами. Кортомить башкирскую землю разрешалось на необычных условиях: на вечные времена. Приобретались они заводами у башкир через ухищрения и нажим и откупа тарханов, старшин, в неограниченном количестве. Так, купец Твердышев приобрел в районе Воскресенского завода такую площадь леса, что, будучи разделена на лесосеки, она могла снабжать завод топливом в течение 50-ти лет, а Авзяно-Петровский и Кагинский заводы приобрели у башкир через выше указанные способы 170 тысяч десятин земли.

Горно-заводское строительство двинулось усиленным темпом, и с тех пор в качестве колонизатора Башкирии на ряду с военными дворянами, впервые выступают промышленники и купцы, которые понаслышке восхищались раньше Чудскими копями, где при малейшем приложении человеческого труда добывались драгоценные руды, которыми к позднему времени пользовались башкиры, делая разнообразные формы военных вооружений и т. д.

По всему горно-заводскому Уралу расселялся новый элемент—горнозаводские крепостные крестьяне, в состав которых входят скупленные в населенных имениях, переведенные владельцами крепостные и, наконец, водворенные на заводы «беглые люди». Последних еще по второй ревизии 1755 г., на одних только заводах Демидова насчитывалось 2357 человек.

«Распространение заводов, сопровождаемое систематическим захватом башкирских территорий, снова вызвало ряд восстаний и после этого правительственным указом 1736 года впервые разрешен был захват лю-

бого кусочка башкирских земель, прежде всего — помещиками и военными, а затем — и представителями народностей, оставшихся верными русской власти. С этого времени в Башкирию еще усиленнее двинулись помещики внутренних губерний, переводя с собой и крепостных крестьян. Вновь прибывшие элементы колонизации приобретали башкирской губернии, об'единявшей тогда и Уфимскую, насчитывалось уже 150 обозначенное в купчей» [1]).

К концу XVIII века по родословным дворянским книгам Оренбургской губернии об'единявшей тогда и Уфимскую, насчитывалось уже 150 вновь переселившихся сюда помещиков. И только в 1818 г. опасение восстания из-за обезземеления населения края вызвало вмешательство правительства, которое выразилось «в запрещении» приобретения башкирских земель, но это «запрещение» действовало недолго.

В 1832 году был издан закон, снова допускавший, «приобретение» башкирских земель, лишь с тем ограничением, чтобы у башкир-вотчинников оставалось «от 40 до 60 десятин», на ревизскую душу.

Таково было положение до 1837 г. В 1838 году по планам министерства государственных имуществ в Башкирию, как и на другие окраины, началось новое переселение государственных крестьян для пополнения рабочими руками образовавшихся уже к этому времени в Башкирии порядочного количества заводов. Наделы этих крестьян на местах прежнего жительства не достигали 5 десятин, но они здесь получали еще меньше, зато заводы, работавшие крепостными рабочими, получали дешевые, уже заранее закабаленные, даровые рабочие руки.

Итак, колонизация Башкирии со дня ее завоевания, во 2-й половине XVIII века и в первой половине XIX века была, главным образом, боярско-дворянская военная колонизация. Вместе с тем, со второй половины XVIII столетия (после укрепления владычества русско-дворянского государства), начинается усиленная колонизация промышленного и торгового капитала, который поощрялся самим царским правительством различными льготами, поддержкой в хищнической эксплоатации своих рабов и прикреплением к ним бежавших из центральной России в Башкирию вольных крестьян, а также фактическим прикрытием открытого и скрытого грабежа башкирского населения.

ГЛАВА VIII.

Помещичье-дворянское господство и восстания в Башкирии.

Башкирские трудящиеся с русскими беглыми крестьянами [2]) в Башкирии сжились и продолжали дружную жизнь. Эта свободная жизнь русских беглых крестьян была страшно ненавистна дворянам, помещикам и самому дворянскому русскому правительству. Поэтому еще в 1649-м году Соборным Уложением русского правительства «определено было воспретить переселяться сюда из внутренней России» (Соборное Уложение, глава XVI, стр. 43). Когда дворяне, помещики награбили

---

[1]) М. Никитин. Жур. «Хозяйство Башкирии» № 6—7, 1928 г.

[2]) В Башкирский край от разного рода притеснения и издевательства дворян, помещиков и князей прибегали и, скрываясь, сжились с башкирами.

большое количество башкирских земель, им понадобился для обработки даровой труд. Они этот труд стали искать не в центральной России, а внутри Башкирии, потому, что в России все крестьяне, почти, являлись закрепощенными, их можно было приобрести только за большую сумму денег у хозяев—помещиков.

В Башкирии такой даровой силой дворяне считали беглых русских крестьян. Поэтому они стали требовать от башкир, чтобы они выдавали их. Башкиры их выдавать отказались. Рассвирепевшие поэтому воеводы и дворяне собрали из окрестностей Уфы выборных людей башкир и, арестовав их, подвергнули всевозможным пыткам. Игнатьев Р. пишет,—что «уфимский воевода лежащих людей порохом палил, солому под ними зажигал, на руки свечи прилеплял и иным в горсти насыпав пороху, огнем палил, потом в тот огород велел вести 10 пушек и стрелял из них до вечера, стращал тем, что велит всех вешать и рубить... Расхаживая по огороду, он (воевода) подходил ко всякому и держа против солнца зеркало, рожи и головы им жег...». Для чего все это нужно было делать дворянскому предводителю, воеводе Сергееву, мы уже знаем из челобитной башкир:

— «Чтобы взять с них сказки о выдаче великому государю 5.000 лошадей, до 100.000 беглых крестьян[1]). С укреплением господства русского дворянского правительства, действительно большое количество русских беглых крестьян было превращено в крепостных и передавалось правительством в распоряжение насажденных фабрик и заводов в виде крепостных рабочих». Оставшиеся же в вольности крестьяне все время теми или иными путями притеснялись дворянами.

Бывали такие случаи, когда башкиры для того, чтобы не давать дворянам те или иные угодья, близ лежащие к их дачам, отдавали их татарским и русским крестьянам, когда дворяне снова начинают покушаться, эти крестьяне передают их обратно или другим крестьянам. Дворяне, боясь вызвать восстание, «бунт», не решались отбирать прямо и добивались этого через «закон» дворянского правительства.

Так, например, дворяне Уфимской провинции и оренбургский губернатор, князь Путятин, послали в 1767-м году депутата к императрице в Москву с ходатайством. Они пишут в наказе[2]) депутату, что:

«1) В окружности помещичьих земель имеются, почти у каждого дворянина леса с бортными угодиями, а у них и рыбная ловля, а владеют теми бортными угодиями и рыбными ловлями и прочими угодиями башкирцы, которым оное прежде владеть дозволено за платеж ими в казну ясак (плату), а теми бортными угодиями и рыбными ловлями и прочими угодиями, состоящими как и выше значит, в дворянских окружностях владеют они и поныне... И из единой их корысти отдают все те угодия крестьянам и прочим разночинцам из оброку, а те разночинцы и крестьяне, взяв от оных башкирцев по записям на малые сроки почитая себя настоящими уже тем угодиям владельцами, потому же отдают из таковой корысти прочим таковым же посторонним владельцам... все означенные угодия вовсем опустошают, и леса вырубают, рыбу вылавливают и дворянство ко всему тому не допускают. Из чего оное дворянство остается с большим неудовольствием. Другие же рыбные ловли отдаются из казны на оброки посторонним людям, а некоторые из них отданы были прежде дворянам в дачи за четвертную пашню.

---

[1]) Материалы Научного Общества БАССР.

[2]) Справочная книжка Уф. губ., изд. 1883 г.

«И по оным всем обстоятельствам уфимское дворянство просит, чтобы повелено было те отборные угодия также и рыбные ловли и прочие угодия, от башкирцев отрешать, а состоящие в казне (отобранные земли у бунтовавших ранее башкир. — Ш. Т.), розданные из оброку прочим, отдать по дачам дворянам.

«2) Здешнее дворянство от бывших пред сим башкирских замешаний («бунтов») приведено в крайнее разорение, отчего положенный на каждого за домовые бани рублевый оброк платить с крайней невозможностью... просить не соизволено-ль будет от оного платежа за бани рублевого окладу дворянство уволить и т. д....

«А если при порученной Вами должности усмотрите по сему какие к дворянским общественным нуждам в полезное, что недостаточно об оном имеете где надлежит представление чинить и о полезном стараться в силе данного Вам полномочия. Март 20 дня 1767 году...» в этом же году пункт из другого наказа.

«3) В дачах и отводах наших бортные угодья и рыбные ловли содержат из оброку Баилярской волости башкирцы по прежним узаконениям, как то и земля, отведенная нам прежде, была башкирская, к тому ж и самая Мензела река с угодьи, на которой город Мензелинск и мы жительство имеем, да и земли наши к той Мензеле реке прилегли, рыбными ловлями владеют из оброку здешние, прежде именуемые белопашенные казаки, а нынешние солдаты и драгуны. А мы, яко в одном месте жительствующие, никакого участия в том не имеем, и как означенные башкирцы, так и солдаты те рыбные ловли и бортевые угодья отдают из оброку разным людям, и об оном просить, дабы имевшие в отводах и дачах наших рыбные ловли и бортевые угодья отданы были из положенного оброку впредь без перекупки, то ж бы и со здешними солдатами, яко одного жительства, довольствоваться вообще.

«4) Сверх вышеписанного, если самими Вами какие к пользе общественные и с обрядом сходные нужды за необходимо признаны будут, и об оных докладывать и просить Вам мы верим и дозволяем (1767 году. июня 15-го дня).

«Подписали дворяне:

Предводитель, секунд-майор Спиридон Никифоров сын Пироговский.
Капитан Семен Гаврилов сын Предлоцкий.
Капитан Иван Егоров сын Тихоновский.
Прапорщик Андрей Яковлев сын Суворов.
Прапорщик Василий Яковлев сын Ляхович.
Прапорщик Иван Антипов сын Борозна.
Канцелярист Василий Сергеев сын Суворов.
Вахмистер Яков Петров сын Брудинский.
Вахмистер Иван Федоров сын Пьянкович.
Каптенармус Михайла Петров сын Моисеенок.
Подпрапорщик Иван Иванов сын Ляхович.

Каптенармус Иван Денисов сын Петров на место каптенармуса Василья Павлова сына Суворова и вахмистра Андрея Спиридонова сына Харьковича по их прошению подписался.

Ротный квартермистр Иван Иванов сын Тихоновский.

Каптенармус Андрей Сергеев сын Борозна вместо каптенармусов: Ермолая Кирилова сына Суворова, Ивана Сидорова сына Тихоновского по их прошению подписался.

Вместо каптенармуса Федорова Савина сына Пироговского по его прошению подписался каптенармус Михайло Моисеенок.

Вместо подпрапорщика Тимофея Федорова сына Каташа по его прошению и за себя подписал подпрапорщик Игнатий сын Пузик.

Вместо подпрапорщика Петра Тиханова сына Дударя, по его прошению, вахмистер Иван Пьянкович подписался.

Вместо подпрапорщика Ерофея Лукьянова сына Сипайлова по его прошению капрал Петр Тихановский подписался.

Вместо капралов Саввы Павлова сына Брудинского, Кондратия Васильева сына Каташева, Ивана, Михайлы Аверьяновых детей Ляховичей Степана Петрова сына Суворова, по их прошению, капрал Иван Брудинский подписался.

Капрал Семен Козьмин сын Ляхович.

Капрал Алексей Дмитриев сын Пироговский.

Капрал Петр Миронов сын Тихоновский.

Вместо капрала Григорья Александрова сына Медвецкого и рядовых Дементья Петрова сына Одинца, Михайлы Романова сына Бакуна, Назара Тихонова сына Пироговского, Михайлы Елисеева сына Каташа, Якова Григорьева сына Ляховича, по их прошению капрал Петр Тихоновский подписался.

Капрал Иван Савин сын Брудинский.

Вместо рядовых Василия Семенова сына Брудинского, Володимира Александрова сына Медвецкого, Афанасья Карпова сына Тихоновского, Петра Тихонова сына Валюженина, Степана Тихонова сына Дударя, Андрея Иванова сына Быкова, Александра Лукьянова сына Янкова, Ивана Харитонова сына Ляховича, Мирона Семенова сына Тихоновского по их прошению капрал Петр Тихоновский подписался.

Каптенармус Михайла Иванович сын Ляхович и вместо рядовых Степана Назарова сына Тихона, Михайла Петрова сына Брудинского, Тимофея Артемьева сына Воронкова, Ивана Павлова сына Суворова, Ивана Андреева сына Голого, Василья Макарова сына Богданова, Кириллы Васильева сына Пироговского, Матвея Назарова сына Каташа, Леонтия Назарова сына Каташа, Сергея Абрамова сына Каменского, Ивана Романова сына Бакума, Якова Кириллова, сына Борозны, Александра Сергеева сына Жданова, Андрея Савельева сына Филипповича, Осипа Кириллова сына Филипповича, Ермолая Тихонова сына Валюженина, по их прошению подписался.

Подпрапорщик Андриан Федоров сын Медвецкий.

Вместо рядовых Назара Антонова сына Пилецкого, Афанасия Герасимова сына Витковского, Никиты Карпова сына Дударя, Романа Герасимова сына Микунова, по их прошению подписал капрал Петр Тихоновский.

Вместо рядовых Андрея Лукьянова сына Сипайлова, Сергея Назарова сына Тихона, Степана Кириллова сына Дмитрия Лукьянова, сына Еньковых, Николая Иванова сына Медвецкого, Григорья Семенова сына Брудинского, Осипа Антипова сына Борозны, Романа Тихонова сына Дударя, Астафья Данилова сына Тимохова, Гаврилы Федорова сына Микунова, Михайлы Иванова сына Харьковича, по их прошению подписался каптенармус Михайла Ляхович.

Вместо рядовых Михайлы Сидорова сына Петрова, Карпа Тихонова сына Богданова, Петра Тихонова сына Валюженина, Михайлы Кондратьева, Андрея Матвеева детей Каташевых, по их прошению подписался капрал Петр Тихоновский.

Подпоручик Ларион Якимович сын Ляхович.

Вместо рядового Егора Васильева сына Тихоновского по его прошению подпрапорщик Иван Ляхович подписался.

Сержант Игнатий Фенич сын Усавич.

Вместо рядового Матвея Назарова сына Тихона по его прошению прапорщик Иван Ляхович подписался.

Предводитель коллежский ассесор Сельвестр Артемьев.

Секунд-майор Николай Пекарский.

Капитан Михайл Аничков.

Секунд-майор Стефан Аничков.

Капитан князь Иван Ураков.

Капитан Николай Зубов.

Майор Федор Моисеев.

Поручик Федор Каловский.

Прапорщик Максим Артемьев.

Каптенармус Федор Гладышев.

Каптенармус Никита Черников-Анучин.

Прапорщик Дмитрий Аничков.

Прапорщик Филипп Аничков.

Вахмистр Никифор Артемьев и подпрапорщик Егор Черников-Анучин, а вместо их, за неумением грамоте, по их просьбе расписался каптенармус Никита Черников-Анучин.

Каптенармус Семен Карпов, капрал Иван Артемьев, капрал Тимофей Непейцов, драгун Федор Волков, подпрапорщик Афанасий Аничков, драгун Емельян Артемьев — а вместо их за неумением их грамоте, по их просьбе подписал каптенармус Никита Черников-Анучин.

Подпоручик Иван Зотов и подпрапорщик Алексей Зыков, вместо их за неумением грамоте, по их просьбе подписал каптенармус Андрей Зыков, драгун Михайла Артемьев, драгун Михайла Аничков, драгун Михайла Нипейца, драгун Андрей Аничков, драгун Михайла Таганьев, драгун Тимофей Карпов, подпрапорщик Петр Лопатин, подпрапорщик Николай Щеголев, подпрапорщик Евдоким Волков — а вместо их, за неумением грамоте, по их просьбе подписал каптенармус Никита Черников-Анучин.

Капитан Андрей Моисеев.

Дворянин Василий Курковский.

Капрал Степан Черков.

Прапорщик Андрей Гладышев.

Драгун Андрей Лопатин, вахмистр Иван Лопатин, а вместо их за неумением грамоте, по просьбе их подписал каптенармус Никита Черников-Анучин.

Каптенармус Яков Кириллов.

Подпрапорщик князь Егор Ураков.

Капитан Алексей Жилин.

Драгун Степан Лопатин, драгун Данила Савин, драгун Никифор Третьяков, а вместо их за неумением грамоты, подписал каптенармус Семен Карпов.

Драгун Яков Третьяков, драгун Иван Третьяков, а вместо их за неумением грамоте и за себя подписал драгун Тимофей Третьяков.

Каптенармус Иван Каловский, а вместо него по просьбе и за себя вахмистр Иван Каловский подписался.

Каптенармус Василий Курковский, драгун Андрей Приклонский, капрал Николай Третьяков, капрал Иван Непейцев, дворянин Андрей Лопатин—а вместо их, за неумением грамоте, по их просьбе подписался сержант Максим Каловский.

Прапорщик князь Петр Ураков.

Прапорщик Григорий Моисеев.

Прапорщик Алексей Телятев, дворянин Михайлы Зыков, драгун Лев Третьяков, а вместо их, за неумением грамоте, по просьбе оных подписался сержант Максим Каловский.

Отставной драгун князь Василий Ураков.

Каптенармус Петр Гладышев, а вместо его, за неумением грамоте, по просьбе его и за себя подписался каптенармус Андрей Зыков.

Подпрапорщик Петр Лихачев».

Хотя этот перечень пунктов и фамилий загромождает книгу, но он важен тем, что показывает, как дворянство возглавляло военную силу и как оно добивалось себе богатства, будучи неудовлетворенным добычей своих грабительских похождений. Оно добивается не только отнятия башкирских земель и других доходных угодий, но и у беглых русских крестьян и солдат — не дворян.

Мы этот перечень помещаем еще потому, что многие русские дворянские и буржуазные историки и писатели стараются борьбу башкир показать, как борьбу направленную против всех русских, т. е. крестьянства. Может, башкирские тарханы, муллы были враждебны ко всем русским, но борьба основных масс шла не против русского крестьянства, как против колонизаторов, а против воевод, генералов, офицеров, дворян, помещиков, купцов, ростовщиков и их правительства.

Это еще более ясно подтверждают первые башкирские восстания и Пугачевско-Салаватский «бунт», в которых крепостные и некрепостные крестьяне, как русские, так и казаки, башкиры, татары, черемисы, чуваши,—все единодушно боролись с русским дворянством, помещиками и капиталистами, эксплоатирующими крепостной труд.

Первые восстания.

Насилия воевод боярского Московского правительства и служилых бояр, приехавших в Башкирию; наложение разного рода непосильных податей; ограбление башкирских полей, пашни, угодий и полное издевательство над населением завоеванной страны, грабеж торговыми капиталистами башкирских охотников, — вот главные причины, породившие башкирские восстания в 1584, 1645 г. г.

Восстания 1584, 1645 года были усмирены силой вооруженной регулярной армии.

Ограбление и издевательство над населением Башкирии теми или иными путями продолжались. После неудачных восстаний в 1584 и 1645 г. г. башкиры еще решительнее готовились к отпору боярских и воеводских деяний и через 17 лет, в 1662 году, вспыхнуло новое восстание.

Это восстание башкир (1662 года) известно под названием—«Сеитовского бунта». Оно продолжалось более 20 лет, т. е. с 1662 г. по 1683 год. Во главе восстания стоял некий старшина Сеит.

Восставшие башкиры, соединяясь то с калмыками, то с киргизами, доходили до Верхотурья, Тюшини и Кунгура, несколько раз осаждали Уфу, Бирскую, Мензелинскую крепости, проникали до Казани.

Восставшие уничтожали дворянские, боярские дворы—имения, посевы передавали местным жителям или жгли. Восстание страшило московское правительство. Одной только силой подавить восстание было невозможно. Дворянское, русское правительство повелевало разослать воззвание башкирам, обещая уступки и освобождения их атаманов, захваченных в плен. Но это мало приносило пользы. Восстание продолжалось. К концу восстания главный союзник Башкирии, калмыцкий хан Аюка, сло-

жил оружие перед московскими боярами и принял подданство России. После этого силы России, которые были заняты в войне с калмыками, были направлены против Башкирии. Главные силы башкир были сломлены, и уже к 1683-му году восстание затихло, оставшись только в отдельных гористых местах.

Башкирское восстание 1662—1683 г. г. есть протест против произвола ставленников Московского боярского государства и протест против грабежа башкирских полей, угодий русскими боярами, дворянами и против грабительских «торгашеств» русского торгового капитала.

Для об'яснения некоторых моментов причин восстания мы приводим челобитья башкир и грамоты. Башкирин Ногайской дороги Асау Кусямов жалуется, что «по делу их в иностранной коллегии об обидах, бывший в Уфимской провинции ассесор Лихачев обвинен и велено оному Лихачеву заплатить им башкирам, иск, но токмо и поныне не платит и поданными своими прошениями он их раззоряет и убыточит, а ныне, де оный, Лихачев, похваляется быть у них в городе воеводою, чтобы у оного, Лихачева, на них в Уфимской канцелярии челобитен не принимать, и в Уфе ему не быть, и дать им, башкирцам, оберегательную память».

Дальше, Осинской дороги Муса Истеков жалуется, что «посылаются, де, из Уфимской провинциальной канцелярии для сбора с них ясака разные сборщики, повсегодно, от которых чинятся им обиды». В другой жалобе Муса Истеков говорит, что «в прошлых, де, годах Сарапульского уезда человек Степан (торговец) покрал у него 36 лошадей, в которой краже и повинился, и не допуская себя в розыск, в платеже тех лошадей и подписался, а повытчиком, де, Кириллом Панковым тот вор без платежа за тех лошадей из-под караула освобожден и по отпуске, де, того вора оный под'ячий Панков, поставя того вора в Уфимскую канцелярию, держал его, Мусу, в той канцелярии под караулом с полугода и брал с него многие взятки, отчего пришел он, Муса, во всеконечное раззорение»...

Башкиры Сибирской дороги просят, «чтобы с их братьи за девок, выданных замуж с калыму из приданного за ними всякого скарба, пошлин не брать, дабы им от того не придти в убожество»...

Алдар-Кусюмовское восстание 1704—1707 г. г.

Причины восстания 1704-1707 годов, под руководством Алдара Кусюмова, впоследствии башкиры сами так об'ясняли в челобитной, поданной императору Петру Великому: «Раззорение было не от нас. Мы ясаки платили и подводы давали и службу несли, а приехали в Уфу город Михайло Духов, Андрей Жихарев и наложили и на нас тягости, которых на наших положено не было, 72 статьи прибыли наложили. Надеясь на твою высокую милость, мы с ними спорили. Да после этого приехали (тоже по повелению высокомилостивого. Ш. Т.)—к нам Александр Саввич Сергеев со многими полками и брал много подвод, многими бедами нас изнуряли, призвал наших добрых выборных людей, поил их зельем и вином, и порохом жег, многих людей тем до смерти поморил, бил, мучил и в крепкие места запирал, стращал, чтобы повесить, изрубить и брал сказки, что великому государю дать пять тысяч лошадей, да тысячу человек людей и выборные люди поневоле сказки дали.

«После того Козлов выехал со многими полками на Ногайскую дорогу для раззорения нас, да за ними же выехал Сидор Аристов со многими полками, раззорил деревни наши и поджег и в плен людей брал»[1]).

---

[1]) Архив Тургайской области.
Соловьев — История России. Том 16, гл. 3, стр. 294.

Алдар-Кусюмовское восстание в 1704-1707 годах вспыхнуло вследствие ряда насилий уфимских правителей и руководителей русских бояр, дворян и торговых капиталистов. Для иллюстрации этих насилий достаточно продемонстрировать личность воеводы Александра Саввича Сергеева. Н. Попов в своей книжке «Татищев и его время» так описывает в'езд его в Уфимскую провинцию:

«Явившись в самый город, Сергеев по обычаю предшественников, об'явил призыв выборным старшинам, батырям и тарханам, князьям башкирским, но устроил для них грозную встречу. Путь к воеводскому дому установлен был пушками, какие нашлись тогда в городе, и строем вооруженных солдат: «И всех их мирских людей промеж таких храбростей провел». Напуганные таким приемом, башкирские старшины ударили челом грозному воеводе и подвели ему 22 лошади, ценою в 409 руб. Сергеев этим не довольствовался, заявив себя ревностным приверженцем системы кормления, новый воевода выступил с небольшим отрядом для осмотра вверенной ему провинции. Башкирцы, ясачники и сельчане (беглые русские), заслышав о путешествии «своего отца» и командира (грабителя. Ш. Т.), бросали жилища по мере приближения к ним Сергеева и вместе с женами и детьми уходили в леса и степи: много людей от того померло, а пожитки их утратились. Воевода вернулся в Уфу и снова потребовал к себе выборных, те явились неохотно, да и то немногие. Тогда рассвирепевший Сергеев велел собирать всякий народ с базаров, улиц, постоялых дворов. Досталось и посадским. Заперев собранных в крепкий огород, он расставил кругом караул, выкатил из воеводских погребов одну бочку вина и меда и, положив в них зелья, неволею всех поил, кто и век свой меду и вина не пивали, а если де кто не станет пить, тех, бив палками поил насильно, они напившись, лежали без памяти; и лежавших людей порохом палил, солому под них огнем зажигал, на руки свечи прилеплял и иным в горсти, насыпав пороху огнем палил; потом в тот огород велел ввести 10 пушек и стрелял из них до вечера, стращал тем, что велит всех вешать и рубить; так продержал с утренней зари до 6-го часа ночи, и как они пьяные лежали, в то время, расхаживая по огороду, он подходил ко всякому и держа против солнца зеркало, рожи и головы им жег и который тронется, тех еще поил, чтобы поморить»[1]).

Для чего все это нужно было делать Сергееву, мы уже знаем из челобитной башкир «чтобы взять с них сказки о выдаче Великому Государю 5.000 лошадей да 100.000 беглых людей». Боярам, воеводам для укрепления своего экономического господства нужны были лошади, тягловая сила. В течение 1590-1700 г. г. они захватывали башкирские пашни и поля, для хорошей обработки их им понадобилось 5.000 лошадей, во-первых. И к этому еще нужны были рабочие руки. Для удовлетворения этой потребности бояре, дворяне и воеводы требовали выдачи русских беглых и скрываемых башкирами крестьян, около 100.000 человек. Так что русские бояре, дворяне, с одной стороны, угнетали, грабили башкирское население, с другой — стали закабалять, превращать в рабов русских крестьян, бежавших ранее от них же.

Вот что писал Бестужев-Рюмин в своем докладе императрице 15-го октября 1762 года:

«В древних и новых историях довольно примеров.... удаленных провинциях как хитро наместники, губернаторы и пр. правители, обогощая себя, разных жителей утесняли и повод к бунту подавали к отделению

---

[1]) Ник. Попов «Татищев и его время», стр. 165—166. Соловьев — История России, т. 15, стр. 1446.

другой протекции, так-то и здесь, т. е. в Башкирии примером было, что башкирцы, земогорцы[1]) и др. ближние народы из разных и несносных утеснений неоднократно бунтовали»[2]).

Татищев в 1734-м году в своем представлении в кабинет... между прочим, говорит: «Башкиры и татары жалуются, будто офицеры, присылаемые в их деревни для «покупки» лошадей, делают им великие обиды, а если же они, татары и башкиры, воспротивятся хотя и правильно, то берут их в Уфу и сильно разоряют»[3]).

В 1737 г. в секретном донесении Соймонову Татищев писал: «Майдар жалуется на старшин, якобы верные грабительством своим новому смятению причину дали.

«Капитан Литков великий вред сделал всем, что из лакомства верных разорил и побил. Майор Бронский таким же образом великий вред сделал, что принесших повинную безоборонных отступя несколько сот побил и пожитки себе побрал (имущество грабил), который не только по уставам не наказан, но и не сужден, а из того, многие увидя, не токмо с повинной не пошли, но и новый бунт воздвинули, коль же паче известно, что многие командиры для такого лакомства, забыв свою должность мечутся за пожитками, некоторые полковники, как Сергеев видя в полках своих в конях недостаток, изобрав башкирских лошадей продавали и в деревни сослали. Так, например, поступал и Бордукевич».

На различные виды притеснений, издевательств, разграблений башкир со стороны властей дворянского государства указывает также Мордовцев и Гиннин. Первый говорит, что при сборе ясака брались «ерилики», так-как хорошо было известно, что инородцы были и без гласны и, не зная по-русски, не могли оправдываться против обвинений «чинить жалоб на притеснителей». Гиннин говорит еще, что: «башкиры жаловались, что их разоряет табачный откупщик Белокашенцев, принуждает их покупать гнилой табак, который продает вместо пуда — 30 фунтов и если они купят хорошего табаку на стороне, то откупщик их разоряет». Жаловались башкиры Гиннину и на уфимских судей, что они волочат их верст за семьсот, а правосудья никакого не оказывают, берут взятки. Отчего — писал Гиннин — Тайная Искра, которая под пеплом тлеет, может современем огненное пламя родить»[4]).

Русские бояре, дворяне, воеводы, их чиновники и торговцы при поддержке «его величества монарха» и всего дворянского государственного аппарата со дня завоевания начали грабить башкир и продолжали усердно до 1700 годов, что не могло не вызвать восстания. Оно и вспыхнуло в 1704-1707 г., но силой оружия многочисленной армии Московского дворянского государства было подавлено. После чего та же политика и история, что было до 1700 г. Поэтому, более дальновидный дворянин не мог не выразить предупреждения своему классу, указывая, что «Тайная искра, которая под пеплом тлеет, может со временем огненное пламя родить». Оно действительно так и случилось. Башкиры с новой силой вновь восстали в 1717-1735-6 годах, последовавший маленький перерыв дал новое потрясающее восстание в 1740-1744 годах под предводительством «хана самозванца» «Кара-Сакала».

Одной из важнейших причин этого восстания служил указ от 11-го февраля 1736 г. о «бунтовщичьих землях». Велено было отобрать землю

---

[1]) Русские вольно-наемные рабочие.
[2]) Труды Научного Общества БАССР.
[3]) Там же.
[4]) Там же.

у «бунтовавших башкир в казну»[1]). На основании этого, большое количество земель было отобрано и передано дворянам и «служилым элементам» дворянского правительства.

Кара-Сакаловское восстание.

Во время восстания 1717 г. башкиры громко заявили, что не хотят и слышать о дьяках и воеводах, боярах, управление которых тяжело и жестоко. «Хотим жить по старому свободно там, где жили, управляясь сами собой через людей избранных, как это было издревле еще при существовании Золотой Орды и Казанских ханах». «Управление всевод было — говорит Р. Игнатьев — действительно жестоко».

Башкиры заявили, как мы выше сказали, что они хотят жить по-старому свободно, а Петр Великий император, проводивший волю русского торгового капитала боролся за полное обуздание башкир и др. живущих здесь народов, т.-к. этот край был важен как ключ в Среднюю Азию. Петр всегда помышлял об азиатской торговле, в соответствии с этим ему был подан проект сенатским чиновником Иваном Кирилловичем Кирилловым. Петр вполне одобрил проект Кириллова. После кончины Петра проект Кириллова, хотя и известный правительству, оставался без исполнения до царствования императрицы Анны, ввиду восстания 1717, 1735-7 г. г. К 1737 г. русское правительство уже нашло полезным, возможным и удобным привести в исполнение проект, поручив дело самому Кириллову, произведенному в статские советники, в товарищи ему был дан полковник башкирин Мурза Тевкелев, местный уроженец.

В ответ на это мероприятие, т. е. на стремление к окончательному завоеванию, обузданию Башкирии, башкиры ответили новым восстанием.

Дело началось так. Башкиры послали в Уфу к Кириллову 3-х уполномоченных сказать от лица всего народа, что не допустят его до похода на р. Орь. «Царь Иоанн,—говорили они,—дал грамоту в 1556 году нам в вольности жить при старых порядках, по древним нашим обычаям, самим собою управляться, на этих условиях наши предки признали...Российское подданство. Но тот же царь Иоанн, вопреки жалованной грамоте 1556 г. за его подписом, начал строить крепость. Подчинил нас своим законам, подчинил жестоким и корыстолюбивым воеводам. Наследники Иоанна пошли далее, роздали наши земли дворянам, стрельцам-боярам, купцам, монастырям... вообще захватили наши земли, а теперь помышляют о постройке Оренбурга.... Этого мы дозволить не можем и будем сами о себе помышлять. Мы все знаем, что о нас думают в Петербурге, а потому будем искать нашего права оружием и все до одного готовы умереть за свободу. Русские (правительство) нарушили свое слово, и мы отныне не считаем себя их пленниками». (Р. Игнатьев).

Посланных от лица всего башкирского народа с такими словами пытали и даже одного замучили до смерти, но ничего не узнали о главных двигателях восстания.

Как Кириллов и Тевкелев об'явили о своем намерении отправиться на устье р. Ори для основания Оренбургской крепости, так взволновались башкиры и др. инородцы.

Восстание началось с нападения на 5-ую роту Вологодского драгунского полка. Драгуны были разбиты наголову. После этого было сделано нападение на лагерь самого Кириллова под Уфой. Восстание разгорелось. К тому еще стали распространяться слухи о том, что на границе Башки-

[1]) Игнатьев Р. Материалы Научного Общества БАССР.

рии появился один человек, называвший себя Кара-Сакалом сыном Юнгерского (Калмыцкого хана — бывшего союзника в борьбе против русского дворянского государства в течение 1662-1683 г. г.). О нем отзывались как о человеке храбром, ученом, совершившем путешествие по всем средне-азиатским государствам, как о хорошем руководителе и наезднике.

Кара-Сакал, по описаниям, действительно был таким. Ему было 32 года; славно владел конем и оружием, удивлял даже первейших удальцов и наездников башкир. Знание арабского языка давало ему перевес над всеми; кроме арабского языка, Кара-Сакал, вся молодость которого прошла, как он сам говорил, в странствованиях по Средней Азии, знал все местные наречия, всего же лучше, юнгерское. Кара-Сакал обладал даром говорить увлекательно и доказательно.

Слава о Кара-Сакале дошла и до восставших центральных башкир, которые через башкир, живущих в пределах нынешней Оренбургской губернии, стали звать к себе Кара-Сакала. Нашлась группа башкир, которые связались непосредственно с Кара-Сакалом [1]) — «ханом-самозванцем». Кара-Сакал не отказался от приглашения.

Башкиры об избрании Кара-Сакала «ханом-освободителем» дали знать по всей Башкирии; везде были совещания и везде решили единогласно: звать Кара-Сакала будущим или нареченным ханом.

Но не успели окончиться совещания, как Кара-Сакал с группой башкир явился из степи в среду восстающих башкир близ нынешнего Верхнеуральска. Кара-Сакал об'явил, что он едет сражаться, как воин, за свободу башкир. «Вы мне обещаете ханство, и я пришел заслужить его, но приму не прежде как заслужу».... «заслужи ханство, на том тебе клянемся» — твердили башкиры, и многие муллы привели башкир к присяге. «Кара-Сакал», несмотря на свое избрание в ханы только башкирским народом, принял начальство над всеми мятежниками, в том числе и не башкирами. Он повел все отряды восставшего народа в бой.

«Кара-Сакал», храбрый и отважный, в битве был вместе с тем хладнокровным и сдержанным; он не увлекался удачей и никогда не терялся и не унывал в несчастии и неудаче. Казалось «судьба» создала Кара-Сакал военноначальником. Его разношерстные толпы, кое-как и кое-чем вооруженные, смело шли против регулярных войск и, кроме грозной (в свое время) артиллерии, не боялись пехоты, ни драгун, ни казаков. Одна только артиллерия сдерживала восставших. Будь у них пушки и умение их делать, восстание бы победило.

Русское правительство, видя в этом восстании грозную силу, двинуло многочисленные войска из центральных губерний России, поручив начальство казанскому губернатору, генерал-лейтенанту Мусину-Пушкину. Мусин-Пушкин и Кириллов скоро увидели и поняли всю трудность усмирения восставших. Войска их оказались непривычными вести дело в горах (Урала) и лесных местах, поражаемые пулями и стрелами из-за каждого камня, угла и куста [2]).

Войска встречали неудачи и потери в людях, с большим трудом удавалось разбить какую-нибудь ничтожную группу отрядов Кара-Сакала. Повстанцы сами нападали на отряды русского правительства.

После того, как русское правительство двинуло в Башкирию большую силу армии, Кириллов и Тевкелев со своим отрядом двинулись из Уфы к устью реки Орь. На Кириллова и Тевкелева постоянно нападали воору-

[1]) Кара-Сакал — хан самозванец, башкирин, один из руководителей восстания 1735 года.

[2]) Игнатьев Р. Труды Научного Общества БАССР.

женные сотни башкир Кара-Сакала. Царские войска с величайшими потерями и только при поддержке прибывающих новых сил с трудом продвигались вперед. Навстречу им шел сам Кара-Сакал и старался довершить поражение. Кара-Сакал отбил немалый обоз с провиантом и амуницией на верховьях р. Урала или тогдашнего Яика, перебил и побрал в плен команду, разбил две сотни яицких казаков, потом бросился в нынешний Челябинский уезд, но боясь ослабления тыла, вернулся со своими главными отрядами назад в центр Башкирии...

Восстание продолжалось. Посланные на усмирение дополнительные войска по трудным путям ничего не могли сделать, везде встречали неудачи. Кара-Сакал везде наносил урон войскам русского дворянского правительства. Недаром же про Кара-Сакала сложились песни, вроде следующей:

Кара-Сакал — богатырь,
Каких мало в свете.
В белой чалме,
На черном коне —
Быстр он, как ветер,
Грозен, как божья гроза.
Не боится врагов,
Он их побивает
Острой саблей,
Копьем и стрелами.
Ему ничтожем сотни врагов...
Божья гроза, погуби врагов,
Грозно он саблею машет,
Громко башкир скликает
Итти на врагов...
С ним биться невозможно:
Ему не вредят ни пули, ни стрелы,
Ни копья, сабли...

Так-что Кара-Сакал для русского дворянского правительства стал очень страшным, грозным врагом.

К концу 1737 года Кириллов, добравшись до места нынешнего Оренбурга и обосновав крепость, вернулся в Уфу, но вскоре был отозван в Петербург для доклада. Мусин-Пушкин тоже сменен, на его место был назначен генерал-лейтенант Румянцев. И его командование терпело неудачи. Восстанию, казалось, не предвиделось конца.

«Перед восстанием у башкир начались сношения с казанскими татарами, и многие башкиры женились на казанских татарках. Поэтому русское правительство *в 1736-м году запретило башкирам жениться на казанских татарках. Кроме того, в этом же году было абсолютно запрещено башкирам носить и иметь у себя дома оружие, запрещено иметь в башкирских деревнях кузницу*».[1])

«*Уличенных в «бунте» приказано казнить смертью, бить нещадно кнутом, ссылать на каторгу, отдавать в солдаты, продавать в рабство с женами и детьми, велено жечь и истреблять бунтовщичьи селения, забирать скот, собирать контрибуцию деньгами и лошадьми годными, лучшими (для драгунских полков) и, наконец, дозволено* было разным лицам приобретать башкирские земли как офицерам и дворянам, так и купцам, а также дозволено было помещикам расширять свои владения и переселять в Башкирию своих крепостных, дворовых крестьян (рабов)».[2])

[1]) Игнатьев Р. Труды Научного Общества БАССР.
[2]) Там же.

Румянцев пожег много селений башкир, казнил, отдавал в солдаты, ссылал и отдавал в рабство, собирал контрибуцию, отбирал земли башкир и отдавал дворянам, помещикам, купцам, отнимал лошадей. Вообще было разрешено грабить башкир и восставшие с ними другие племена, но и эти меры ничего не помогли, тогда были обещаны прощения и награды тому, кто поймает «Кара-Сакала» и предаст его.

Румянцев пробыл на своем месте около года и был отсюда взят. На его место прибыл князь Галицын, под председательством которого и открыта в Мензелинске Судебная Комиссия по башкирскому «бунту». Галицын скоро (в 1738 г.) умер, на его место был назначен другой—генерал-майор Саймонов. В этом же году умер Кириллов, а на его место был назначен Татищев.

По делу усмирения восстания Татищев назначал военные советы, на которых сам председательствовал. Здесь обсуждались меры наказаний, а приведение в исполнение их предлагалось начальникам войск.

Русское правительство еще послало два ландмилиционных и два драгунских полка, а также бывший казачий корпус, в количестве 3.000 человек, вызваны были и яицкие казаки. После этих мероприятий война между башкирами и русским дворянским правительством стала ослабляться, многие деятели башкир попали в плен, а также захвачены были три главных руководителя, помощники Кара-Сакала: Кильмяк, Акай и Юсуп. Велено было исетскому воеводе и челябинскому коменданту, усилив войско, нажать с востока на главные силы Кара-Сакала, которыми он сам руководил лично. Татищев также был снят, на его место, т. е. диктаторствовать над Башкирией, был назначен генерал-лейтенант князь В. А. Урусов, человек жестокий, один из «Бироновщиных». Урусов первый явился в Мензелинск и принялся за «судебную комиссию».

Как и при предшественниках, с приездом Урусова, начались нещадные пытки, с жжением огнем, ломанием ребер и т. д.

По примеру всех тогдашних судей, князь Урусов также сам изобретал всевозможные пытки. «Суд» его был короток: кол, плаха, виселица, кнут, Сибирь и передача в рабство.

Закипели по инициативе князя Урусова таким же порядком дела о башкирах и в Оренбургской крепости, где была открыта другая «судебная комиссия».

Через многочисленные пытки было дознано и о Кара-Сакале, что *настоящее его имя Мендегул и что он просто башкирин* Юрматинской волости, что у него есть родственники и проживает жена, им давно оставленная. Мендегул, прозванный Кара-Сакалом, пропал было без вести несколько лет назад до восстания. Те, которые признали Кара-Сакала, знали, кто он сам и откуда. Никто не научал Кара-Сакала назваться сыном Зюнагорского хана, так единогласно показали 300 человек.

Князь Урусов приказал разослать универсалы и везде огласить о «самозванце Кара-Сакале», с указанием: кто он, откуда, и сейчас же принять меры к поимке его, обещая тем, кто его выдаст, прощение, а кто скроет—казнь и гибель семьи и имущества.

Кара-Сакал не был пойман. Урусов видя, что в Уфимской провинции восстание слабее и держится упорно только в Исетской провинции, принял все меры, чтобы поскорее покончить с Кара-Сакалом, перебросив главные силы действующего корпуса драгунов и казаков. В то же время усилил казни, пытки.

«Как ни грозен был князь Урусов, но среди восставших башкир нашлись очень много таких, которые решились умереть с оружием в руках. Терпеть пытки, смело итти на ужасную казнь, были и такие, что сами

себя уморили голодом в тюрьме. Сам князь Урусов, уже по усмирению восстания, на военном совете в Оренбургской крепости тогда сознавался, что часто пытки оказываются несостоятельными и приходится действовать другим путем, через разведывание стороною»[1]).

Между тем, когда в Уфимской провинции восстание было уже подавлено. Кара-Сакал все еще держался на прежних местах, ближе к Киргизским степям. Конечно, группы его редели от потерь, но ни один из пленных не думал выдать Урусову своего вождя, несмотря на обещанные прощения и награду. Словом, восстание в Исетской провинции держалось, восставшие сражались, как львы.

Поэтому, князь Урусов кроме команд, бывших у исетского воеводы и челябинского коменданта полковника Павлуцкого со своей командой послал туда еще другие сильные отряды пехоты и конницы с артиллерией, под начальством полковника князя Путятина и дворянина майора Языкова, которые (Павлуцкий, Путятин и Языков) громили, били перед этим восставших в нынешней Оренбургской губернии. «Они пожгли много башкирских селений, побили, истерзали несколько тысяч восставших, забрали имущество, скот, жен и детей» (Р. Игнатьев).

Эти дворянские удальцы-хищники начали наступление и на Исетскую провинцию, сжигая по пути башкирские деревни.

Из их сводок Урусову видно, что они имели несколько сражений с самим Кара-Сакалом. Кара-Сакал, будучи окруженный многочисленной, хорошо вооруженной (в то время) пехотой, кавалерией, с артиллерией дворянского русского правительства, все же держался долго. Когда лишился многих из своих эсаулов, сотников и большого количества храброй конницы, Кара-Сакал отступил с малочисленной конницей за реку Орь. За ним гнались, но Кара-Сакал не дал себя захватить ни Павлуцкому, ни Путятину, ни Языкову, которые наступали с разных сторон и скрылся в Киргизских степях.

Спустя некоторое время, несмотря на малочисленность своей конницы, Кара-Сакал, вернувшись, еще раз сразился с павлуцкими драгунами, но был разбит и раненый с 50-тью конными, на виду гнавшихся павлуцких драгунов, опять ускакал за киргизскую границу.

Уже весною в 1740-ом году восстание совершенно было усмирено. Давно начатые розыски и «следствия» закончились, виновники, руководители восстания, многие попали в руки дворянского русского правительства. «Башкиры, взятые в плен под Орском и Оренбургом, в числе более 5.000 человек были собраны, сконцентрированы, в 12 верстах от города Оренбурга, в поле в лагере, под караулом сильного отряда войск. Сюда же велено было собраться мещерякам и не приставшим к «бунту»—башкирам[2]).

К собранным явился князь Урусов (это было 10-го августа 1740 г.). Приводим некоторые выдержки из речи князя Урусова:

«Отчаянные башкирцы, разорители своего покоя и отечества (дворян. Ш. Т.)...».

«Не нужно многое припоминать Вам, но ежели о том сказать, что из Вас большая часть припамятовать могут, того и сего на излечение злейших Ваших противностей будет весьма довольно. Тому с небольшим 30 лет, бунтовские свои намерения оказали под предводительством главных Ваших возмутителей и именно: Казанской дороги Кусяма, Нагайской дороги Алдара, Казанской Исмагила, при которых Ваших воровских

[1]) Р. Игнатьев. Труды Научн. Об-ва БАССР. Статья.
[2]) Там же, стр. 57.

и бунтовщики поступках ни одна тысяча верных росссийских подданных (дворяне, бояре, купцы и т. д. Ш. Т.), от Вас воров побиты. За сие одно подлежало весь Ваш род искоренить, чтобы в памяти оставаться не могло. И затруднения к тому ни единого не было»...

...«В самом того начале составили Вы паки, в противность Высочайшей Ее Императорскому величеству указа, бунтовское свое намерение, которое как только иное Ее Императорское величество повеление первым действием произведено, от Вас воров явное бунтовство и оказалось, а именно.

«Впервые: в 1735 г. внезапно напав на идущего из Уфы Вологодского полка и драгунской 5-ой роты убили командующего полковника Чирикова со многими людьми, после же идущий из Сибирских слобод провиантский обоз остановили... На команду статского советника Кириллова нападали, еще в том же 1735 году...

«В 1736 г. Вы же отважились нападение учинить на команду генерала господина Румянцева и великий грех причинили: после еще наибольшие пакости чинили в командах полковниковых Арсентьева, Мартюкова, Тевкелева и Марзляника, у всех оных командиров многие тысячи верных подданных Ее Императорского величества от Вас воров пропало, а после еще в том же году недопустили Вы в Оренбург провиантский обоз, отчего в оном многое число (бояр, дворян. Ш. Т.), от неимения провианта померло».

«... А к концу прошлого 1739-го года то Ваше бунтовское намерение паки явно отрыгнулось, и Вы, мысля между *собою—башкирца Мендигулова*—Кара-Сакалом назвали его—Султан-Гиреем, а после ханом, с которым вновь верноподанных Ее Императорского Величества неисчетное причинили раззорение и продолжали до тех пор, пока войска Ея Императорского величества внутрь воровских башкирских жительств не введены и вышеупомянутый Кара-Сакал так же и другие Ваши возмутители искоренены не были, ибо хотя с начала Вашего нынешнего последнего возмущения посланы были от меня к Вам ворам универсалы, 22-го апреля и 14 июня, с тем Ее Императорское величество повелением, дабы возмущения оного Кара-Сакала не верили и отстав от него жили бы в покое и в знак своего обращения того бы вора и главных своих зачинщиков поймав, ко мне привели, при чем все Ваши провинности и нарушения присяги довольно были истолкованы, но и посему от Вас воров не учинено, всегда Ваши воровские проступки продолжались, а Вы следовали часто упоминаемому Кара-Сакалу до тех пор, пока он из глаз Ваших яко возмутитель не исчез и приставшие к нему для побегу Ваше воровское соображение не погубили»...

« .. Судите же сами себя какого помилования достойны Вы. Токмо все то зависит от Высоко Монаршей Ее Императорского Величества Милости...» (после прочтения речи были переведены).[1]).

Вот как обвиняет победитель побежденных башкир, которые восстали против своеволия, крайности, издевательства, ограбления, со стороны русских дворян, русских бояр, князей, торговых капиталистов и т. д.

Дальше князь Урусов, подозревая, что в числе собранных пленных есть важные преступники и сообщники Кара-Сакала, но не надеясь их обнаружить, зная по опыту, что без явных улик даже и пытки ни к чему не приведут, собрал военный совет, на котором было решено собрать о всех подозреваемых личностях необходимые сведения через верных меще-

---

[1]) Труды Научного Общества БАССР, стр. 57—61.

рякских и башкирских старшин, об'явив им, что если они что-либо скроют и утаят, то будут казнены смертью без всякой пощады. Мера эта подействовала. Мещерякские и башкирские старшины рассказывали все, что им было известно о многих вождях и руководителях восставших. По этим указаниям начались розыски, аресты и пытки.

Князь Урусов не велел вести долго следствие, а быстрее заканчивать и уничтожать бунтовщиков.

В 6-ти верстах от прежнего Оренбурга (теперь г. Орска) на горе 25 августа 1740 года при окружении войск, в присутствии оставшихся в верности башкир и мещеряков и при большом стечении народа по прочтении указа совершена была, наконец, и «экзекуция»—казнь над руководителями восставших.

«Главные сообщники Кара-Сакала—Кантур, Максимов, Юнус Измайлов, Джиангул Усакаев, Карабаш Углиямов, Якуб Касишев посажены на железные копья, устроенные на высоких каменных столбах.

«11 человек в том числе 7 эсаулов Кара-Сакала повешены на железные крюки за ребра. 18 человек просто повешены. 21 чел. отрублены головы, в том числе был обезглавлен даже Ангулов, как один из деятелей Кара-Сакала. Этот Ангулов сам себя уморил голодом в то время, когда его пойманного везли в Оренбург (Орск), он не пил и не ел более 10 дней, у него же, умершего, была отрублена голова».

«Сентября 17-го дня была другая экзекуция в присутствии князя Урусова же в Сакмарском городке в 30-ти верстах от нынешнего Оренбурга. Здесь по решению комиссии у 125 человек отрублены головы, 50 человек повешено, 301-му человеку отрезаны уши и носы, после чего эти последние отпущены домой, как менее виновные, т. к. они, даже без пыток выдавали других», [1]) к остальным были применены удары, избиение и т. д. Множество подобных же казней совершено и в Мензелинске по определению тамошней судебной комиссии под председательством дворянина Самойлова.

Дальше «По известиям Оренбургской Истории» Рычкова от начала до конца восстания (1735—1740 г. г.) сожжено 300 башкирских деревень, казнено (в том числе отрезаны уши и носы 301 чел.) 7.455 человек, сослано на каторгу 135 человек, отдано помещикам башкирских жен, детей в рабство 2.882, это по сведениям Оренбургской комиссии. По сведениям же Мензелинской Комиссии после окончания восстания казнено и убито 9.488 человек, сослано на каторгу 3.101 человек, роздано помещикам жен и детей в рабство—6.309, взято в качестве штрафа лошадей, рогатого скота 17.154 гол., деньгами 9.828 рублей 29 коп. Сожжено башкирских деревень—396.

По Оренбургской комиссии собрано 1.001 лош., 196 коров и 8 верблюдов».

Относительно убитых из повстанцев Рычков замечает в «Оренбургской истории», что эти сведения не совсем верны, в действительности их было больше. Кроме того, в Сибирь повстанцев башкир было сослано так много, что их почти за бесценок покупали себе в рабство чиновники, купцы, дворяне».

Так кончилось героическое восстание (1735—40 г. г.) башкир.

Так страшно жестоко было разгромлено это восстание. Так пали башкирские герои, боровшиеся против русского дворянского государства, против правительства, грабежа. Сообщники Кара-Сакала (самозванца), башкирского «Пугачева», простого мужика Мендигула наводили страх

---

[1]) Р. Игнатьев. Материалы Научного Об-ва БАССР, стр. 61.

на все русское дворянство России, поэтому дворянский суд решил отрубить голову даже мертвецам из руководителей его. Башкиры этих жестоких экзекуций не страшились. Они показали только как нужно умирать за свободу и как нужно бороться против ига русских бояр, дворян, помещиков и купцов.

Уже через 15 лет после того, как пропал без вести (может быть еще умер от ран) Кара-Сакал, опять вспыхнуло восстание, но уже здесь восстали не одни башкиры, а и другие инородцы под руководством Батырши-Алиева.

Восстание башкир Сибирской дороги.

Восстание башкир Сибирской дороги происходило в 1755-м году. Оно началось под руководством Батырши Алиева, происходившего из дер. Карыш по Сибирской дороге, который, живя в Каинской волости, в деревне «Муллы-Ильша», собирал себе сторонников из среды возмущенных башкир.

Еще в 1754-м году Батырша ездил по всей Башкирии и подготовлял народ к восстанию. В этом году уже склонил на свою сторону многие башкирские волости. На джиенах (собраниях) решали поднять восстание сообща с казанскими татарами, киргизами и другими инородцами. Затем Батырша Алиев начал, как он в своих показаниях говорит, писать «наставительные и разжигательные письма—так, чтобы «тайная искра, которая под пеплом тлеет, могла бы огненное пламя родить».

В них он призывал «все мусульманские племена в Российском государстве живущие, к разным нападкам и коварством о видимых приведенных в изнурение и несостояние и великое раззорение перетерпеваемых отстать от России, никаких служб не чинить... назначенных от Российских командиров извергнуть».

Батырша Алиев увещал «башкирам... военных лошадей приготовлять, сабли, копья, луки, стрелы и всякие к тому принадлежности припасать и, повинуясь божьему повелению, россиян (дворян, помещиков, купцов, воевод и т. п.) раззорять с тем бы намерением, дабы их из земель своих выгнать и в жилищах своих построить училища и мечети. А посему пусть... молодые и старые, конные и пешие... собирались и выезжали бы с поспешением не жалея имения своего, не боясь и не страшась, но крепко уповали бы на «бога»...

Произвести восстание решено было одновременно повсеместно 10-го июля 1755 г. «А буде росссияне прежде того, о нем узнают, то бы прежде оное начинать; и чтобы оное письмо кому в руки попадется, от места до места возить дабы их правоверные в оплошности не были... и от неприятивцев скрывать...» [1]).

Так подготовляли восстание башкир, Батырша Алиев и его единомышленники и распространяли в то же время слух, будто и Турция даже готова оказать им свое содействие.

Восстание вспыхнуло не 10 июля, как было назначено, а несколько раньше. Дело в том, что старшина Яныш (где была резиденция Батырши Алиева), зная о замыслах Батырши и оставаясь верным российскому дворянству и их правительству, поймал его. Правда, Батырше Алиеву удалось бежать, но у старшины Яныша осталось его воззвание, которое он и доставил в Уфимскую «провинциальную канцелярию». Вследствие

[1]) Казанцев. Описание башкирцев, стр. 12—14. Алекторов — Ист. Оренбург. губ., стр. 43. Материалы Волкова — «Башкирские бунты».

этого обстоятельства восстание началось несколько ранее назначенного срока, а именно 18 мая 1755 года.

Прежде всего, восстали башкиры Бурзянской волости. Они «разгромили почтовый стан по Исетскому тракту, убили некоторых чиновников... сожгли медный завод графа Шувалова»[1]).

Восстание все увеличивалось и увеличивалось. К бурзянцам присоединились башкиры других волостей, а часть их в количестве 10 тысяч перешла за Яик (р. Урал) в киргизские улусы для того, чтобы привлечь и киргиз-казаков на свою сторону. Последние приняли башкир очень радушно и вполне были готовы восстать с ними за одно. Восстание наводило страх на воевод, комендантов «крепостей», дворян, помещиков. Неплюев — начальник башкирского края «разослал приказы в крепости, чтобы там были готовы к защите, велел немедленно выслать с Яика (р. Урал) тысячу казаков, двинул в глубь страны находившиеся под его командой три полка с приказанием не щадить ни людей, ни жилищ; написал, чтобы выслали 4 полка из бывш. Казанской губернии. В грамотах от своего имени Неплюев обещал тысячи рублей тому, кто поймает и приведет Батыршу и 500 р. за поимку 10-ти лучших учеников его. Были обещаны другие награды[2]), к тептярям и мещерякам Неплюев послал воззвание, приглашая их к оружию против башкир. Он говорил, что настоящая причина возмущения башкир — это желание обратить в рабство мещеряков и тептярей[3]).

Влияли ли эти клеветнические, ложные воззвания на тептярей и мещеряков мы точных сведений не имеем, но Неплюев, усиливая на линии военную стражу и двигая многочисленную армию, не давал расшириться восстанию. Наиболее успешной мерой к ослаблению этого восстания оказалось об'явление киргизским баям, манапам, аксакалам-баям, ханам, что императрица представляет всех перешедших к ним башкир с их семьями в их полное распоряжение — в рабство. Киргизские бай-аксакалы, бии и ханы не замедлили воспользоваться представленным правом. Они начали борьбу против башкир, отбирали у них жен, детей, скот, имущество. Сначала перешедшая на киргизскую территорию башкирская конница боролась с киргизскими бии-аксакалами, манапами ханами, но, в конце-концов, отступила и перешла обратно на свою территорию для того, чтобы бороться с войсками Неплюева, которые сжигали деревни и притесняли, окружали главную силу Батырши Алиева.

После сильных сражений силы Батырши Алиева были разбиты и скоро сам главный руководитель восставших башкир был пойман. Его поймал старшина Зилаирской крепости Сулейман Деваев и отослал коменданту Зилаирской крепости, последний направил к Неплюеву, а Неплюев Батыршу Алиева отправил в Петербург.

Алекторов в истории Оренбургской губ. утверждает, что его повесили[4]). Нужно сказать, что повесили или отрубили головы также и у других руководителей.

«Во время этого восстания башкиры потеряли по официальным сведениям убитыми 16.634 чел., высланными в разные места до 4.000 ч.

---

[1]) Р. Игнатьев, Труды Научн. Об-ва БАССР.
[2]) Материалы Научного Об-ва БАССР.
[3]) Словарь Плошера, стр. 132. Никольский «Башкирцы», стр. 11.
[4]) Деваев был вызван в Оренбург и умер в пути. 19-тилетний сын его получил награду за отца — тысячурублевую саблю, богато украшенную камнями, серебряный ковш, парчевый кушак, парчевую шапку с лисьим околышем (Р. Игнатьев).

Кроме того, было наказано отрезанием носов и ушей 301 чел., раззорено жилых деревень 696. Сверх того, восставшие башкирцы были лишены всех своих земель[1]), которые были розданы помещикам, дворянам, офицерам, генералам.

Вообще необходимо заметить, что это восстание также не могло не отразиться на экономическом ослаблении башкирского населения.

Что оставил Батырша Алиев, как документ, об этом восстании?

Он в «тайной канцелярии» «Его величества» оставил о своих похождениях следующее:

«По окончании моей науки жил я,—говорит он,—около полутора года в Каинской вол. в деревне «Муллы Ильша», а потом возвратился во свояси в деревню Карыш, около 6-ти лет жил, ребят обучал... поповскую (муллы) должность отправлял, о законе божием толковал. Около здешних мест российские архиереи, попы и другие насильством, нападками, лукавством в христианство магометане должны ясак платить в казну господа бога. Из гор и озер соль брать запретили (в пользу торговых капиталистов и правительства. Ш. Т.), из городов покупать принудили. Когда некоторые старшины об'явили, что из городов брать соль не желаем, то командиры бранили их, по щекам били, за бороду таскали. В город ехать, суда просить народ уже никакой надежды не имеет, которое дело можно за день кончить, месяц таскали, а которое в месяц можно было кончить, из-за взяток год продержали. Некоторые злые старшины с народа взятки брали и напившись пьяными, людей саблями рубили и много обижали, а когда на них суда просили, то не получали. Во время проезда с делами русских людей (дворян, помещиков, воевод, чиновников) битьем, мучением, взятками, воровством, неизреченные обиды показывали, излишние подводы требовали, проводников драгуны смертельно били. Бедный народ никакой себе надежды не имеет. Народ негодовал и разнес слух, что башкирцы Ногайской, Сибирской, Осинской дорог оружие готовят, а зачем — богу известно. Чтобы проведать о причине, поехал я в Исецкую провинцию, в деревню старшины Муслим, будто в гости. Жители деревни воздали мне великую честь из окрестных деревень... и других людей призвали и, все стоя на коленях, поучения мои слушали. Приехали в гости и мещеряки, все напились кумыса и начали толковать, что соль и звериная ловля им запрещены... от командиров и генералов никакой милости нет и неизреченных тягостей теперь больше...» дальше говорит, что:

«...мы рабы «Императрицы», когда же государынина милость рабам наравне будет, то и легкомысленные люди рассуждали, что вперед уже ожидать нечего: станем и мы их веру ругать и их (дворян, помещиков, генералов и т. п.) имение грабить. Тайком старшине Муслиму я говорил: день за день добро ли умножается или зло, тот отвечал: самому тебе известно, от мучений (от дворян, воевод, генералов) затылок у меня переломится, чтобы господь бог и у них затылок переломил и упование их просек. Вразумев эти происхождения, начал я писать, говорил он, наставительные и разжигательные письма по силе изображения в книгах наших»[2]).

Из этого документа явствует, что причина и этого восстания та же, как и у предыдущих. Восстание против издевательства и ограбления башкир русскими воеводами, генералами, дворянами, помещиками, торговыми капиталистами и т. д.

---

[1]) Р. Игнатьев.
[2]) Матер. Научн. Об-ва БАССР.

От Пугачевско-Салаватского бунта до Авзяно-Петровского волнения.

В 1773—4 годах при царице Екатерине II-й поднялся большой мятеж. Начали мятеж яицкие (жившие по реке Уралу) казаки. К ним присоединились русские крестьяне и башкиры, а потом татары и т. д. Мятеж охватил скоро весь уральский и дореволюционный башкирский край, почти всю Волгу и целый ряд губерний. Вначале Пугачев, взявши несколько полинейных крепостей, в октябре 1773 г. с бунтовщиками из нескольких тысяч и с артиллерией приступил к Оренбургу. В это же время, полковник его, казак Чика-Зарубин, назвавшийся графом Чернышевым и другой казак Губанов, тоже пугачевский полковник, 1-го октября с бунтовщиками из 1.000 чел., при 24 пушках осадили город Уфу, где всего было гарнизона 200 чел. пехоты, 20 артиллеристов, при 40 орудиях большого и малого калибра, затем набрано ополчение из дворян (дворянская рота), казаков, отставных солдат, купцов и мещан. В городе начальствовали воевода Борисов и комендант Мясоедов; войском командовали капитан Пастухов, Майор Пекарский и торгующий в г. Оренбурге ростовский купец Дюков. Чика требовал безусловной сдачи города и угрожал. — Городское начальство, чтобы выиграть время и дождаться помощи, вело переговоры; Чика решился после того на два приступа — 22 октября и 21 ноября, но оба были отбиты. 3-й самый сильный приступ к Уфе, 25 января 1774 года, отражен уфимским гарнизоном. — Во все эти приступы Чика потерял много людей убитыми, ранеными и взятыми в плен, а в Уфе оказался голод, но 25 марта 1774 года полковник Михельсон разбил бунтовщиков, освободил Уфу после полугодовой осады. Михельсон не останавливаясь, преследовал Чику и Губанова, бежавших на Табынск и отряды их были уничтожены близ Богоявленского завода, теперь Стерлитамакского кантона, а Чика и Губанов были взяты в плен.

Пугачев и Салават рассылали по стране свои мятежные грамоты, свои воззвания, призывали народ к восстанию, к открытой войне с помещиками, с царскими чиновниками, с воеводами. Эти воззвания писались от имени, якобы, царя Петра III-го, составлялись в виде обычных царских манифестов. В них «Император Петр Федорович» (Пугачев) призывал крестьян, казаков и других людей становиться на его сторону, на сторону «законного государя», которому они присягали, призывал крестьян бить и грабить своих помещиков, без всякой пощады, как и они мучали и тиранили своих крестьян. Пугачев обещал народу отменить барщину и оброки, отменить крепостную неволю, обещал крестьянам отдать им беззаконно отнятые помещиками земли со всеми угодиями, обещал отменить подушную подать и рекрутчину.

«Жалуем сим именным указом, — писалось в этих манифестах, — вольностью и свободою, вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей; во владение землями, лесными, сенокосными угодиями, рыбными ловлями, солеными озерами,—без покупки и без оброка... Повелеваем сим, нашим указом, кои дворяне в своих поместьях и вотчинах находятся, оных противников нашей власти возмутителей империи и раззорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они чинили со своими крестьянами. По истреблении этих противников и злодеев дворян, всякий может почувствовать тишину, спокойную жизнь, кои до века продолжаться будут».

Несколько слов о подробностях присоединения башкир к пугачевским «бунтовщикам и мятежникам».

Осенью 1773 г. старшина Юлай получил указ Уфимской провинциальной канцелярии с приложением печатного манифеста, которым извещалось, что среди яицких или уральских казаков появился донской казак Емельян Пугачев, ложно принявший на себя имя покойного императора Петра III, и что этот Пугачев набрал себе скопище и угрожает Оренбургу. Провинциальная канцелярия приказала старшине немедленно собрать отряд башкир и отправить его на стерлитамакскую пристань к находившемуся там командиру асессору Багданову.

Юлай тотчас же отправил 96 конных башкир под начальством Салавата (своего сына). С прибытием Салавата, Багданов ему поручил еще 1200 человек башкирских и татарских конных, приказав следовать в деревню Беккулову на помощь к генералу Кару, идущему к Оренбургу, который был уже осажден повстанцами Пугачева. Не дойдя одной версты до деревни Баккуловой в 70-ти верстах от Оренбурга, Салават был встречен высланными против него отрядами Пугачева, состоящими из 2000 человек, с двумя пушками. Видя пугачевские толпы-отряды, Салават с белым лоскутком на обнаженной сабле прямо поскакал к пугачевскому проводнику и об'явил, что он едет своей волей служить им и привел верных «государю» слуг.

Салавату велено с командой идти на Бердскую Слободу, где он и был представлен Пугачеву. Салават понравился ему и он, назвав его полковником, оставил при себе. Так-что Салават стал ревностным сообщником Пугачева. Последний так же доверился ему. Салават скоро узнал о намерениях Пугачева касательно башкир и крестьян. Пугачев, как известно, обещал башкирам полную независимость, свободу, обещая вывести всех русских дворян, помещиков, воевод и т. п. притеснителей с бывших башкирских земель и он подтверждал свои обещания действиями: он разорял и уничтожал все русские дворянские, помещичьи имения, усадьбы, а крестьянам приказывал следовать за ним, чтобы бить дворян и воевод.

Из дел архива «Уфимского Губернского Правления», видно, что Салават не все время, покуда Пугачев осаждал Оренбург, находился при нем. Он выезжал в разные места «для возмущения народа и для разорения дворянских имений и крепостей», лежащих близ Оренбургской крепости. Когда Голицын разбил Пугачева под Оренбургом 29-го марта 1774 г., Салават двинулся в глубь Башкирии, с целью поднять против правительства всю Башкирию и народы, в ней живущие: чувашей, вотяков, черемисов, тептярей и т. д.

Когда же пугачевские и салаватские отряды-повстанцы осадили Уфу, чуваши нынешнего Белебеевского уезда возмутились и прогнали из Белебея духовенство и сожгли церковь, построенную для них правительством в 1760 г. Пугачевские и салаватские агенты сказали им, что «царь-батюшка» дарует свободу — каждому жить по своей воле».

В половине апреля 1774 года сам Салават с отрядом в количестве 2000 человек стал орудовать в нынешнем Златоустовском округе; толпы возмущенных им башкир и инородцев спешили к Пугачеву, который укрепился в Белорецком заводе (нынешней территории Башкирии), а Салават держал направление к Уфе, для того, чтобы собрать всех беглецов из-под Уфы из разбитых команд пугачевских предводителей Чики и Губанова, и потом идти на соединение с Пугачевым. Так было сделано. Салават начал двигаться к Пугачеву. Туда же, по распоряжению Сибирского губернатора Чичерина, выступили правительственные войска под командой генерала Декланга.

Пока главные силы обеих сторон двигались друг против друга, из крестьян русских, башкир, инородцев организовались отдельные группы, которые раззоряли все дворянство, разграбили их имения. Русские, башкиры, татары, черемисы, чуваши и т. д. действовали вместе, братаясь друг с другом. Русские крестьяне подчинялись ловкому башкирину или татарину, башкиры или татары — ловкому русскому, ведущему на борьбу с дворянами и их правительством. Эти группы, восставшие по призыву Салавата — Пугачева усилились настолько, что осадили укрепленные Бирск и Мензелинск. Против Мензелинска действовали группы восставших из русских и татар, чувашей, черемис, под начальством татарина, крестьянина деревни Сосновый Бор — Сафина [1]). В селе Березовке-Камской, ныне Бирского кантона, над восставшими группами из русских и инородцев был атаманом Игнат Иванов (священник этого села). Он раззорил березовских дворян, ограбил церковь, при которой служил он сам и затем со своей «шайкой» стал раз'езжать на косных лодках по Каме.

Салават решил соединить эти борющиеся группы повстанцев воедино под своим предводительством и дополнить их новыми силами—людьми. В подкрепление ему Пугачев выслал из-под Верхне-Удинской крепости отряд под начальством своего любимца беглого артиллерийского капрала Белобородова.

Во время этих смут спокойно пребывал у себя в деревне старшина Шайтан-Кудейской волости отец Салавата—Юлай, попрежнему считался в числе верных башкир, но Юлай, как видно из следствия, имея сношения с мятежниками и тайно содействуя им—сыну и Пугачеву, выступать открыто еще сам не решался, а ждал, каков будет успех сына.

Вскоре Салават со своим отрядом явился в Симский район и отец—Юлай его приветливо встречает. К этому времени сюда прибыли отряды Белобородова. Салават и Белобородов соединились. Салават передал отцу—Юлаю письмо Пугачева, приглашающего поступить к нему на службу с чином полковника. Юлай принял предложение и стал во главе одного из отрядов Пугачева.

Салават выступил на Симский завод, а Юлай со своим отрядом на Катавский завод. Здесь был разгромлен бывший грабитель земель, лесов, башкир деревни Юлаевых заводчик Твердышев.

Как крепостное население этих заводчиков ни было раздражено против владельцев, против управителей и других мелких их тиранов, как ни роптали твердышевские крестьяне-невольники на барина за то, что он их оторвал от родных, от привычных занятий и за то, что им нет житья, но были среди них и такие, которые, считая себя православными крестьянами, не желали подчиниться нехристям—башкирам. Даже при появлении отрядов Юлая и Салавата, часть из катавских и симских крестьян выходили против них с чем попало, но после нескольких выстрелов рассеивались. Зачинщиком этого сопротивления был симский священник Львов и плотинный мастер, в результате убитые.

Основная масса крепостного населения Катавского и Симского заводов была пощажена и с радостью пристала к пугачевским сообщникам—Салавату и Юлаю.

Все принадлежащее заводовладельцу Твердышеву было уничтожено: особняки—дома, конторы, кабаки, лавки и т. д., те и другие содержались тогда самими заводовладельцами, через них трудовые копейки возвращались обратно в барские карманы. Юлаю и Салавату крепостные

[1]) Памят. книжка Уф. губ. 1873 года, часть 2-я.

люди усердно помогали в уничтожении барского добра. Катавским крестьянам читались на сходках манифесты Пугачева о вольности; читались также письма Пугачева к Юлаю и Салавату, в котором Юлай пожалован полковником, а Салават—бригадиром и начальником войск им занятых местностей. Крестьяне радовались вольности. Еще «крестьянам, кроме раскольников, нравилось, что «нехристи» Салават и Юлай не тронули их и не велели трогать церквей. Крестьяне еще более уверовали, что это «царское» войско, когда в Симский завод пришел пугачевский генерал Белобородов, в отряде у которого были все одни русские и между ними много крепостных людей Твердышева» [1])

«Юлай, Салават и Белобородов остались в Катавском и Симском заводах, имея уже у себя более 8.000 человек. Мятеж вырастал и распространялся по всей Уфимской провинции (или ныне Башкирии). К тому еще между башкир явился другой «Салават» по храбрости и «свирепости». Это был Антуган, который в ожидании правительственных войск с 3.000 человек расположился в татарском селении «Больших Кигах», Златоустовского уезда и в то же время в Табынской (тогда) волости — старшина Биктимиров с 1000 человек занял горные проходы».

«Повстанцы ободрились еще тем, что Пугачев набрал себе новые и новые толпы, завел артиллерию, берет крепость за крепостью и идет в Уфимскую провинцию, везде встречая к себе полное сочувствие в русских и иностранцах» [2]).

Вместе с этим, в начале мая, будучи в Симском заводе, Салават узнал, что против него, несмотря на распутицу и на дурные дороги, двинулся из Уфы подполковник Михельсон. Салават смело пошел против Михельсона и встретил его в нескольких верстах от Симского завода, но Михельсон разбил и прогнал отряд Салавата и 8-го мая 1774 г. вступил в Симский завод, где назначил своему отряду однодневный отдых. 9 мая Михельсон выступил из Симского завода и в нескольких верстах настиг Салавата, который в это время уже соединился с поспешившим к нему на помощь Белобородовым. Произошло сражение и Салават с Белобородовым, потеряв несколько пушек, убитых и раненых, отступили за р. Юрезань. Михельсон погнался и за р. Юрезанью опять разбил Салавата и Белобородова и заставил бежать к Саткинскому заводу. Михельсон дальше не наступал, так-как он от захваченных в плен узнал, что Пугачев усилился и находится под крепостью Магнитною (теперь станица Оренбургского казачьего войска Верхнеуральского уезда), и что туда же идет отряд правительственного войска генерал-майора Фреймана, Михельсон решил прежде соединиться с генералом Фрейманом, а потом с Декалонгом и стал ожидать приближения.

Михельсонские отряды 17 мая 1774 г. нечаянно встретились с охранявшими горные проходы Урала 1.000 чел. башкир под начальством табынского старшины Биктимирова. Отряд Биктимирова был разбит и бежал потеряев 300 человек. Михельсон перешел Уральские горы, но после поражения Пугачева под Чебаркульской крепостью (теперь казачья станица Троицкого уезда, Оренбургской губернии), вместо того, чтобы соединиться с генралом Фрейманом, возвратился в Уфимскую провинцию.

Вступив в Златоустовский завод Лучицина, Михельсон узнал, что сюда уже явились пугачевские подосланные и возмущали народ; здесь

---

[1]) Игнатьев. Труды Науч. Об-ва БАССР.
[2]) Там же.

читались пугачевские воззвания, народ волновался и многие хотели итти к Пугачеву, который должен притти в Саткинский завод, где Салават, Антуган и Белобородов, в ожидании Пугачева, сосредоточили свои силы. Михельсон тотчас же двинулся туда, но уже никого не застал. Уклоняясь на этот раз от сражения, Салават с Белобородовым отступили в Симский завод, а Антуган в д. Киги. После двухдневного отдыха в Саткинском заводе, Михельсон двинулся против Салавата 27 мая 1774 г. Не успел он дойти до Симского завода, как Салават сжег этот завод, об'явил крестьянам указ «батюшки-царя» итти на поселение на пустопорожние и хлебородные места в Кунгурский уезд Пермской провинции. После этого Салават с Белобородовым перешли за р. Ай, уничтожили мост и паром, тут бывший, и расположились в гористой, повидимому, неприступной местности.

По приказу Михельсона 50 чел. казаков, взяв к себе каждый на лошадь по одному егерю, бросились вплавь, под прикрытием с берега 4-х орудий. Салаватовы отряды понеслись было в аттаку, но их перебили пушечными выстрелами. Затем под прикрытием передового отряда, Михельсон переправился через Ай, порох перевезли кавалеристы, а пушки перетащили канатами по дну р. Ай, мятежники были разбиты и бежали, потеряв 400 человек. Салават и Белобородов поспешили теперь к Антугану. В то же самое время Пугачев, отраженный от Троицкой крепости Декалангом и раненый картечью, явился в Златоустовский завод, где его приняли с восторгом крепостные люди Лучинина. Тот же успех он имел в Саткинском заводе у крепостных того же Лучинина. Пугачев двинулся дальше, за ним шло значительное количество крепостных.

Пугачев соединился с Салаватом, Белобородовым и Антуганом и решил наступать на Уфу. В восторге от успеха, которым сопровождалась бунтовщическая деятельность Салавата среди народов Уфимской провинции, Пугачев тут же пожаловал его бригадиром.

Под начальством капитана Карташевского правительственный отряд опять наткнулся близ Саткинского завода на Салавата и едва не погиб, если бы не поспел отряд самого Михельсона и не разбил Салавата. Утром на другой день произошло решительное сражение Михельсона с Пугачевым. Пугачев и его сообщники—Салават, Антуган, Юлай и прочие отступили, потеряв пушки, множество убитых и пленных. Михельсон гнался за пугачевцами и прочими. Пугачев в этот раз был хотя и разбит, но не был уничтожен.

Салават про эти неудачи пел в сложенной им песне: «поскакал бы я, да впереди болото, стрелял бы я, да стрел мало у меня, осмотрюсь кругом—мало у меня людей». Сражение близ Саткинского завода и победа Михельсона спасли и Уфу; Пугачев и Салават взяли другое направление — на Красноуфимск и Осу.

Отряды Салавата взяли приступом, разгорили и сожгли Красноуфимскую крепость, теперь гор. Красноуфимск, Пермской губ.

Здесь было найдено в казенной кладовой 2000 рублей. Эти деньги Салават отправил к Пугачеву и сам поспешил к пригородку Осе, принадлежавшему, как и Красноуфимская крепость, Уфимской провинции. Начальствовавшие в Осе комендант майор Скрипицин, капитан Смирнов и подпоручик Минеев, отбивши несколько приступов, произведенных лично Пугачевым вместе с Салаватом, сдали Осу. Пугачев пощадил их за это и оставил у себя на службе. Скрипицин всячески старался разведывать о действиях Пугачева с намерением сообщить все это правительству и открыл свои планы Смирнову и Минееву, Минеев донес Пугачеву,

у Скрипицина нашли письма. Пугачев наградил Минеева чином полковника, а Скрипицин и Смирнов были повешены. Взятие Осы произвело ужас в Казани; многие из жителей бежали в безопасные места и скрывали имущество. Минеев советовал Пугачеву, как можно скорее итти на Казань, где гарнизон был самый ничтожный.

Осу башкиры считали своею. По преданиям глубокой древности, тут было их большое селение. В Осиновых округах, нынешний Осиновский уезд, сплошь была башкирская земля Гайнинской волости.

Башкирское селение Оса еще до Грозного опустела и звалась городищем. Оса с 1737 г. обращена в крепость, сюда введен был гарнизон и она сделалась наблюдательным постом за соседними башкирами.

«Из Осы Пугачев направился на медноплавильные заводы богача Саввы Яковлева. Заводы эти были основаны в 1759 году генерал-прокурором Глебовым на землях, отобранных у башкир Гайнинской волости. Когда Пугачев был еще под Оренбургом в декабре 1773 г. — здешние башкиры уже возмутились, составили «шайки», заводы Яковлева разорили и выжгли и Пугачев застал здесь только одно пепелище. Башкиры требовали от приказчиков Яковлева выдать им все купчие крепости Глебова и Яковлева».

После взятия Осы, как только Пугачев перешел границы древней Башкирии (за р. Каму), Салават направился для укрепления тыла и борьбы с оставшимися правительственными войсками в юго-западной части Уфы.

Как только Пугачев был пойман под Казанью, Салават появился в Уфимской провинции и имя его скоро стало наводить страх. У Салавата не было пощады никому из дворянского сословия, — русских.

Недолго, однако, пришлось Салавату продолжать борьбу. Правительственные войска опять окружили Уфимскую провинцию, многие были захвачены, казнены и отосланы в Казань или наказаны в Уфе и Оренбурге и на местах. Салават свои отряды отпустил, задумал бежать по направлению Киргизских степей, но в лесу, близ деревни Каратавли, был разбит и пойман отрядом полковника Аршаневского. После чего его отослали в Казань к генералу Потемкину. В секретной комиссии Юлай и Салават содержались 7 дней и затем отправлены в тайную экспедицию в Москву.

«Генерал-майор Фрейман при отношении 1-го мая 1775 г. препроводил в провинциальную канцелярию рапорт подполковника Аршеневского, из содержания коего значится, что после поимки Пугачева, в ноябре 1774 г. чинили в Уфимской провинции бунт — еще десять башкирских волостей и главным деятелем бунта был Салават Юлаев. Будучи послан с отрядом на усмирение этих башкирских волостей, когда уже всестание во многих местах Уфимской провинции, по Сибирской и Осинской дорогам, было усмирено, он узнал, что многие из главных виновников бунта скрываются в лесах, несмотря на зимнее время, потому для поимки их, он послал от себя команду, под начальством поручика Лесковского. Эта команда 24-го ноября 1774 г. поймала в лесу скрывавшегося там башкира, но одного без товарищей, и доставил к нему, расположившемуся близ того места, где пойман был тот башкир, в дер. Калмыковой. На допросе башкир открыл, что он Салават Юлаев и что, уже не видя никакого средства к спасению решился до времени скрываться здесь, но если услышит, что подходят войска, то намерен был горами пробраться в Киргизскую степь, то же самое хотели сделать, по словам Салавата, и многие из бунтовщиков. После поимки Салавата и отправления его в Оренбург к Томашеву, он везде слышал, какой страх на всех

нагнало имя Салавата. «Не только русские, но и многие из башкир и иногородцев радовались из тех, которые не хотели принять участия в бунте». [1]).

В Москве в Тайной экспедиции Салават показал: «1773 г. зимой по приказу отца с 90 чел. башкир отправился он в Стерлитамакскую пристань к Александру Багданову. Багданов велел ему итти к осажденному Оренбургу, на помощь генералу Кару и дал ему в команду башкир и верных мещеряков до тысячи двух сот человек. С той командой близ города Оренбурга, не доходя одной версты до д. Бекуловой, он был атакован Пугачева толпами в две тысячи человек, при двух пушках и вынужден был сдаться в плен. Атаман шаек Овчинников отправил его с командой в слободу Берду к самому Пугачеву. Пугачев велел Салавату и его команде служить у себя, угрожая смертью. Салават и вся его команда, убоясь смерти, невольно остались служить Пугачеву...».

4-го марта 1775 года Шишконский допросил содержавшегося в тайной экспедиции по Пугачевскому бунту башкирского старшину—Кулея Балкачева о том, что ему известно о Юлае и Салавате. Балкачев показал, что Салават многое утаил: во-первых, он сам охотно принял от Пугачева чин полковника и команду, с которою при нем сжег и разорил Юсу; во-вторых, Салават жег и разорял... и везде производил убийства.

Дер. Балтачевой, вотяк Ефимов показал, что весной 1774 г. Салават с большой толпою раз'езжал по деревням, везде забирая на службу Пугачеву волею и силою. Дер. Балтачева вся была взята Салаватом и пошла с ним к деревне Имигуловой, где Салават сражался с посланной против него войска командой и был разбит.

Дер. Старой Тяртяковой, черемис Иштуса Ишбулатов показал, что весной 1774 года в деревню приехал башкир Бахтиар с 300 чел. башкирами и об'явил приказ бригадира Салавата Юлаева о наборе людей в пугачевскую шайку и взяв по оному указу из их деревни 200 чел. отправился в Бирск.

Дер. Чурнашевской черемисин Изябай Янсаев, сообщил, что потому же Салаватову указу он взят из своей деревни Бахтиаром под Бирск, а оттуда с шайкой в числе 100 чел. послан на Уфимскую дорогу, для разведывания о действиях Михельсона, почему все они 100 чел. стояли в поле по июль месяц, а к ним в то время приехал Салават и пожаловал его Янсаева полковником, в чем и выдал ему на татарском языке письмо (патент или удостоверение).

Дер. Узяковой черемис Бухармет Буйхаиров показал, что летом 1774 г. в их деревню за набором людей в пугачевские шайки с указом императора Петра III приезжали Салават Юлаев и с ним пугачевские полковники башкиры Тачев и Сергеев и он Буйхаиров был ими взят и пошел за ними в село Касево, потом он Буйхаиров был везде с Салаватом, покуда не дошли до реки Камы, отсюда он Буйхаиров бежал.

Все здесь изложенное Шимковский представил на усмотрение генерал-прокурора князя Вяземского.

Уже в 1775 г. в Москве был казнен (10 января) Пугачев вместе с несколькими из главных его сообщников; при казни находились Чика и Губанов, которые с места казни тут же за сильным конвоем, на почтовых, отправлены в Уфу, сюда же обратно был привезен и Салават Юлаев к губернатору Рейнсдорфу при письме, в котором рекомендовалось: 1—относительно Юлая тщательно разведать, по своей ли воле участвовал

[1]) Игнатьев.

злых действиях пугачевцев, если бы оказалось, что он был к этому вынужден, то не подвергать наказанию, 2—относительно Салавата точно установить все сделанные им злодейства и буде при вышесказанном исследовании обличен он будет во всех злодеяниях и убийствах верным и точным доказательством, то в таком случае сделать решение, чтобы был страх другим злотворцам наказан, как злодей, во всех тех городах и башкирских селениях» [1]).

Посланный для производства на месте дознания о Юлае и Салавате переводчик провинциальной канцелярии коллежский регистратор Федор Третьяков представил взятые им от башкир и других инородцев разных волостей и селений Сибирской и Осинской дороги в числе 200 чел. показания. Все эти показания обличали Юлая и Салавата.

Через месяц после казни Пугачева совершилась в Уфе казнь Чики и Губанова; Чике отрубили голову и воткнули на шест, выставленный на том месте, откуда он делал приступы к городу Уфе (около Оренбургской переправы); Губанову отрублена голова; тела Чики и Губанова сожжены вместе с эшафотом, а прах развеян палачами. После этого в течение нескольких дней происходили в Уфе казни нескольких сот бунтовщиков: одни повешены, другие расстреляны, остальные наказаны кнутом.

Уфимская провинциальная канцелярия, закончивши следствие, представила оренбургскому губернатору экстракт следственного дела и свое заключение. 19-го июля губернатор утвердил «приговорил: Юлая и Салавата за все их уже известные злодейства наказать кнутом в тех местах, где ими совершено более преступных действий, дав следующее число ударов: Юлаю на Симском заводе 45, Катав-Ивановском заводе 45, на Усть-Катавском 45, в деревне Орловке 40 ударов. Салавату на Симском заводе 25, в деревне Юлаевой 25, в Красноуфимском 25, в Кунгуре 25, в Осе 25, близ Ельдяка, где он сражался с полковником Рылеевым 25, и с последнего места наказания — Юлая с деревни Орловки, а Салавата с Ельдяка — заклеймив и вырезав ноздри, отправить в Уфу для дальнейшего отправления Юлая и Салавата в ссылку на каторжную работу в Балтийский порт или Рогервик навечно» (Игнатьев).

Провинциальная канцелярия пришла к заключению, что при исполнении приговора Юлая и Салавата башкиры могут отбить и постановила «отнестись к начальнику прибывших в Уфимскую провинцию армейских войск, генерал-майор Фрейману о наряде для экзекуции военной команды». Юлай и Салават выдержали страшное наказание без медицинской помощи.

21 сентября 1775 г. Юлая и Салавата потребовали в присутствие провинциальной канцелярии и при этом оказалось — все виды наказания производились и только «преступники» были не заклеймены, ноздри не вырваны. Потребовали Третьякова, тот об'яснил, что клейма и щипцы были уже негодны к употреблению.

Провинциальная канцелярия постановила заклеймить в ее присутствии и вырезать ноздри... учинить наижесточайшее наказание...

Так закончилась бурная деятельность башкирского поэта и борца Салавата и восстание башкир и крепостных других национальностей нынешней Башкирии и всего Южного Урала.

В бунте не менее 60.000 чел. убито и пропало без вести. Убыток дворян и капиталистов по отзыву одних горных заводчиков не менее 28.000.000 рублей.

---

[1]) Игнатьев.

Дальше мы представляем общий смысл нескольких песен, приписываемых Салавату, вероятно, им написанных в уфимских казематах.

I.

Было время, время храбрых,
Век богатырей,
Были Гали, Абутали,
Саш и Нуриман;
Знал их целый свет,
Знал про их дела,
Во всю жизнь сражаясь,
Победили многих сильных
И величайших богатырей
Много вражьей силы
Меч их поразил.
Не боялись силы вражьей
Ни драконов, змей,
Ни коварств самих шайтанов,
Ни волшебников ужасных
Лютых курала (колдунов).
Вот какие были люди
В прежние года.
Про дела Ваши я слышал,
Духом возгордясь,
Оседлал коня и в сечу
Конь меня понес.
Я сразился со врагами
И врагов разбил,
На меня напало разом
Триста человек.
Я от всех трех сот отбился,
Вынес конь меня
На широкую долину
К светлому ручью,
У того ручья я,
Песнь мою пел
И снова в сечу
Соколом летел.

II.

Родные рощи и леса,
Родные воды и поля,
Святая родина моя,
Урал, Урал мой благодатный,
Люблю я Вас, любить Вас буду.
Про Вас и песню я пою,
Вы зеленые леса,
Вы родные рощи и поля,
Поднебесный мой Урал,
Твои снеговые вершины
Люблю, хотел бы век смотреть
Хотел бы вечно песню петь
Про твои красы.

Когда судьба меня заносит
Далеко от родины святой, —
О вас тоскую я, мечтаю,
Родные рощи и леса,
Родные воды и поля,
И благодатный Урал.
И если ветер я заслышу,
Шумит с родимой стороны,
Мне мнится, ветер мне приносит
Весть с родимой стороны,
Весть с любимой стороны.

III.

Я пустил стрелу высоко
Ласточку убил.
Бедная пташечка упала
Около моих ног...
И мне очень стало жалко
Бедную мою.
Для чего тебя я, птичка
Бедная убил.
Для чего ты мне пригодна.
На какую стать.
Лучше было б
Как стрелою
Мог бы я убить
Лучше врага.

IV.

Высоко летает ворон,
Выше ворона — сокол,
Выше сокола — могучий
Орел — птичий царь.
Далеко как тебе юный воин
До богатыря —
Мощного орла,
Но крепися и мужайся,
И иди на бой ты смело
И везде врагов рази.
Не боюся я врагов.
Если ж суждено мне в битве
Жизнь положить,
Меня ждет награда в небе.
Так мужайся, храбрый воин
Когда в помощь призови
В поле битвы поспеши.

Так славно боролись башкиры, русские крепостные и татары и т. д. в Башкирии против русского дворянского государства и против дворян, помещиков в дореволюционной Башкирии. Имена руководителей Салавата и Пугачева остались памятниками, воплощающими имена всех погибших в этой страшной битве против всего дворянства.

Пойманному Пугачеву в Москве отрубили голову, а Салават Юлай, не вынеся длительной казни, также покончил с собой. Такова трагическая кончина бригадира и поэта бунтовавших башкир, русских крепостных и других «инородцев» Башкирии.

И сидя в каземате до кончины продолжал он призывать хотя бы своими стихами о том:

«Не боялись силы вражей,
Ни драконов, ни змей,
Ни коварств самих «шайтанов»,
Ни волшебников ужасных.
Вот какие были люди
В года прежних,
Но крепися и мужайся,
И на бой ты смело иди
И везде врагов рази...
...Так мужайся, храбрый воин,
В поле битвы поспеши»...

Эти призывы глубоко сохранили память «бунта», но тем не менее, с разгромлением главных отрядов и с поимкой их руководителей Салавата и казни его и Пугачева Башкирия была «замирена» и этим расчищена дорога к дальнейшей колонизации, уже не вызывавшей крупных восстаний, так-как силы башкир были подорваны предшествовавшей упорной борьбой. Ослаблению борьбы против дальнейшей колонизации Башкирии служило еще и то обстоятельство, что царское правительство в 1798 г. законом о межевой комиссии (1-го апреля 1798 г.) произвело генеральное размежевание башкирских земель «с силой оружия». Это размежевание имело, главным образом, «размежевание» башкир, т.-е. раз'единение их на «дачи», по признаку родового деления. Это мероприятие царского правительства нашло отклики и среди бывших башкирских «тарханов» (или князей). Таким образом, общность интересов башкир, связанная с общностью земли страны, заменилась родовыми интересами, которые еще сохранились.

Дальше царское правительство в 1836-м году издает указ о разверстке башкирских земель между башкирами-вотчинниками (40—50 десятин на душу) и переселившимися сюда «припущенниками» военного ведомства—мещеряками и тептярями, прежними участниками походов в Башкирию (30 дес. на душу) и припущенниками не военными (15 дес. от «излишка», оставшегося после наделения башкир). Такое разносмежное наделение землей имело в основе своей дальнейшее раз'единение и создание антагонизма не только между башкирскими родами, но и между добровольно припущенными башкирами, тептярями и т. д., а также оно имело в виду раз'единение силы самих башкир.

Этими мероприятиями царскому правительству, действительно, удалось ослабить грозную силу башкир, перед которой много раз трепетали дворянские воеводы и боярские своры. Башкиры против дальнейшей колонизации, связанной с ней издевательствами, грабежом со стороны русских помещиков, дворян, чиновников, не могли выступать общими силами. Хотя восстания происходили, но они кончались районными выступлениями, с которыми царское правительство легко справлялось. Из таких выступлений башкир можно привести «Тукскую оборону». Что из себя представляет «Тукская оборона»?

В 1848 году к башкирам, живущим на нынешней территории «Тук-Чурапа» на юго-западной стороне к Бугуруслану (самый лучший черноземный район) приехал некий Степанов — чиновник «межевой комиссии», который приказал башкирам выселиться с занимаемой ими территории. Башкиры опротестовали, отказались от исполнения такого приказа. Чиновник «Государственной Межевой Комиссии» с этим не постился. Он тут же разрешил помещику Ждамирову построить на земле

тукских башкир имение и привезти своих крепостных крестьян-невольников. Когда помещик Ждамиров начал строить имение, явились группы всадников башкир и заставили силой оставить территорию. Начался конфликт. Помещик против башкир посылал своих крепостных, дворовых, но они отказывались. Помещик и межевой чиновник обратились к дворянскому центру в Уфу. Из Уфы прислали вооруженные силы. Башкиры, по сказаниям, противостояли против первопосланной силы. Для подкрепления правительственного отряда из Уфы еще послали два батальона солдат. После чего, будучи безнадежным, сопротивление прекратилось (так-как башкиры других районов не пришли на помощь), тукские башкиры выселились. Башкиры, как грозная сила, какой они были для русского дворянского государства раньше, к концу первой половины XIX века перестали существовать, но зато, на ряду с отдельными волнениями башкир начинается с 1850 годов движение среди русских крестьян углежогов Башкирии.

В 1857 году 13 мая крестьяне-углежоги Авзяно-Петровского завода, доведенные непосильной урочной работой до отчаяния, стихийно бросили работу и явились в контору, где пред'явили требование об облегчении условий труда, а попутно и отмене штрафа за недожог. Администрация завода отказалась удовлетворить требования, что и послужило причиной к дальнейшему прекращению работ. Спустя некоторое время, на месте работы появился сам хозяин. Заметив толпу, он спросил:

— Зачем собрались?

Углежоги тут же и об'явили причины беспорядка, повторив свои требования.

— «Своих распоряжений я не отменю!», — последовал ответ хозяина. «Приказываю разойтись, ибо закон вам не разрешает толпиться».

Однако, на углежогов угроза не подействовала и они продолжали шуметь:

— «Вор ты!

— «Не исполняешь сам законы, а нас ими попрекаешь».

На шум приехали приготовленные уже урядником казаки, и разогнали крестьян, арестовав попавшихся под руки отдельных углежогов.

Администрация успокоилась было, считая, что волнение усмирено, но ошиблась. И на следующий день 300 человек крестьян собралось у фабрики для того, чтобы повторить еще раз свои требования. На этот раз они обратились к исправнику, умоляя его наказать хозяина и освободить арестованных. По своей темноте углежоги не понимали, что чиновник не мог не быть на стороне владельца. И никакого удовлетворения требований, кроме угрозы: — пустить в ход оружие — они, конечно, не получили.

Дальше мы знаем о волнении симских крестьян.

Крепостные крестьяне, прикрепленные к Симскому заводу, 19-го мая 1862 г. бросили работы на почве того, что какой-то проезжавший сообщил им о законе 1861 года[1]).

Симцы, не видя ни воли, ни земли, заволновались и начали бастовать и волноваться. Но забастовка «волнение» ни к чему не привела. Администрация вызвала воинскую силу, которая и подавила волнения. Такое же положение было и в ряде других мест.

---

[1]) О раскрепощении.

ГЛАВА IX.

Отмена кантонной опричины, крепостного права и результаты колонизации.

Русский торгово-ростовщический капитал, постепенно превращаясь в промышленный, конечно, не изменил своей хищнической природы, он в союзе с помещиками продолжал энергично вести политику чрезмерной наживы не только за счет грабительства башкирских крестьян, но и за счет горно-заводского крестьянства.

И без этого каторжные условия труда и быта русского и башкирского крестьянства с этих пор ухудшаются еще больше. Доведенное до отчаяния, иногда пытаясь поднимать голову, оно делало попытки выступать против рабовладельцев. Правда, эти попытки не носили каких-либо признаков организованности, но, все же, они служили признаками нового движения, которое было опасно как промышленникам-рабовладельцам, помещикам, так и дворянскому государству. Поэтому царское правительство с отменой «крепостного права» 1861 года отменило в 1863 году и «новоявленное крепостное право или кантонную опричину».

С отменой кантонного управления (14 мая 1863 г.) башкиры были уравнены в системе управления с русскими крестьянами. Башкирские районы делились на волости, сельские общества, также, как и у русских крестьян, у них были учреждены сельские сходы, сельские старосты, волостные суды. Непосредственными начальниками над башкирами до и после «реформы» стали мировые посредники. Они мало отличались от кантонных начальников и так же не меньше способствовали башкирскому раззорению. Они явились местными «царьками» дворянского государства.

Башкирское раззорение увеличилось еще более в 70-х г. г. XIX-го столетия, ибо в это время началась «эпопея хищения» башкирских земель, известная под именем «дешевой раздачи», описанная Ремезовым в его книге «Очерки из жизни дикой Башкирии 1887 г.». Там поименованы новые «колонизаторы» Башкирии, приобретавшие землю обманом при помощи мировых посредников и насильственными мерами при поддержке царских ставленников. Кого-кого только нет среди этих «культуртрейгеров!»... Князья, дворяне, купцы, кулаки, царские чиновники,—все старались урвать «частичку» башкирской землицы.

Дальше, мировых посредников сменили непременные члены присутствия по крестьянским делам. Деятельность их не внесла ничего нового в жизнь башкир, кроме показа того, что они (члены присутствий) непременные члены грабительского «коллектива». Можно привести характерную выдержку из книги Ремезова: «Члены Уфимского Губернского по крестьянским делам присутствия, непосредственно заведующие башкирскими землями и самими башкирами, или, как называли их, «башкирские опекуны», коллежский асессор Заварицкий и действительный статский советник Н. Зверсман, при посредстве Корнилы Морозова задумали «захватить» от «малолетних» башкир земли, десятин так около ста тысяч. Оба они были помещики и довольно богатые, а Морозов оборудовал дело. Эти непременные члены, представители власти оформили по «закону», но вокруг этого дела поднялся шум. Башкиры добились «признания» неправильным такое отчуждение» [1]).

---

[1]) Ремезов — Очерки из жизни дикой Башкирии 1887 г.

Одновременно башкирское население не получало никакой культурно-хозяйственной помощи. Оно продолжало оставаться на весьма низкой ступени развития. Поэтому, совершенно понятно, что на ряду с процессом земельной колонизации, шел процесс культурного упадка, обнищания и вымирания башкирских народных масс. Колонизация способствовала созданию и закреплению в сознании башкирского народа настроений против русских и против всего русского вообще. Дворяне, купцы сами старались показать себя представителями всего русского народа. Естественно, что ограбляемый башкирин в тот период не был еще способен поставить перед собой и утвердительно ответить на вопрос: кто-же его грабит? Русский ли народ, или русская буржуазия, которая, грабя башкирский народ, такую же политику грабежа и произвола вела и по отношению к крестьянству своей собственной национальности. Башкирин, в условиях окружавшей его обстановки произвола и насилия, мало отличал русского крестьянина от русского купца, от русского кулака, такому взгляду еще способствовало переселение при помощи переселенческого комитета дворянского правительства.

Какую же, на самом деле, роль играло в земельной колонизации русское крестьянство? Мы часто слышим заявления, что колонизатором Башкирии являлась так же и вся масса русского крестьянства.

Верно ли это? В той же книжке землемера Ремезова и в ряде других исторических материалов мы находим данные, говорящие о том, что в деле земельной колонизации Башкирии огромная часть русских крестьян была жертвой русских дворян, купцов, кулаков, колонизовавших Башкирию. И купцу, и промышленнику, и помещику, захватившим на территории Башкирии огромные участки земли и леса, нужна была дешевая рабочая сила. И колонизаторы всех типов прибегали в этом случае к массовому ввозу крепостных крестьян извне, из других губерний России. А когда произошло, так называемое, «освобождение» от крепостной зависимости, их наделяли землей, на каковой они раньше, до 1861 г., работали, конечно, с уменьшением размера.

Крестьяне, преимущественно, беднота после 1861 года, приезжая сюда издалека и наделенные малым количеством земли в самой Башкирии на арендных началах, садились на землю купцов и дворян, помещиков и т. д., платили им громадную арендную плату и в целом ряде случаев превращались фактически в крепостных. Недаром существовал даже специальный термин для того времени: «временно-обязанные крестьяне». Во многих случаях, как устанавливается документами, отдельные деревни фактически отбывали трудовую повинность на землевладельцев. Вот, например, характерный документ:

— «1880 года, марта 31 дня, мы нижеподписавшиеся крестьяне гор. Стерлитамака, в количестве 95 человек (а другое точно такое же условие заключено с 80 лицами), заключили сие условие с конторою Винноключевского хутора в следующем:

1) Взяли мы у оной конторы, Стерлитамакского уезда, в деревне Дарьиной, усадьбы и для скота нашего пастбище (находящееся там-то), за исключением пашни (к которой примыкает пастбище) и сенокосных полян, которыми пользовались полесовщики, сроком на 6 лет, т.-е. с 1 апреля 1880 года, за что договорились мы отбывать конторе ежегодно, каждый лично за себя следующее: аренду за пастбище череда, т.-е. за каждую лошадь, корову и шесть овец, по 40 коп. и с головы свиней по 20 коп. серебром. Уплату денег за пастбище нашего скота обязуемся платить конторе каждого года в апреле месяце; если же кто из нас не

уплатит денег в назначенный срок, то обязуемся платить вдвойне или отработать по три дня конных.

2) За усадьбу: запахать, посеять по первому требованию конторы под рожь одну хозяйственную в 3600 кв. саж. десятину; пахать по три раза, боронить два крестообразно, т.-е. вдоль и поперек без целин. При запахивании семян, отпущенных из конторы, пахать мы обязуемся от 3 до 4 вершков и по 8 борозд в каждой сажени с опахиванием 4 бороздами в двух концах десятины. Спахать под яровой хлеб четверть десятины, — если кто из нас посеет десятину с обсевами, тот должен после всходов ржи, когда обозначутся обсевы, пересевать вновь по сделанным обсевам и своими семенами: двоение пашни и бороньба должны производится до Петрова дня, посев ржи до первого августа каждого года обязательно. Если кто из нас будет пахать мелко, сваливать борозды, и спахавши 4 бороздами с двух концов десятины и не в свое время, как пахать пар, так равно сеять рожь и некрестообразно, то представляем право конторе нанять на наш счет других пахарей и по какой бы то ни было цене, и уплаченные конторою деньги за нашу пашню мы обязуемся возвратить конторе без спора и тяжб, и с той же самой десятины свезти на хуторское гумно рожь сколько на таковой будет; по дороге снопов не терять, лошадьми не травить и снопов у кладей не сбрасывать, а подавать на кладь до последнего снопа привезенной ржи. Если будет замечено конторою, что нечисто свезена рожь с десятины, а также по дороге будут лежать растерянные снопы, то обязуемся платить конторе за понесенные убытки лично за себя по 3 р. сер., осенью по мелкому снегу нарубить и вывезти полсажени дров на хутор Винный ключ. Если дрова будут приготовлены конторою, нарублены весною — то вместо полсажени вывезти мы должны одну сажень. Ко времени приготовления семян ржи, мы должны выслать по одному дню женскому молотить рожь на семена. Если же кто из нас не вышлет молотить рожь по первому требованию, то обязуемся вместо одного дня работать два дня.

3) Для предостережения от потравы хлебов, околицу огородить городьбою, для чего хворост и колья рубить в отведенном конторою месте бесплатно, так и для своих усадьб должны рубить колья и хворост бесплатно.

4) Кто из нас будет пахать землю за Кармалкою, то обязуемся безпрекословно мост на р. Кармалке исправить из отпущенного конторою леса.

5) В летнее время, по первому требованию конторы, обязуемся каждый лично за себя, быть на помочи два раза с указанными орудиями.

6) В Бишкардаке на опушке леса правой стороны от села Ивановского косить траву на расстоянии не более полуверсты на неудобных местах, но не в лугах; затем более не должны отнюдь косить в других местах. Если же мы, косивши траву в Бишкардаке, будем лес рубить, а также траву косить в неуказанных местах, так за рубку и за траву обязуемся платить штраф конторе по 3 рубля.

7) В заливе за речкою Кармалкой контора должна отвести нам место для замочки конопли бесплатно. Если кто из нас будет мочить коноплю в речке Кармалке, то предоставляем конторе право взыскать с каждого по 5 рублей штрафа.

8) За уклонение от исполнения вышеупомянутых работ обязуемся платить конторе штраф: за пашню одной десятины 8 руб., за сноповозку 5 руб., за недоставленные дрова 3 руб., за неогороженную околицу 10 р., за неисправление моста на Кармалке 3 р., за неисполнение 2-х помочей

4 руб., за невспаханную пашню под яровой хлеб 1 руб. и за невыполнение одного дня женского 1 руб. (!!!).

9) В случае, если мы вздумаем с арендованных нами усадьб переселиться на другие места раньше назначенного срока, а также, равным образом, если контора раньше срока аренды откажет нам, то как мы лично за себя, равно и контора, повинны платить штраф в виде неустойки по 5 руб. за каждый год.

10) В исполнении работ и уплаты денег контора обязана выдавать квитанции; за неимением оных работы должны считаться непополненными и деньги неуплаченными.

11) Если же нам потребуются дрова на отопление, то контора должна нам отвести участок леса с платою и заработкой по добровольному соглашению с конторою, которая должна нам выдать бесплатно по 1 возу лучины, которую по сделанному наряду полесовщиками взять в назначенный день.

12) Если будет дознано конторою, что кто-либо из нас будет себя вести нечестно, а заниматься буйством контора вправе без суда и тяжбы выслать из усадьбы, арендуемой нами, а постройки таковых домохозяев должны быть собственностью конторы, за что мы не должны иметь никакой претензии.

13) По уборке хлебов, арендаторам предоставляется право пасти свои табуны и на неарендованном ими пастбище, но только, чтобы не стеснять пастбищем конторского скота.

14) Если кто из нас будет иметь неблагонадежных людей на квартире или в работниках, то обязуемся платить конторе штраф по 10 руб.

15) Во время пастьбы скота, если кто из нас будет пускать свой скот вольно, без пастуха, то обязуемся платить конторе штраф по 3 руб. каждый раз.

16) Условие обязуемся выполнить во всей точности и под сим подписуемся». (Подписи).

Комментарии к этому условию мы считаем не только излишним, но совершенно ненужными; ограничимся только вопросом: — не составляют ли подобные отношения новоявленного крепостного права, гораздо худшего, нежели то право, которое отошло в вечность?

Это условие принадлежит перу управляющего княгини—Хадзинскому.

Княгиня, купив еще у дворянской казны за бесценок смежное громадное озеро Ак-куль, 10 верст длиною и 2 шириною (доходная рыболовная статья), проживая в Москве, задавала балы, стоящие по 40 тысяч рублей. [1])

Особенно тяжелым являлось положение той части русского крестьянства, которое было завезено сюда еще в период крепостного права помещиками и промышленниками. После реформы 1861 года они продолжали жить в громадных поместьях своих бар в чрезвычайно тяжелых условиях.

Безрадостную картину представляла жизнь бывших крепостных крестьян г. Базилевского, села Моисеева (Никольское), Уфимского уезда, Новоселовской волости.

Дело в том, что прежде они принадлежали казанскому помещику Моисееву, воспетому Лермонтовым в его юношеском стихотворении — «Монго», в котором Моисеев рисуется как пьяница, имеющий на содержании у себя танцорку Пименову, «красу и честь балетной сцены».

---

[1]) Ремезов Н. В. Очерки из жизни дикой Башкирии 1887 г.

Крестьянам села Моисеева по уставной грамоте после их освобождения, введенной в действие в 1863 г., на 464 души отведено было,— говорит Н. Ремезов, — в постоянное пользование 2.088 десятин, за которые они отбывали издельную повинность.

В 1867 году была сделана окончательная разверстка угодий и ограничен надел, которого крестьяне не приняли, выражая желание воспользоваться другими угодиями, более удобными, но помещик на это не соглашался. Дело тянулось целые годы, крестьяне не стали отбывать издельной повинности. Это обстоятельство было сочтено за бунт.

Несколько характерных эпизодов.

Еще с 1866 г. началось брожение среди крестьян, которые «отыскивали какую-то лучшую волю» (заявление конторы Базилевского Никольскому волостному правлению 6 июня 1866 г.) и производили беспорядки, подстрекаемые своими односельцами Шаниным и Пушкиным, а в 1870 г. каким-то пономарем, которого, как «замеченного в проступках совершенных им в селе Моисееве, во избежание нареканий через него на духовное сословие», перевели в другое село. (Отношение благочинного Константиновского в контору, за № 563, от 3 ноября 1870 г.).

За все это время брожение все усиливалось, надел мужики не принимали, что не особенно-то нравилось помещику и дело разразилось следующею эпопеей, занесенною на скрижалях газеты «Деятельность» (№ 13-й 1872 года).

В августа 1871 года уфимский исправник Табаровский, вследствии уволенный со службы за порку одного купца на Мензелинской ярмарке во время игры в карты (с чиновником полицейского управления А.), через рассыльного распорядился собрать до 400 человек понятых из окольных башкирских селений, атаковал своими жандармами село Моисеево и приступил торжественно к порке мужиков. Без всяких об'яснений причин выводил из толпы на арену тех мужиков, которых указывала экономия, клали на землю и всыпали до 120 ударов прутьями. Но так-как душа исправника вполне еще не насытилась этим, то, для удовлетворения своего аппетита, он приказал волостных судей села Моисеева и других должностных лиц отправить в город и засадить в чижовку. Здесь в продолжение недели заключенные держались на пище св. Антония и только благодаря небезкорыстной доброте стражи выпускались по очереди на базар для приобретения корма.

Не довольствуясь награждением благородных частей тела приличным числом розог, исправник дарил лежавших и зуботычинами носками своих лакированных сапог.

Почему задали мужикам такую баню? Да будто бы за какую-то несуществующую недоимку, но и ту мужики заплатили по требованию исправника, в размере 2 тысяч рублей, да сверх того перевезли по 3½ куля помещичьего хлеба на душу за 45 верст на Топорнинскую пристань.

«Здесь надобно заметить, — говорится в корреспонденции, — что моисевскими мужиками было заработано владельцу излишне насчитанными душами 546 руб. Хотели обиженные добиться толку у высшего начальства о том, за что их секли и морили в чижовке, но исправник им пригрозил вторичною «баней», и терпеливая шкура русского мужика, прикаленная долгим крепостничеством, смирилась и подчинилась страху, зная, что Табаровский — личность сильная и любимая, поддерживаемая всем начальством, может, пожалуй, исполнить свою угрозу и тогда последняя будет горше прежней».

После сего крестьяне воочию убедились, что им жить будет плохо, и в 1873 году все общество, за исключением 13 душ, перешедших в разряд безземельных, перечислилось в мещане, оставив отведенный им «надел» в пользование помещика, но продолжая жить в своих прежних усадьбах в числе 200 дворов, за плату по 2 рубля со двора и натуральные работы. Если нельзя было добиться требуемого им надела в желаемых местах раньше, то теперь они стали арендовать его за отработки, так-что внутреннее устройство общины осталось без изменения.

Помещик, конечно, теперь мог бы их преспокойно выгнать со своей земли, но это было бы слишком безрассчетливо: двести дворов дворовых даровых рабочих, обязанных всем своим состоянием, при недостатке рабочих, имели громадное значение в 14-тысячном (десят.) имении. Таким образом временно-обязанные отношения крестьян не изменились и крестьяне считали себя неутратившими право на владеемый ими теперь надел. Копия с уставной грамоты оставалась у них в руках без всякой надписи об ее изменении, почему еще составилось убеждение, что они, состоя несколько лет на издельной повинности, надел выкупили. Убеждение это росло все шире, и «мещане» пред'являют к Базилевскому иск на надел в палату, которая, разумеется, отказала. Опять мужики смолкли, но в 1881 году приезжает в губернию для ревизии сенатор Ковалевский, которому они и подали прошение о наделе. Они жаловались, что они пришли в раззорение. «Отец, наш! Будьте к нам снисходительны, примите на себя труд, рассмотрите просьбы наши решите нам вступить в право пользования душевым наделом и тем не допустите нас до крайнего раззорения и если уже нельзя нам получить надела, то мы будем просить милостивого монарха (а монарх, ведь сам помещик. Ш. Т.) о назначении для расследования настоящего дела комиссии. Мы 18 лет продолжаем хлопоты о земле и все ничего не выходит, а наш поверенный ушел с делами в Петербург и его нет до сего времени обратно целых 9 лет, да и Божий храм выстроен нашими дедами, а Базилевский разгоняет нас как овец... К этому в раз'яснении справедливости нашего ходатайства добавим, что по принятии уставной грамоты мы работали на владельца в течение 10 лет в количестве 462 души и 1½ года 338 душ, в летнее время по 4 дня в неделю, а зимой по 2 и 3 дня, до кроме того платили за жатьбу ежегодно 400 руб., за выгон 300 руб. и только за переправу через мост отрабатывали по 200 дней конных и 200 пеших, деньгами по 50 рублей» [1]).

Нередко, «освобожденные» от крепостного права, русские крестьяне массами покидали земли своих помещиков, как это было, например, в Уфимском кантоне (Благовещенский завод и т. д.), и искали земли на стороне. То же самое нужно сказать о рабочих, состоявших в качестве крепостных, при фабриках и заводах. После «освобождения» от крепостной зависимости, от каторжной подневольной работы на фабриках и заводах, они зачастую устремлялись на землю и шли в новую кабалу к землевладельцам. Значительная часть русского крестьянства и рабочих являясь, в известной степени, орудием колонизации Башкирии вместе с тем и сами являлись жертвой той же самой колонизаторской политики, от которой страдало коренное башкирское население.

Итак, были угнетены русские крестьяне и башкирские трудящиеся, последние несли двойное угнетение, т. е. и колониальное.

---

[1]) Ремезов. Там же.

Результат колонизации предыдущих столетий и процесс ее после отмены крепостного права и кантонной опричины.

Завоеватели Башкирии, бояре и дворяне, для обработки земли, отобранной от башкир, в течение XVII—XVIII и первой половины XIX-го веков, продолжали привозить крепостных, дворовых—невольников крестьян; точно также и к заводам прикреплялись крепостные и беглые крестьяне. Процесс насильственного ввоза русских крестьян и рост припущенников—русских, татар, черемис и чуваш сделали Башкирию ко II-ой половине XIX века многонациональной страной. Уже к 1865 году население бывш. Уфимской губернии или дореволюционной Башкирии, составляло (из 1.771.988 человек) [1]):

			По сословиям:	
Башкир	28%	55%	Дворяне и помещики	13533 ч.
Татар	27 „		Почетные граждане	298 „
Русских	36 „		Крестьян всех наим.	756228 „
Черемис	2 „		Башкиры	881617 „
Прочие	3 „			

Таков результат колонизации Башкирии ко 2-й половине XIX столетия. Незначительное количество дворян и помещиков и торгово-промышленных капиталистов составляло группу эксплоататорского господствующего коллектива, который пользовался неограниченными правами предоставленными ему царским правительством.

Данные по распределению землевладений к 1870 году дают такую картину, так называемой, «свободной колонизации» [2]).

1. Башкирские владения составляют	6.476.464 дес.
2. Крестьянские наделы	1.119.716 дес.
3. Потомственных и личных дворян	1.392.203 дес.
4. Заводские	49.196 дес.
5. Казенные, отобранные после наделения башкир	842.358 дес.
6. Удельно-кабинетские (царской фамилии)	91.864 дес.
7. Городские	16.783 дес.
8. Купцов	157.528 дес.

Эти цифры ясно показывают, что башкир грабили все слои эксплоататорского класса, во главе с дворянским государством.

Уже статистические данные 1882 года показывают, что из 10.315.929 дес. удобной земли, бывш. Уфимской губ., принадлежало городам 12.189 дес., церквам—монастырям 9.214 дес., удельному ведомству 88.148 дес., дворянской казне 816.976 дес., казенной лесной страже 2.322 дес., частным владельцам (дворянам, помещикам, купцам)—2.612.922 десятины, а полутора миллионному населению сельских обществ, в том числе башкирских—6.694.158 десятин.

Таким образом, незначительному количеству эксплоататоров (дворянам, помещикам, царской фамилии, купцам, капиталистам-хозяевам заводов с дачами) принадлежало $^2/_5$ всей земли дореволюционной Башкирии, охватывающей территорию бывшей Уфимской губернии, а $^3/_5$ всей удобной земли принадлежало слишним полуторамиллионному населению крестьянских обществ (вместе с башкирами).

---

[1]) Справоч. книжка Уф. губ. изд. 1883 г.
[2]) Справочн. книжка Уф. губ. изд. 1883 г.

Дворяне—помещики, накопившие большое количество земельных запасов (отобранных у башкир), после реформы 1861 года стали превращать эти земли в чистую монету, т. е. стали продавать за дорогую цену «освобожденным крестьянам» без земли или сдавали им в аренду на кабальных условиях.

Продажа земли охватывала, главным образом, 70-е годы второй половины XIX столетия. Земельная спекуляция сильно привлекала «честных» дворян, а о купцах не может быть и разговора. Для характеристики этого мы приводим нижеследующие данные: земельная собственность в Уфимском уезде к 1-му октября 1885 года, по сведениям Межевого отдела, распределялась между различными сословиями следующим образом: [1])

	Число десятин.
Городской и выгонной	4.964,1
Дворян	774.306,9
Купцов и мещан	171.317,3
Крестьян-собственников	218.732,2
Душевых наделов бывших врем.-обязан. кр-н	121.579,2
Башкир-вотчинников	292.355,8
Башкир-припущенников	174.234,5
Удельного ведомства	23.929,2
Казны	15.366,0
Церквей и монастырей	441,7
Неподлежащих земскому обложению	3.139,8
ИТОГО	1.800.347,2

К 1-му же октября 1894 года, по тем же источникам, земельная собственность распределялась уже так:

	Число десятин.
Городской и выгонной	4.643,8
Дворян	689.944,6
Купцов и мещан	123.723,7
Крестьян-собственников	257.882,6
Душевых наделов бывш. врем. обяз. кр-н	119.224,8
Башкир-вотчинников	370.486,6
Башкир-припущенников	175.015,2
Удельного ведомства	24.806,6
Казны	16.075,5
Крестьянского банка	564,4
Монастырей и церквей	412,3
ИТОГО	1.802.097,6

[1]) Земская статистика, том 1-й.

Другими словами, за девятилетие с 1885 по 1894 г., земельная собственность в Уфимском уезде у различных сословий и ведомств изменилась следующим образом:

	(+) прибыль, (—) убыло, в % по отношению к общему количеству земли, бывшей в 1886 году.
Городской и выгонной	— 6,45 %
Дворян	— 10,90 „
Купцов и мещан	— 27,78 „
Крестьян-собственников	+ 17,90 „
Душевых наделов временно-обяз. кр.	— 1,94 „
Башкир-вотчинников	+ 30,77 „
„ припущенников	+ 0,45 „
Удельного ведомства	+ 3,67 „
Казны	+ 4,62 „
Крестьянского банка	+100, 0 „
Церквей и монастырей	— 6,66 „

Таким образом, убыль земель произошла почти исключительно у дворян и городских сословий, а прибыль у крестьян-собственников и башкир-вотчинников. Переход дворянских земель в руки других сословий, как факт, почти, повсеместно совершившийся более или менее установленный и об'ясненный, не возбуждает и в данном случае каких-либо недоумений, как равно и убыль у купцов и мещан, что имеет свое об'яснение, главным образом, в том, что у этого класса собственников земля являлась, обыкновенно, одним из видов коммерческих оборотов. Что же касается прибыли земли у башкир-вотчинников, то это явление может быть об'яснено, главным образом, возвращением башкирам приобретенных от них до 1878 года земель (Уфимск. Губ. Зем. статистика, т. 2-й).

Еще, так называемая, эпоха освобождения крестьян ознаменована изданием особого положения о башкирах и правил 10 февраля 1869 г., на основании которых предполагалось «упорядочить» поземельные отношения башкир-вотчинников и припущенников — путем размежевания земель и установления земельных норм, т.-е. установление законного пути к новому расхищению башкирских земель.

По наделению, согласно этим нормам (закон 1865 года), башкир и их припущенников, из остальной площади предполагалось образовать две категории земель запасных. Первая должна была составлять свободную собственность башкир-вотчинников, из которой они могли отчуждать отдельные участки, а вторая поступала в распоряжение дворянской казны.

Таким образом, из единого земельного фонда башкир образовалось три категории земель:

1. Душевые наделы башкир-вотчинников и припущенников.
2. Свободные земли вотчинников, остающихся в их распоряжении.
3. Запасные земли, состоящие в ведении управления государственными имуществами дворянского правительства.

Но уже 4-го июня 1871 года изданы были новые правила, по которым запасные земли последней категории, т.-е. перешедшие после наделения башкир в распоряжение дворянского государства, разрешалось продавать исключительно должностным лицам дворянского правительства, служившим как на месте, так и во внутренних губерниях России, если только водворение их в крае признавалось «для правительства полезным».

Так-что земли, поступившие в распоряжение дворянского государства после наделения башкир (наделение было по 40 десятин) назывались уже «казенными», фактически ограбленные они должны были продаваться участками различного размера, в зависимости от заслуг и положения приобретающих их должностных лиц — дворян, помещиков, почетных граждан.

Стремление дворянского правительства — во что бы то ни стало, водворить в Башкирии «благонадежный» русский элемент, вылилось в земельную спекуляцию, которой увлекался русский ростовщический торговый капитал. Через поддержку местных дворянских властителей приобретались башкирские земли и перепродавались переселенцам, трудовой крестьянской массе из внутренних губерний России, таким образом, переселение превратилось в «переселенческую эпопею». Переселенцы—трудовые крестьяне приобретали у ростовщиков земли на кабальных условиях. Насколько выгодны были тогда земельные операции в Башкирии легко судить хотя бы по тому, что банками под покупку «казенной» и башкирской земли выдавались ссуды купцам и служилым дворянам, в 10 раз превышающие стоимость приобретаемых ими участков. Платежи по этим ссудам рассрочивались на 37 лет, перепродажа же русским крестьянам производилась по цене в 10 раз превышающей покупную.

Как вынуждали башкир продавать свои земли по дешевой цене ростовщикам и служилому элементу—дворянам? Дело делалось очень просто. Налагали непосильные налоги на башкир, за недоимки и неуплату в срок отбирали или угрожали отбором всего имущества. В то же время посылались «дельцы» ростовщики, которые предлагали свои услуги башкирам, т.-е. рекомендовали продавать неиспользуемые ими земли и получить деньги и тем самым избавиться от налогов. Еще практиковались угрозы, запугивали повторением мероприятий 1832—1869 годов оставлением меньшего количества надела. Башкиры не могли не верить этому, так как русское дворянское правительство в течение предыдущих столетий показало свою «способность» отбирать башкирские земли. Дать ответ восстанием или открытым сопротивлением уже невозможно. Башкиры находили единственным исходом отказ от земли хотя бы через продажу по дешевой цене. Установлению такой дешевой цены способствовало и право монопольного приобретения башкирских земель, на основании закона 4 июня 1871 года, дворянам, служилым элементам, а в союзе с ними и ростовщическо-торговым капиталистам.

Скупщики башкирских земель являлись временными ее собственниками, т.-к. не развивая крупного сельского хозяйства, они в большинстве случаев приобретали земли, с целью выгодной перепродажи их двинувшимся в Башкирию переселенцам. Основной причиной движения переселенцев в Башкирию явилась явная недостаточность наделов, полученных крестьянством после отмены крепостного права в центральных губерниях.

Вначале оберегая интересы господствующего класса и не желая лишать помещиков внутренней России дешевых рабочих рук и арендаторов, правительство к вольному переселенческому движению относилось отрицательно. На первых порах движение достаточно успешно тормозилось прикреплением крестьян к сельским обществам, которые неохотно выдавали увольнительные свидетельства отдельным своим членам, т.-к. лежавшие на переселяющихся повинности и платежи по круговой поруке распределялись тогда среди остающихся на месте.

Но под влиянием ходатайств материально заинтересованных в этом уфимских помещиков, правительство, хотя и значительно позже, своей

взгляд на переселенческий вопрос изменило. В 1893 г. для смягчения крестьянских восстаний взялось за это дело само, учредив переселенческий комитет. Еще позже, в 1904 году, переселение признается юридически свободным, но закон еще подразделяет самих переселенцев на поощряемых и непоощряемых. Относя к первым только малоземельных или вовсе безземельных, которые или должны были умереть с голоду, или идти непосредственно на помещика с восстанием. Наконец, в марте 1906 г. издается, вызванный горно-аграрным движением, указ, которым переселение крестьян из внутренних губерний России признается совершенно свободным. При этом царское правительство учредило к концу XIX столетия в Уфе Крестьянский Поземельный Банк, который в основном давал льготные ссуды ростовщикам, служилому элементу для приобретения земли с целью перепродажи переселенцам, т.-е. для «благодушной встречи» своих новых соотечественников. На самом деле покупка земель через ростовщиков для переселившихся, середняков, бедняков-крестьян оказалась новым методом эксплоатации и закабаления.

Таким образом, коллектив эксплоататорского класса вырабатывал различные методы и способы ограбления башкир и эксплоатации русских трудовых крестьян и т. д. Какова была переселенческая политика правительства в разные годы из приведенных ниже сведений по данному вопросу за время с 1865 года по 1912 год видно следующее: [1]).

Г О Д Ы	Дворов	Душ обоего пола	% % дворов	% душ обоего пола
До 1865 г.	1016	6798	2,8	3,0
От 1866—1870	2069	13852	4,6	6,0
„ 1871—1875	4435	27905	11,8	11,9
„ 1876—1880	5567	36897	14,8	15,5
„ 1881—1885	4120	27456	10,9	11,6
„ 1886—1890	2952	18048	7,7	7,6
„ 1891—1895	5786	37316	15,2	15,7
„ 1896—1897	91	502	0,3	0,3
„ 1901—1905	3890	22848	10,2	9,6
„ 1906—1910	3732	19386	9,8	8,2
„ 1911—1912	1365	7320	3,7	2,2
Невыясненный период	3048	20170	8,2	8,4
Всего от 1865 до 1912 г. .	38121	238497	100	100

Таким образом, усиленное переселение в 80-х г. г. прошлого столетия состоит в прямой связи с широкой перепродажей переселенцам башкирских земель, захваченных «должностными лицами» дворянами. Но наивысшего под'ема это движение достигло в период 1891—95 г. г. В эти годы, с целью ослабления крестьянского движения, само правительство помогало организованному переселению в Башкирию и Сибирь.

[1]) М. Никитин. Жур. „Хозяйство Башкирии“ № 6—7, 1928 года.

Отсюда ясен вывод, что подавляющее большинство крестьян, переселившихся в Башкирию из внутренних губерний, осело на землях временных владельцев, приобретавших некогда земли именно со спекулятивной целью.

В результате переселенческого движения и естественного прироста населения национальный состав его в дореволюционной Башкирии уже к 1912 году представляется в следующем виде:

	Всего	% к итогу
1. Башкиры и татары	1160180	52,71
2. Великоруссы	741389	33,68
3. Мари (черемисы)	88058	4,0
4. Чуваши	75416	3,43
5. Украинцы	56923	2,59
6. Мордва	33044	1,50
7. Белоруссы	7672	0,35
8. Вотяки	28297	1.28
9. Латышы	4167	0,19
10. Немцы	3914	0,18
11. Евреи	4	—
12. Поляки	253	0,01
13. Эстонцы	1339	0,06
14. Прочие	535	0,02
Всего .	2201191	100

Если теперь, пользуясь историко-статистическими таблицами Башстатуправления, сопоставить в соответствующем разрезе численность населения на территории б. Уфимской губернии за 1912 и 1920 годы, то получится достаточно точная картина национального его состава ко времени революции:

	1912 г.		1920 г.	
	Всего душ	% к итогу	Всего душ	% к итогу
1. Башкиры и татары	1160180	52,71	1175388	49,51
2. Великороссы	741389	33,68	852961	35,93
3. Мари (черемисы)	88058	4,0	851192	3,59
4. Чуваши	75416	3,43	77075	3,25
5. Украинцы	56923	2,59	67122	2,83
6. Мордва	33044	1,59	39639	1,67
7. Прочие	—	3,22	—	3,22

Вот причины разнообразия национального состава, которые уже имелись до революции и имеем после революции.

Вместе с тем нужно отметить, что значительное большинство русских крестьян является той категорией населения Башкирии, которая до отмены крепостного права в 1861 г. представляла крепостных дворовых и государственных крестьян, а менее значительное количество русских крестьян, т.-е. 238.497 душ, переселились между 1861 годом и 1912.

К 1913 году, категории населения по землевладениям представляются в следующем виде: 10.847.722 дес. удобной и неудобной земли принадлежало:

1.	Надельная земля крестьян всех наименований	5.261.476 дес
2.	Частно-владельческая (дворян, помещиков)	1.910.032 »
3.	Купеческие	1.226.513 »
4.	Башкир-вотчинников	1.153.277 »
5.	Дворянской казны	213.202 »
6.	Удельно-кабинетских	127.632 »
7.	Монастырские	18.703 »
8.	Прочие	43.707 »

Таким образом, к 1913 году в руках различных слоев эксплоататорского буржуазного класса оказалось 4 миллиона 433 тысячи 972 десятины, а в руках крестьян всех наименований, в том числе и башкир-вотчинников — 6.414.753 дес.

Если представить незначительность по своему количеству эксплоататоров, то имеющаяся во владении их земля составляла огромное количество. Крестьянство, которое составляло почти 2-миллионное население, владеет 6.414.753 десятин.

Вместе с тем, крестьянское население распадалось по землеобеспеченности на разные категории. Таким образом, до революции 1917 года положение в Башкирии по землевладению и хозяйственной мощи отдельных категорий крестьянства поставило Башкирию перед необходимостью коренного разрешения земельного вопроса.

Последняя дворянизация башкирских общинных земель.

Дворяне, помещики и царские чиновники всех рангов, поддерживаемые властями, и ростовщики к концу XIX столетия еще не отказались от открытых захватов, так называемых башкирских «свободных» земель и лесов. Дворянизация оставшихся «свободных» башкирских земель во 2-й половине XIX столетия была вызвана также насущной потребностью укрепления власти крупных землевладельцев в Башкирии.

Последним более ярким «законным» выражением политики дворянизации «свободных» башкирских земель был закон 4-го июня 1871 года. Этот «закон» имеет особый интерес при изучении истории Башкирии второй половины прошлого столетия. Он был по существу узаконенным грабежом башкирских земель. Кроме дворян и помещиков в этом законе нуждались царские чиновники из других нетрудовых сословий. Последние нуждались не только в дворянизации башкирских земель, но и в дворянизировании себя. Действительно закон 4-го июня 1871 г. пошел навстречу дальнейшей дворянизации земельных отношений в Башкирии. Об этом законе тогда в своем всеподданнейшем докладе о башкирских землях сенатор М. Е. Ковалевский пишет следующее:

„Закон 4-го июня 1871 года, составлялся вследствие представления Оренбургского генерал-губернатора генерал-ад'ютанта Крыжановского, который во всеподданнейшем отчете, представленном в 1870 г., доказывал пользу безвозмездного пожалования служащим в Оренбургском крае (сюда входила вся территория Башкирии. Ш. Т.) лицам казенных земель (отобранных ранее у башкир же. Ш. Т.), в виду увеличения в крае образованного земледельческого сословия. По словам отчета, в недалеком будущем должны поступить в казну до 3 миллионов десятин башкирских земель, которые вместе с состоявшими уже в казне землями, составят массу земель"...

Выписка из этого отчета, по «высочайшему» повелению передана была бывшему в то время министру государственных имуществ генерал-ад'ютанту Зеленому, разделявшему взгляд генерал-губернатора относительно пользы, которую проектированная мера могла принести краю... «Генерал-ад'ютант Зеленый полагал, возможным допустить продажу земель лицам, служащим не только в Оренбургском крае, но и в других частях империи, с допущением для них льготы в уплате покупной суммы».

Испрашивая у министра государственных имуществ разрешения на отчуждение казенных устроенных дач, ранее отобранных от башкир, генерал-губернатор обещал, что «казна будет с излишком вознаграждена более чем пятью стами тысяч десятин первобытного леса, за поступлением которого из башкирских земель в запасные участки он, генерал-губернатор, будет иметь особое наблюдение».

После состоявшегося между генерал-губернатором и министром государственных имуществ соглашения, проект правил о продаже (?! Ш. Т.) на льготных условиях земель в Оренбургском крае внесен был в комитет министров, высочайше утвержденным 4-го июня 1871 года, положением коего установлены были правила, сущность которых заключается в следующем:

«1) В губерниях Оренбургской и Уфимской (где населяются башкиры. Ш. Т.) допускается продажа на льготных условиях казенных земель служащим лицам, как в Оренбургском крае, так и в других частях империи, водворение коих будет признано для края полезным.

«2) Продажные участки, образующиеся из свободных казенных земель, (раньше отобранных от башкир. Ш. Т.) по распоряжению министра государственных имуществ от 500 до 1000 и от 1000 до 2000 десятин каждый. Участки последние представляются лицам, более заслуженным и от водворения коих ожидается более пользы.

«3) Продажная цена каждого участка определяется по капитализации из 5 проц. оценочного дохода с земель, вошедших в состав участка. Если же исчисленный оценочный доход превысит действительно поступивший в последние три года, то оценка соразмерно понижается.

«4) Покупатель при совершении купчей уплачивает десятую часть цены, а остальная рассрочивается на 37 лет, считая с третьего года по совершении купчей.

«5) Избрание лиц и распределение между ними участков предоставлено Оренбургскому генерал-губернатору по соглашению с министром государственных имуществ» [1]).

Как было сказано выше в § 2, продажные участки должны были образоваться из свободных казенных земель, т. е. раньше отобранных (до «закона» 4-го июня 1871 года). «Между тем,—говорит сенатор Ковалевский,—из числа общего количества распределенных земель свободных казенных продано лишь 109.829 десятин, в состав остального количества вошли запасные башкирские земли, которые имели строго определенное назначение—служить для наделения припущенников—башкир (и малоземельных башкир—вотчинников. Ш. Т.), в случае переселения их из малоземельных дач». Дальше сенатор Ковалевский говорит, что «в настоящее время распродажа запасных башкирских земель в качестве свободных казенных, уже факт совершившийся».

Конечно, если обратиться по отчету генерал-губернатора к последовавшей затем переписке его с министром государственных имуществ и

---

[1]) Всеподданнейший доклад по делу башкирских земель сенатора Мих. Евграфовича Ковалевского.

к представлению последнего в комитет министров, будет очевидно, что генерал-ад'ютант Крыжановский имел в виду распродать преимущественно башкирские земли, ожидавшиеся к поступлению в казну по его удостоверению в количестве 3 миллионов десятин. «Разрешая распродажу казенных (ранее отобранных от башкир. Ш. Т.) земель без определения даже количества земель, которое могло быть продано, и комитет министров, очевидно (несомненно. Ш. Т.), имел в виду 3 миллиона десятин, которые по удостоверению генерал-губернатора, должны поступить в казну сверх тех земель, которые казна имела уже в своем распоряжении»[1]), так называемое отмежевание запасных земель из владения башкир-вотчинников, так и башкир-припущенников было по существу насильственным отобранием и грабежом классом крепостников башкирских земель. Даже дворянский сенатор Ковалевский мог заметить это и не мог скрыть в своем докладе, что «отмежевание запасных земель из владения башкир само по себе было мерою, стеснительною для башкирского населения, как всякая мера, лишавшая население права пользования землей, находившейся до того времени в его владении».

Дальше пишет, что «особенно вредное влияние имела распродажа земель на сельское население, как на башкирское, так и на русское. Еще в бытность,—говорит Ковалевский,—в Казанской губернии при ревизии Чистопольского уезда, крестьяне села Богородского жаловались на отобрание у них до окончания срока контракта земли, которую они арендовали у казны в соседнем районе Уфимской губернии, и на продажу этой земли тайному советнику Климову...».

В этом отношении заслуживает особого внимания продажа одного из таких участков, находящихся в Каналинской даче, где раньше поселились русские крестьяне по соглашению с башкирами и они пользовались землей в размере 1500 десятин. Этот участок был отрезан казной как башкирская земля и продан за ничтожную цену княжне Багратион. Вот что пишет об этом Ковалевский. Он говорит, что «на положение крестьян никакого внимания обращено не было; участок их был продан княжне Багратион, крестьяне очутились в ее земле...

«Крестьяне не оставляют свой участок и, по всей вероятности, придется выдворить их военной силою, если только княжна Багратион не покончит с ними миролюбиво... При прибытии в Уфимскую губернию я нашел,—говорит Ковалевский,—отношение крестьян к «продаже» (фактически—захват. Ш.Т.) земель значительно более резким...Кроме чувства сословной зависимости, распродажа льготных участков, к сожалению, усилила среди сельского населения убеждение в новом наделе их из владельческих или из казенных земель. При разборе жалоб и прошений крестьян, касавшихся земельных вопросов, просители говорили, что «господ наделили, придет время и нас наделят» (Ковалевский). «Льготная распродажа земель» представлялась и отождествилась в глазах народа как захват земель известным сословием. Конечно, крестьяне не могли не понять этой явной дворянизации, ведь, отделенные, отобранные от башкир земли были приняты в ведение казны, местное управление государственными имуществами приступало тотчас же к оформлению «льготных участков» без с'емки и осмотра их в натуре. Образованные таким образом участки представлялись через генерал-губернатора министру и окончательно продавались льготным покупщикам—царским чиновникам, водворение коих признано для края полезным. Покупная цена была просто преступная, она составляла от 1 до 3-х рублей за

[1]) Там-же. М. Е. Ковалевский—сенатор.

десятину. Она по существу представлялась не платой за землю, а платой за расходы, производимые при захвате, при «отделении» земель. Таким образом, эта захватническая политика, или дворянизация земель, ясно предсказывала о судьбе и остальных земель. Поэтому башкирское население само стало отчуждать свои земли «что побудило генерал-губернатора преследовать скупщиков (в большинстве татарских и русских крестьян. Ш. Т.) башкирских земель и выхлопотать в 1878 году закон о воспрещении башкирам-вотчинникам права отчуждения своих земель»[1]), а захват и распродажа этих захваченных казною башкирских земель имущим сословиям, чиновникам по преступно-низкой цене все продолжались.

«Несмотря на спокойный характер башкирского населения в начале распродажа участков из неразмежеванных дач заметно усилила возбужденное состояние этого населения, которое в 1880 году уже явно выразилось сопротивлением к «отмежеванию запаса».

«В первый раз такое сопротивление проявилось осенью 1880 года при размежевании Илькульмино-Кульильминской дачи... Более серьезное сопротивление, сопровождавшееся уже насилием,... оказали летом нынешнего (1881) года крестьяне деревни Кипчак при размежевании Булярской волости, Бирского уезда. В настоящее время—продолжает в своем докладе сенатор Ковалевский, — сопротивление это уже прекращено; виновные в насилиях переданы в руки судебной власти, самое же размежевание (захват. Ш. Т.) продолжается... Судя по возбужденному состоянию башкирского населения, нельзя ручаться, чтобы не возобновилось и в других местах»[2]).

Предвидя беспорядки, бывший уфимский губернатор Левшин в представлении на имя генерал-губернатора от 22-го августа 1879 года «указывает на вредные последствия поспешности, с которою действовало управление государствеными имуществами и на стеснения, которые терпело от этого местное население». В то же время губернатор Левшин не только не находил нужным остановить поспешности, но скорее содействовал распродаже земель... «Сам получил весною 1879 года большой участок земли»[3]).

Нужно полагать, что волнения в это время было больше, чем в свете описания сенатора Ковалевского.

Теперь перейдем к вопросу дворянизации башкирских лесов. Дворянизация лесов шла и раньше, с года завоевания Башкирии, но еще не все было дворянизировано. Последним «законным» актом дворянизации башкирских лесов явился указ министра государственных имуществ по лесному департаменту от 30 ноября 1870 года. Разрешено было управляющим государственными имуществами отчуждать дачи. На основании этого указа управляющий государственными имуществами в Уфимской губернии Ивашенцев вошел 4-го декабря 1872 года в министерство с представлением о разрешении ему образовать участки для продажи на льготных условиях из лесных дач и из лесных площадей лесного ведомства губернии. Кроме того, дополнительно обратился к министерству Г. И. генерал-губернатор Крыжановский.

«Генерал-губернатор 17-го января и 30 марта 1857 года,—говорит сенатор Ковалевский,—сообщил министру государственных имуществ, что по случаю немедленного поступления в казну запасных башкир-

---

[1]) Там же. Ковалевский.
[2]) Там же.
[3]) Там же.

ских земель и встречаемых вследствие сего затруднений образовывать продажные участки сообразно количеству поступающих просьб от лиц, желающих приобрести участки, он, генерал-губернатор, разделяет мнение управляющего государственными имуществами о пользе продажи на льготных условиях означенных выше лесных дач. При этом генерал-ад'ютант Крыжановский присовокупил, что казна ничего не потеряет от такой продажи, так-как ими принимаются все меры к тому, чтобы в *запасные земли, отчуждаемые от башкир, поступали бы лучшие башкирские леса.* Вследствие чего казна получит в свое распоряжение более полумиллиона десятин отличного первобытного леса, с которым не могут итти в сравнение казенные дачи (раньше отобранные. Ш. Т.), о продаже коих ходатайствует коллежский советник Ивашенцев... Министерство согласилось на ходатайство генерал-губернатора, о чем и уведомило его 27 апреля 1875 года»[1]).

В то же время «испрашивая у министра государственных имуществ разрешения на отчуждение казенных, устроенных дач, генерал-губернатор обещал, что казна будет с излишком вознаграждена, более чем пятью стами тысяч десятин первобытного леса, за поступлением которого из башкирских земель в запасные участки он, генерал-губернатор, будет иметь особое наблюдение»[2]).

Таким образом все условия захвата башкирских земель были обеспечены. Государство грабителей-дворян, помещиков, ростовщиков оказало помощь во всем этом предприятии, как ему положено «по штату», возложив осуществление этого грабительского плана на двух тиранов в лице генерал-ад'ютанта Крыжановского и бывшего министра Г. И. статс-секретаря П. А. Валуева. Об этом сенатор Ковалевский докладывает,так— он говорит, что «статс-секретарь Валуев предложил генерал-ад'ютанту Крыжановскому распоряжаться по своему усмотрению 3—4 участками в Оренбургской губернии и 2-3 участками в Уфимской, распределение же остальных участков представить его личному усмотрению» «окончательные же «цены» на участки определялись, согласно состоявшемуся соглашению, исключительно по указанию генерал-губернатора или по усмотрению министра, смотря по тому, к числу кандидатов того или другого принадлежало лицо, которому участок предназначался» (из доклада Ковалевского).

Таким образом, официальным соглашением двух главных исполнителей закона 4-го июня 1871 года (т. е. закона о дворянизации башкирских лесов и земель), было признано возможным квалифицировать продажу «льготных участков» исключительно как средство награждения служащих[3]), так оно и было сделано. Поэтому так называемые и покупные цены еле-еле превышали организационные расходы по захвату башкирских земель. При ближайшем рассмотрении всего дела льготной продажи отобранной башкирской земли при помощи военно-полицейской силы министр государственных имуществ и генерал-губернатор не придерживались даже избранной ими цели. В числе лиц, получивших льготные участки, встречается масса лиц, вовсе не состоявших на службе государства класса крепостников и лица женского пола. Так, между прочим, получила большой участок вдова майора Ивашенцева и мировой посредник Виленской губернии Климов.

Кроме распределения отобранных земель между чинами на государственной службе, были пожалованы и их родственники.

---

[1]) Доклад сенатора Ковалевского.
[2]) Там же.
[3]) Там же.

Особенное влияние родственные связи оказали на отвод участков семейству и родственникам генерал-губернатора. В числе лиц, получивших участки по представлению генерал-ад'ютанта Крыжановского, оказывается, 7 родственников его, которым «продано» было 8864 десятины за 15246 руб., имевших первоначальную оценку (конечно и тогда пониженную. Ш. Т.), в 45700 рублей, как это видно из приложенной ведомости. Понижение оценки некоторых из этих участков доходит до весьма значительных размеров. Так, сыну генерал-ад'ютанта Крыжановского продано за 2720 рублей участок, имевший первоначальную оценку в 10.451 рубль (и это было льготной ценой. Ш. Т.), несмотря на то, что участок этот образован из лучших земель в 30 верстах от г. Уфы.

Из той же дачи продан зятю генерал-ад'ютанта Крыжановского, полковнику Леонтьеву, участок за 3.466 руб. с понижением первоначальной оценки (15.180 руб.), более, нежели на 75 процентов. Родной брат генерал-губернатора, генерал-майор Крыжановский, получил участок за 3404 руб., оцененный первоначально в 9.375 руб. Дочь генерал-ад'ютанта Крыжановского, жена штаб-ротмистра Римского-Корсакова самостоятельно приобрела с разрешения министра государственных имуществ на льготных условиях участок, площадью в 1711 десятин в Оренбургском уезде, который она впоследствии переменила на участок «Курский» Стерлитамакского уезда в 1744 десятины. Независимо от сего муж ее, полковник Леонтьев, переуступил ей свой участок. Чтобы судить о действительной стоимости участков, полученных родственниками генерал-ад'ютанта Крыжановского, достаточно указать на то, что при залоге трех из них площадью в 4607 десятин, владельцам выдана была ссуда в 31000 руб., что при низкой банковой оценке представляется стоимость их не менее 60000 рублей. Все это примет еще большее значение, если принять в соображение, что генерал-ад'ютант Крыжановский еще в 1875 году (за решительное проведение политики дворянизации. Ш. Т.), удостоился получить во всемилостивейшее пожалование участок земли в 6293 десятины, образованной из числа лучших... лесных дач...»[1]).

Дальше, вследствие выше изложенного указа о лесных дачах, раньше отобранные от башкир, ныне числящиеся «казенными» самые лучшие лесные дачи и оброчные статьи при них в количестве 10.500 десятин «проданы» были на льготных условиях семи лицам по избранию генерал-губернатора.

В числе этих семи лиц получили участки: управляющий государственными имуществами Уфимской и Оренбургской губернии Ивашенцев; управляющий канцелярией Оренбургского генерал-губернатора, тайный советник Холодовский и управляющий временным отделом министерства тайный советник Климов, в ведении которого производились все дела о льготной продаже земель[2]). При чем из числа этих семи участков пространством в 10.507 десятин, только пять пространством в 8.021 десятину, «купленные» через казну за 24.995 рублей, перепроданы и заложены в банках в сумме 108.818 рублей. Сумма эта, конечно, говорит,—далеко ниже действительной стоимости их, так-как земельные банки по уставам своим выдают не полную оценочную сумму, а лишь половину..., в Уфимской же губернии они оценивают земли с особенной осторожностью в виду шаткости в этой губернии земельных отношений».

Вот вам картина дворянизации, производимой на основании закона 4-го июня 1871 года. В докладе дворянского сенатора Ковалевского

---

[1]) Доклад сенатора Ковалевского.
[2]) Там же.

иллюстрируются лишь единичные факты. Их было по существу больше. Захват земель производился при помощи усиления военно-полицейских отрядов. Об этом свидетельствуют разгулявшиеся тогда эскадроны конных полицейских в районе кудейских башкир.

Многие либеральные буржуазные историки стараются представить захват башкирских земель вне вмешательства верховной власти и монарха. Также они не стеснялись приписать башкирским «бунтам» религиозную окраску. Будто бы башкиры выступают против христианства, против русского населения. Вся грабительская политика была подкрашена черносотенным национализмом русского великодержавного шовинизма, делалось все под предлогом успокоения «бунтующего народа» и под флагом обезопасения русской церкви. Представители класса крепостников использовали все, что давалось им для прикрытия своих грабительских предприятий.

«Новоявленное» дворянство и ростовщики распределяли между собою не только вновь отобранные башкирские общинные земли, но и забрали предназначенные «национальные фонды» для малоземельных вотчинных и припущенных башкир и т. д.

Предназначенные им земли расхватили генералы, полковники, графы, мировые посредники, приставы, их родственники и чиновники всех рангов, усердно служившие государству класса крепостников.

Одной рукой от имени казны отбирали башкирские общинные земли, а другой рукой писали ходатайства передать их генерал-лейтенантам, генерал-ад'ютантам, фон-Кауфманам и т. д. и т. п. Каких только ходатаев не знает история. Мы хотим проиллюстрировать один вид ходатаев. 24-го апреля 1878 года бывший министр государственных имуществ статс-секретарь граф Валуев представил на «высочайшее его императорского величества» усмотрение всеподданейшее ходатайство следующего содержания:

«На основании высочайше утвержденного 4-го июня 1871 года положения комитета министров, в губерниях Уфимской и Оренбургской образуются участки для продажи на установленных сим положением льготах. Большинство образованных уже на этом основании участков проданы..., а некоторым лицам по особым высочайшим вашего императорского величества повелениям, представленным из тех же земель участки в увеличенном размере и бесплатно, в виде всемилостивейшего пожалования, а именно—генерал-ад'ютантам: Крыжановскому, Фон-Кауфману 1-му, Непокойницкому, Баум-Гартену и генерал-лейтенанту Леонтьеву, первым трем по 6 тысяч десятин, а последним по 4 тысячи десятин каждому». «Ныне товарищ министра государственных имуществ, статс-секретарь вашего императорского величества, тайный советник князь Ливен ходатайствует о предоставлении ему приобрести в Оренбургском крае участок земли в увеличенном размере. Министр государственных имуществ полагал бы предоставить статс-секретарю князю Ливену проектированный для продажи Афанасовско-Башкитлярский участок в количестве 3584 десятин 900 сажен удобной земли в Мензелинском уезде, Уфимской губернии, оцененный в 12 тысяч рублей. Всеподданнейше докладывая о вышеизложенном, министр государственных имуществ имеет счастье испрашивать высочайшее повеление: благоугодно-ли будет вышему императорскому величеству разрешить предоставить статс-секретарю князю Ливену в продажу по правилам 4-го июня 1871 года или удостоить статс-секретаря князя Ливена назначением ему этих участков во всемилостивейшее пожалование с тем, чтобы согласно высочайшему повелению 3 января 1877 года о пожаловании земли генерал-

ад'ютантам Крыжановскому, Фон-Кауфману 1-му, Непокойницкому, участок Афанасовско-Башкитлярский ныне же был продан во владение статс-секретаря князя Ливена, с донесением о сем правительствующему сенату для зависящего со стороны его распоряжения к формальному отмежеванию этой земли во владение князя Ливена. «На подлинном рукою г. министра написано «государь император высочайше соизволил на пожалование» — С.-Петербург, 24 апреля 1878 г.» [1]).

Нужно полагать, что генерал-ад'ютантам, генерал-лейтенантам полковникам, генерал-майорам, министрам земли пожалованы за успешные действия против сопротивлявшихся башкирских крестьян. В этот раз башкиры не могли свое сопротивление превратить во всеобщее национальное восстание в силу того, что они были в то время раз'единены на отдельные дачи по родовому признаку, и в самом башкирском народе образовался дворянизированный слой из кантональных чинов и войсковых руководителей за время с 1780-х годов до 1870-х годов. Недаром этот период называется «башкирским разорением».

Этот период свою тяжесть запечатлел и в народных песнях «разорение».

Вся эта колониальная политика царского правительства, приведшая к дворянизации башкирской общинной земли, не уступает грабежам английских, французских и т. д. колониальных грабителей. Недаром Ленин ее характеризует как грабеж немцев Африки. Он пишет, что «как колонизаторы сводили корабельные леса и превращали очищенные от башкир поля в «пшеничные фабрики». Это такой кусочек колониальной политики, который выдержит с какими угодно подвигами немцев в какой-нибудь Африке». (Ленин, том III, ст. 194).

ГЛАВА X.

Развитие промышленного капитализма и рабочее движение в дореволюционной Башкирии.

Указ дворянского правительства от 11 февраля 1736 года, разрешая свободное приобретение башкирских земель и дач, имеющих в своих недрах руды, действительно знаменует собой начало колонизации Башкирии. Поддерживаемые правительством и прельщаемые выгодностью предприятия, «энергичные дельцы»—торговцы, промышленники из соседних областей России устремлялись на почти даровые земельные дачные участки с богатыми лесами и рудами, уже известные под названием «Чудских копей». В годы, непосредственно следующие за изданием указа, начинают множиться русские горные заводы, история первоначального возникновения которых связана с именем купцов, в частности, купца Ивана Твердышева и его компанионов Мясникова и Маслова. Потерпев неудачи от ведения горно-заводского дела хозяйственным способом, само правительство и в частности берг-коллегия (орган ведающий горной промышленностью), решили обратиться к частной инициативе. Первым предпринимателем, из'явившим желание взяться за это дело и явился Твердышев, наживший себе капитал поставкой мяса и фуража для колониза-

[1]) См. всеподданнейший доклад сенатора Ковалевского.

ционной армии русского дворянского правительства. В 1744 г. Твердышеву передается Шильвинский завод, построенный в 1734 г. правительством, ность применять свой труд в с. х., после конфликтов уходили в деревни, так-что заводской администрации бороться с ними было трудно. Поэтому, армии русского дворянского правительства. В 1744 году Твердышеву передается Шильвинский завод, построенный в 1734 г. правительством, в 1745 году передается Воскресенский завод, построенный в 1737 году. Затем возникают один за другим заводы: Преображенский (в 1748 г.), Архангельский (1753 г.), Катав-Ивановский (1755 г.), Усть-Катавский (1758 г.), Юрюзанский (1771 г.) и т. д. Уже к 1770-м гг. на территории бывш. Уфимской губернии действовало 28 заводов, в том числе 15 медных и 13 железных с крепостными и беглыми крестьянами около 20-ти тысяч (беглые крестьяне прикреплялись к заводоуправлению как рабы).

Первоначально для работ на заводах привлекались больше башкиры, но дело с ними вследствие частых конфликтов на почве рабской эксплоатации заводской администрацией не ладилось. Башкиры, имея возможность применять свой труд с. х., после конфликтов уходили в деревни, так-что заводской администрации бороться с ними было трудно. Поэтому, капиталисты стали прибегать к услугам беглецов и раскольников — изгнанных властью из центральной России. Заводы ширились. Роскошные особняки капиталистов стали выделяться среди холопских домов. По ходатайству некоторых владельцев, берг-коллегия перед началом Пугачевского и Салаватского движения разрешила возводить валы вокруг заводов и имений хозяев-капиталистов. Но разрешение не было использовано. Заводчики видели, что крепости могут держаться только при условии верности гарнизона (полукрепостных рабочих), на что они не могли рассчитывать, т.-к. рабочий труд, хищническая эксплоатация и издевательства горно-заводчиков раз'единили русских полукрепостных рабочих, и они смотрели на хозяев, как на своих непосредственных врагов.

Поощряя развитие торгово-промышленного капитализма, местные наместники императора предоставили ряд льгот и привилегий дворянам, купцам, способствовавшим промышленному развитию на южном Приуралье. Для организации заводов купцам было разрешено отбирать имения башкирские и населенные беглыми русскими крестьянами и переводить тех на заводы. Крестьяне, приписавшиеся к заводу, освобождались от податных повинностей.

Горно-заводское строительство развивалось усиленным темпом.

Со второй половины XVIII-го столетия (после укрепления владычества русско-дворянского государства), начинается, таким образом, неуклонное развитие промышленного и торгового капитализма в дореволюционной Башкирии.

Уже во второй половине XIX века, мы имеем полное развертывание капиталистических отношений в хозяйственном развитии дореволюционной Башкирии. Так, к 1881—2 гг. данные дают такую картину:

В 1882 году фабрик и заводов действовало 211, в том числе чугуноплавильных и железоделательных заводов, с оружейными и сталелитейными фабриками — 11; сумма производительности их простиралась до 3.494.465 руб. Медеплавильных заводов было — 6: Богоявленский, Верхоторский, Архангельский, Воскресенский и Благовещенский. Эти заводы, кроме Благовещенского, находились в восточной части губернии, богатой лесом.

В этом же году на означенных заводах выплавлено меди:

На Архангельском	2913	пуд. 18	фун.
« Воскресенском	10044	« 36	«
« Богоявленском	7962	« 6	«
« Верхоторском	8262	« 28	«
« Благовещенском	4915	« 23	«
ВСЕГО:	34111	пуд. 31	фун.

Остальная фабричная и заводская промышленность была весьма слабо развита и почти исключительно служила для удовлетворения потребности местного населения. Производительность ее в 1882 году простиралась до 1.807.226 рублей.

На всех же фабриках и заводах, обделывающих животные, растительные и ископаемые продукты, общая сумма производительности в 1882 г. составляла 5.706.984 р. 24 коп. Рабочие, занятые в производстве, составляли 10218 человек.

Последние годы XIX столетия на территории дореволюционной Башкирии (бывш. Уфимской губернии) проходят под знаком еще большего развертывания промышленности и роста капиталистических накоплений. Показателем еще большего роста промышленного капитала у нас могут служить цифры за 1893 и 1894 гг.

Уже в 1893 г. заводов, фабрик и других промышленных заведений с паровыми двигателями на территории губернии насчитывалось 113, а в 1894 году уже 147 [1]). Число занятых рабочих в промышленности в 1894 г. достигает 25.553 чел. или на 1338 чел. больше против 1893 г. Выпуск продукции в ценностном выражении в 1894 г. достиг суммы 7.898.664 р. Пять видов промышленности: чугунно-плавильная, железоделательная, винокуренная, кожевенная и мыловаренная в этом году против предыдущего выработали продукции на 500.719 рублей больше, что к общей ценности продукции всей промышленности составляет почти 7 проц. Рост же числа рабочих выразился только в 5,5 проц. Капиталисты получали большие прибыли за счет усиления эксплоатации рабочего класса [2]).

Вместе с тем классовое самосознание пролетариата в дореволюционной Башкирии и вообще в Приуралье продолжало расти. От разговоров о дровах и «положении» [3]) начали переходить к обсуждению общего экономического положения — о зарплате, рабочем дне и т. д. Одиночки пропагандисты все больше разжигали классовый огонь, подыскивали подходящие моменты для усиления антагонизма между рабочими и капиталистами, подготовляли рабочих к классовой схватке.

В эти же годы начинается рабочее движение и в центре губернии, в Уфе.

В 1900 и 1901 годах наибольшая активность в рабочем движении имела место на заводах: Усть-Катавском, Катавском и Юрюзанском. Первый конфликт в Усть-Катавском заводе произошел в начале 1900 года на почве ухудшения условий труда и оплаты в пудлинговом цехе. По сведениям жандармского архива явствует, что конфликт закончился в пользу заводовладельцев. Рабочие, оставшись крайне возбужденными, пообещали с наступлением тепла бросить работу и заставить заводчиков повысить зарплату в таком размере, какой компенсирует их потери за зиму.

---

[1]) С непаровыми двигателями сюда не входят.

[2]) Гуран. „Рабочее движение за 70 лет в бывш. Уф. губ.".

[3]) „Положение 1861 г. о горно-заводск. т-вах" лишало рабочих даже тех минимальных прав, которые дало царское правительство. Например: дорожную повинность за рабочих должна была платить казна и хозяева, а заставляли платить самих рабочих; или расчетные книжки согласно „положения" должны были выдаваться бесплатно, на деле же за них взимали гривенники.

Насколько правы были рабочие Усть-Катава в своих требованиях, можно судить по ходатайству жандармского ротмистра, который писал по начальству:

«Необходимо было бы, в видах предотвращения в будущем беспорядков, побудить заводоуправление снова обсудить этот вопрос с тем, чтобы закрепить за собой рабочих на сходных для них условиях».

Но капиталисты не только не улучшили положение рабочих, а, напротив, сдавили петлю еще туже.

В начале 1901 года новые хозяева Усть-Катавского завода, в лице Уфимского горно-промышленного общества, взялись за самую бесцеремонную эксплоатацию.

Началом наступления капиталистов нужно считать приглашение на завод мастеровых с других заводов, которых наглым образом обманули Пообещав высокую плату, хозяева, при прибытии рабочих, предложили им работать за 75 проц. той платы, которую приехавшие получали на прежних местах. Рабочие запротестовали, но сделать ничего не могли, не могли и возвратиться назад, поскольку за дорогу израсходовали все, что имели.

Не ограничившись этим, капиталисты повели на заводе дальнейшее наступление, вывесив в конце июля об'явление о сбавке расценок с 1-го сентября. Снижение, например, по железу превысило 50 проц. Рабочие местные и приехавшие решили дать фабрикантам соответствующий отпор: было постановлено недели за две до 1 сентября (день снижения расценок) коллективно заявить расчет. Но события опередили их. 10 августа забастовали литейщики. Причиной стачки послужило то обстоятельство, что заводовладельцы начали давать старым мастерам работу, которую ранее выполняли ученики. Расценки на эти работы были настолько мизерными, что рабочие с большим трудом вырабатывали ничтожную поденную плату.

11 августа они, собравшись на одной из окрестных гор, решили бастовать до 16 августа, а там об'явить расчет, если требования не будут удовлетворены.

В понедельник 13 августа на заводе появились окружной горный инженер Кихлер и исправник, с целью сорвать стачку. Исправник, пообещав вначале «замуровать стачечников в каменные стены», после начал «убеждать» литейщиков не предпринимать ничего сообща, а действовать в одиночку, не прекращая при этом работ».

Угрозы и уговоры подействовали на литейщиков и многие из них со вторника вышли на работу. Владельцам это было на руку — они мало того, что уволили 11 человек наиболее активных стачечников, но и понизили расценки еще.

Глядя на соседей, администрация Катав-Ивановского завода тоже решила поприжать рабочих, но осеклась,—12 июня 1901 г. она приказала открыть ящик с контрольными номерами не за 5 минут до свистка «на шабаш», а после. Рабочие механического, котельного и кузнечного цехов запротестовали, отказавшись брать номера, чем и заставили заводоуправление отменить это нововведение.

Позднее, в сентябре месяце, в рельсово-отделочном цехе того же завода была вывешена новая «попудная» расценка на работы, вместо «поштучной», что снижало заработок рабочих. Рабочие, в числе 120 человек, тотчас же бросили работу и ушли. Попробовало было заводоуправление заменить их рабочими других цехов, но ничего не вышло и расценки были оставлены прежние.[1]).

[1]) См. Гуран „Раб. движ. за 70 лет в б. Уфимск. губ.“.

Не отставал в смысле под'ема рабочего движения и третий завод катавской группы — Юрюзанский. 17 апреля 1901 года рабочие сварочного цеха заявили протест против двухсменной работы и потребовали ввести третью смену, предварительно прекратив работу. Расчет стачечников на поддержку других цехов не оправдался, т.-к. остальные рабочие завода, благодаря неорганизованности, остались безучастными. Стачка, таким образом, была сорвана.

Следя за событиями на своем и соседних заводах, рабочие в эти годы начали понимать, что чем организованнее пролетарские ряды, тем больше шансов на победы, поэтому-то в конце 1901 г. они начинают действовать сообща. Борьба с введением новых контрольных номеров может служить наглядным примером.

В ноябре месяце 1901 года новые владельцы катавских заводов «Бельгийская компания» установили новый способ контроля над рабочими. Каждый рабочий был снабжен двумя номерами, из которых один он должен был сдавать табельщику, а другой носить на груди. Цель нововведения сводилась к тому, чтобы администрация могла ловить рабочих, когда они по личным делам выходят за пределы своего цеха (номера для каждого цеха были установлены особые).

При выдаче знаков, администрацией было об'явлено, что за снятие номера с груди, за самовольные отлучки из цеха рабочий будет подвергаться жестокому штрафу, по усмотрению управляющего.

Вскоре же после выдачи номеров рабочие поняли, что невинные на вид номерки обходятся им в копеечку, ибо за каждую незначительную отлучку администрация чувствительно штрафовала. Это-то и навело катавцев на мысль использовать введение двойных номерков на заводе Юрюзань, как случай для протеста. В ноябре катавцы обращаются к юрюзанцам с таким предложением:

«Если вы откажитесь брать номера, то мы вас поддержим, бросим свои. Знайте, что в настоящее время мы только и работаем на штрафы». Юрюзанцы согласились и 1 декабря номера не приняли.

Столкнувшись с фактом противодействия рабочих, администрация, отсрочив введение номеров в Юрюзани до 15-го декабря, начинает мобилизовать все черные силы, от жандармов до попа включительно.

В это же время на завод поступила «декларация» «самого» губернатора, который писал, что администрация, вводя номера, поступает правильно и что непринявшие номера не могут расчитывать на поддержку(!) начальства.

После непродолжительного сопротивления юрюзанцы сдались окончательно.

Сломив Юрюзань, заводчики обрушились на катавцев, которые потеряв поддержку вынуждены были сдаться.

Так закончился хорошо начатый организованный протест рабочих. Враг был силен.

Начало 1901 года в Златоусте явилось новым этапом рабочего движения, более организованного и более четкого. Из одиночек-пропагандистов и передовых рабочих начинают организовываться кружки. На златоустовских заводах впервые готовилось массовое празднование Первого Мая. В нашем распоряжении очень мало имеется данных об этом дне, но все же из имеющихся можно судить, что подготовка к маевке прошла не плохо. К этому дню на заводе появились прокламации, описывающие, помимо значения 1 мая, основные задачи рабочего класса и расшифровывающие отдельные факты и события политического характера, имевшие

место на златоустовских и других уральских заводах. Появилась в эти дни и газета «Искра», произведшая на рабочих Златоуста сильное впечатление.

Донесение уездного исправника Климинова на имя жандармского управления гласит:

«Среди рабочих был разговор, что если будут беспорядки в Петербурге, то они произойдут и в Златоусте».

30 апреля рабочие прокатных цехов, категорически заявили, что они 1 мая выходить на работу не намерены. Когда им был поставлен вопрос: по какой причине, они ответили, что празднуют все годовые праздники и царские дни, а теперь хотят устроить и свой собственный праздник. Подобные заявления последовали и со стороны части рабочих механического и снарядного цехов.

Как прошло первое празднование 1 мая, много ли рабочих участвовало, к сожалению, установить не удалось.

Нужно считать, что зарождение «союза социал-демократов и социал-революционеров» в Уфе относится к тому же периоду, когда стали возникать рабочие кружки, которые и явились базой для союза. Исторические данные указывают, что союз с первых же дней существования берет под свое руководство кружки и обслуживает их литературой и пропагандистами.

Через союз в 1900—1901 годах начинают появляться газеты: «Искра», «Революционная Россия», и революционные брошюры.

В мастерских и депо организатором рабочих кружков был Иван Якутов — слесарь сборного цеха, человек с недюжинной волей, с большими организаторскими способностями и правильным классовым чутьем.

Говоря о рабочем движении в Уфимской губернии, нельзя не отметить того обстоятельства, что в Уфе рабочее движение приняло с первых же шагов наиболее правильные и организованные формы. За это говорит хотя бы факт, что одновременно с организацией кружков организуется и рабочая касса, как первичная форма профессиональной организации. Правда, эта касса преимущественно преследовала цели материального обеспечения революционной работы, но она же занималась и оказанием помощи передовым рабочим и их семьям в тех случаях, когда последние оказывались в тяжелом материальном положении.

Рабочая касса помимо материальной пользы, сыграла в то же время большую организующую роль, спаивая и дисциплинируя кружки.

К 1902 году рабочие кружки в железнодорожных мастерских и депо настолько окрепли, что решили организовать массовую маевку за городом. И 18 апреля рабочие в числе 60 человек собрались на берегу реки Белой.

На маевке студент Малышев сделал доклад о значении первомайского праздника, а Тимин отчитался в финансовом состоянии кассы.

Маевка прошла вполне благополучно. Успех ее настолько окрылил рабочих, что они решили повторить и 23 мая под видом катания на лодках, — снова собрались на условленном месте.

На этот раз программа дня ограничилась читкой и обсуждением статьи о бунте крестьян Херсонской и Полтавской губерний, помещенной в одном из номеров «Искры».

Развитие работы способствовало быстрому росту классового самосознания рабочих. У станков начинали все громче и громче раздаваться возгласы недовольства.

«И нужен был только какой-то толчек извне, чтобы массы вспыхнули. Таким толчком в депо ст. Уфа послужила невыплата в срок заработной платы. 22 октября 1902 года деповцы бросили работу. Но бросили не все. Значительная часть рабочих, еще не приобщенная к классовой борьбе, под страхом жандармских угроз, осталась на работе.

«Стачечником пришлось силой заставить их бросить работу. Цеха опустели. Жандармерия и администрация подняли тревогу. А через два дня зарплату выплатили. Успех первой стачки укрепил ряды рабочих»[1]).

Мартовский расстрел рабочих.

«Под'ем рабочего движения, как мы видим из предыдущих фактов, бесспорный. Рост классового самосознания рабочих, рост организованности в пролетарских рядах, — все это не только нервировало буржуазию, а уже вызвало со стороны последней и царского правительства определенное опасение за свое благополучие. Те меры борьбы с нарастающим движением, как-то: аресты, тюрьмы, увольнения и др. уже начинали казаться эксплоататорам, палачам недостаточными. Буржуазия в панике начинала искать какие-то новые приемы расправы над рабочими, рассчитывая одним ударом убить рабочее движение. Поэтому-то расстрел златоустовских рабочих в 1903 г. нельзя рассматривать как внезапное нападение на рабочий класс, как какую-то случайность. Это событие было только очередным звеном борьбы двух классов»,—так пишет тов. Гуран, что является, безусловно, правильным.

Прежде чем говорить о самом факте расстрела, перейдем к описательной части, хотя бы краткой, могущей показать почему и как возник мартовский конфликт, последствием чего был расстрел рабочих.

«В конце января, — пишет т. Гуран, — 1903 г. Управление Златоустовского Горного Округа (Уфимская губ.) об'явило рабочим заводов о том, что оно намерено пересмотреть существующие условия найма и заменить старые расчетные книжки новыми. Рабочие, ознакомившись с книжками, принять их отказались, т.-к. нашли, что они содержали в себе прямое нарушение тех прав, кои были предоставлены горно-заводскому населению законом 1861 г. И действительно, протокол осмотра книжек обоих образцов, а также показания рабочих и секретные донесения полиции прямо указывают на вопиющие нарушения установленных условий найма.

«Изменения в пункте 3 расчетной книжки выразились, например, в том, что была совершенно выпущена следующая ссылка:

«в случае нежелания рабочего производить новые работы — он освобождается от них, с прекращением содержания, сохраняя однако прав свои положением 8 марта предоставленные.

«Кроме того, в этом же пункте предусмотрен новый повод к прекращению контракта, а именно: «с прекращением уже принятых заказов».

« Что это значило?

«Первое изменение означало, что в случае увольнения рабочего, он терял право, как член горно-заводского товарищества, на получение леса, лугов и др. льгот, т.-е. лишался всех средств к существованию.

«Второе же расширяло права администрации при увольнениях.

«Дальше, пункт 6 увеличивал число рабочих дней в году. Если по старым условиям число рабочих дней определялось от 180 до 250, то в новой книжке уже было установлено от 220 до 250 дней.

---

[1]) Гуран. „Рабочее движение за 70 лет в б. Уфимской губернии".

Пункт 11 новой книжки по сути являлся нововведением. Это нововведение было не в пользу рабочих, так-как оно представляло право администрации избегать выплаты пенсий.

Все эти основные нарушения закона 1861 г. и новые дополнения вызвали вполне законный отказ рабочих от получения книжек.

С момента об'явления управления округа вплоть до первых чисел марта, рабочие не переставали говорить и протестовать против новых книжек, но начальство было непреклонно.

И 7-го марта рабочие большого прокатного цеха после продолжительных переговоров поставили вопрос прямо:

— Книжек не примем. Если же будете настаивать, то 10 марта на работу не выйдем.

Администрация же, чувствуя под собой твердую почву (надеялась на губернатора), ответила своим ультиматумом:

— «Если не выйдете, то поденных уволим, а работающих по условию привлечем к ответственности».

Однако, прокатчики не испугались. В назначенное число не явились на работу всем цехом. А около 3 часов дня того же числа толпой в 500 человек пришли к Управлению Округа, где еще раз подтвердили, что книжек не примут.

Вели себя и разошлись стачечники спокойно.

На следующий день рабочие собрались уже в числе 2000 человек и потребовали горного начальника. Тот, явившись, передал толпе распоряжение министерства о том, что рабочим приказано приступить к работам.

— В таком случае мы все с завтрашнего дня не выйдем, — ответили рабочие.

Вечером этого же дня губернатор Богданович, получив телеграмму о «волнениях», начинает действовать; отдает распоряжение нарядить на завод две роты Моршанского баталиона, якобы для охраны имущества и «благомыслящей» части рабочих (из официального сообщения), а затем выезжает в Златоуст сам.

В ночь с 11 на 12 были привезены войска и арестованы два депутата от рабочих. Это обстоятельство сильно взволновало рабочих. Утром 12 они собрались на заводском дворе и, когда появился исправник, обратились к нему с просьбой об освобождении арестованных на поруки всего общества. Исправник заявил, что это от него не зависит:

— Обратитесь к жандармскому ротмистру Долгову.

Председатель попечительного приказа так же отказался исполнить просьбу рабочих о составлении прошения об освобождении арестованных, запретив составлять таковое и своим писцам.

Тогда, руководствуясь указанием исправника, рабочие пошли к ротмистру.

Ротмистр заявил: — «Не могу освободить арестованных, так-как это зависит от губернатора и начальника губернского жандармского управления, которые сейчас должны приехать».

Рабочие, не добившись толку и здесь, пошли на площадь ждать губернатора.

Но, простояв на площади до 4 часов дня, они решили, что их опять обманули и вновь пошли к исправнику. Здесь еще раз повторили просьбу об освобождении арестованных, но уже в более резкой форме. Исправник, струсив, призвал войска. Он думал даже стрелять, но воинский начальник отговорил от этого.

Около 7 часов вечера приехал губернатор с начальником губернского жандармского управления и прокурором. Двое рабочих подали губернатору прошение об отмене новых книжек и освобождении арестованных депутатов на поруки «всего общества», падая при этом ему в ноги. Пала в ноги губернатору и жена арестованного Филимошкина с детьми. Но губернатор отказался разобрать дело, предложив рабочим прислать утром депутатов. Рабочие отказались выбирать, заявляя: «опять арестовать?».

На другое утро рабочие опять сошлись и начали разговоры об освобождении арестованных. Губернатор заявил, что не может сделать этого до разбора дела и потребовал, чтобы рабочие разошлись. Рабочие стояли на своем.

И продолжали шуметь и волноваться.

Губернатор приказал бывшему при нем поручику дать платком сигнал к стрельбе 2 ротам (стоявшим в 150 шагах), а сам скрылся в дом горного начальника. Вслед за ним были втащены туда же три женщины с ребятами, стоявшие около него.

Были даны сигналы на рожке, которые почти не были слышны, да толпа и не понимала их. Рабочие не верили, что в них будут стрелять.

— Разве мы бунтовать пришли, — говорили они.

Словесных предупреждений со стороны ротного командира, командовавшего стрельбой, не было.

Когда раздался первый залп, передние ряды, чтобы спастись, бросились к дверям, вслед за уведенными женщинами, но взвод солдат скрытый в передней горного начальника, в свою очередь, стал стрелять в них сквозь стеклянную дверь. Стоявшая вдали рота продолжала посылать залп за залпом. Стреляли до тех пор, пока на площади никого не осталось, кроме раненых и убитых.

По официальным данным, убитых и умерших от ран было около 50 человек, а раненых преимущественно в спину около 80. Фактически же жертв было гораздо больше, чем указывали жандармы в своих официальных донесениях, так-как раненых рабочих подбирали родственники и прятали их от начальства.

Заводская площадь вся была залита кровью рабочих, начальство в тот же день приказало смыть кровь из пожарных машин, но от этого стало хуже, так-как разбавленная кровь еще ярче закрасила площадь и улицы, которые вели к больницам. Тогда приказали засыпать кровь песком.

Раненых и мертвых возили вместе, как дрова, и путь весь был улит кровью.

Заводская больница была расположена далеко от места расстрела, так-что раненые рабочие при перевозке вместе с трупами испытывали неописуемую боль и физическую и душевную. Товарищ Елагина свидетельствует, что уже вечером, придя в больницу, она слышала как раненые в коридорах молили о том, чтобы их добили.

На второй день начались массовые аресты, продолжавшиеся целые месяцы.

Совершив кровавую расправу над беззащитной толпой, губернатор Богданович начал создавать вокруг дела «общественное мнение». В «Уфимских Ведомостях» появилось официальное сообщение, которое рисовало бойню, как подавление вооруженного (!) восстания златоустовских рабочих. А в акте, составленном по этому поводу, Богданович даже включил пункт, якобы об имевших место выстрелах со стороны толпы, которыми будто бы были ранены помощник исправника Любовицкий и жандармский унтер-офицер.[1]).

[1]) Гуран. „Рабочее движение за 70 лет в б. Уфимск. губ.“.

Но выдуманное обвинение, даже при существующих тогда порядках, должно было разлететься в пух и прах, так-как доказать несуществующее было невозможно. Исправник Любовицкий, выставленный жертвой «восстания» куда-то бесследно ретировался, а рана жандарма оказалась простой царапиной (есть предание, что он, из преданности начальству, сам ее расковырял, которую врач, под сильным давлением прокурора (показания его на суде), вынужден был признать «возможно причиненной пулей». После же на суде этот врач от заключения на предварительном следствии категорически отказался.

Второе обстоятельство, на котором строилось обвинение, якобы установленное «самовооружение одной участницы» событий кинжалом, оказалось курьезом.

— Вязальные спицы купила, с ними и была на площади, — заявила она перед судом.

События показали малосознательной части рабочих, что буржуазия и ее правительство без боя не сдадут ни одной пяди.

В Уфе 1903 год также не прошел спокойно. Еще до златоустовской бойни по поводу годовщины раскрепощения крестьян (в ночь с 18 на 19 февраля) были расклеены прокламации Уфимского и Самарского Комитетов РСДРП, призывавшие к борьбе с самодержавием.

Осведомленная провокаторами полиция сделала в ту же ночь ряд обысков.

В результате обысков был арестован весь актив подполья. Кроме того, 16 человек рабочих были взяты полицией под тайный надзор.

Рабочие поняли, что полиция взяла новый курс, начала применять новые методы в борьбе с движением и стали еще строже конспирировать революционную работу. Однако, это не повлияло на развертывание массовой пропаганды — она своим чередом росла. Листовки и прокламации то-и-дело появлялись на рабочих верстаках.

Вдохновитель расправы над златоустовскими рабочими — Богданович был убит, железняки наметили было, совместно с городскими рабочими, организацию (14 мая) демонстрации, но арест организаторов сорвал ее.

В Обществе Вспоможения Частному Труду предыдущие годы прошли также незаметно, как и раньше. Купцы давали подачки (Скрипов, например, пожертвовал иконы), а приказчики смиренно смотрели. Но события 1903 г. проникли и сюда. В этом году, впервые, здесь раздается голос за улучшение условий труда торговых служащих: общество выносит постановление о поддержке ходатайства уполномоченного одесских приказчиков А. М. Гудвана, касающегося нормировки рабочего дня и установления дней отдыха. Правлению поручается по этому поводу возбудить ходатайство перед правительством.

Хотя это постановление и не увенчалось никаким успехом, но то обстоятельство, что приказчики впервые «одолели» при голосовании членствующее купечество, говорит за многое: оно показывает, что и здесь брожение начиналось.

В 1903 году развертывается впервые работа среди стеклодувов на Богоявленском (ныне Красно-Усольском) заводе. Приехавший туда учитель Крюгер (из Петербурга) начинает раскрывать глаза рабочим на действительность. Он же организует первый кружок из четырех рабочих: Птицина, Ямщикова, Молчанова и Комлева. Кружок собирается на квартире Крюгера, где и прорабатывает марксистские теории.

Позднее, в 1904 году, работа здесь развернулась значительно шире. Приехавшие студенты: братья Кадомцевы Михаил и Эразм, Гутоп, Казармов и Коннов, организуют работу по ознакомлению рабочих с программой классовой борьбы.

Перед грозой всегда бывает затишье. Таким затишьем на территории бывшей Уфимской губернии и был 1904 год.

«Рабочие металлургической промышленности долго не могли притти в себя после златоустовской бойни, а железняки после ряда провокаций, словно чувствуя надвигающиеся грозные дни, ушли в глубокое подполье»[1]).

Но зато перед 1905 годом аграрное движение, направленное против власти крепостников, также стало расти как среди русских, так и среди татаро-башкир.

Например, в Стерлитамакском уезде, крестьяне татары в 1903 году захватили помещичьи земли (дело бывшего Уфимского губерн. Жандармского Управл. № 170) за что руководители — Малик Насыров и Абрахман Ибрагимов были высланы в Вологодскую губернию. В этомже 1903 году в Белебеевском уезде крестьянин деревни Иткуловой Набиулла Каримов был выслан в Калужскую губернию. В Бирском уезде в декабре 1904 года происходило движение с требованием о созыве волостных и губернских совещаний и доверенных лиц от мусульман (тогда татары, башкиры называли себя так) под председательством чиновников уезда и губернаторов для обсуждения вопроса о пересмотре действующих законов о мусульманах, например, закона, который ставил в принципе:

1) «Конечной целью образования всех инородцев, бесспорно должно быть обрусение и их слияние с русским народом» («Положение министра народного просвещения» от 26 марта 1870 года).

2) «Задача инородческой школы состоит кроме «культурного» под'ема инородческого населения, в слиянии его с народом хозяином, разумеется русским, если эта последняя цель не достигается, то и затраты на нее народных средств не оправдывает». (Попечительство Оренбургского Учебного Округа).

В то же время в ряде других уездов происходили захваты земель, порубки лесов, потравы и захваты лугов у помещиков, однако, особенно серьезных размеров движение не приняло.

В 1904 году в Булекей-Кудейском районе башкиры избивали жандармов и пристава.

Движению правительство не дало возможности развиться и приняло экстренные меры к «успокоению». Малочисленный, плохо организованный и в большинстве случаев не башкирский по национальности пролетариат, слабо связанный с башкирской деревней был не в состоянии помочь и увлечь за собой башкирское крестьянство.

ГЛАВА XI.

1905 год и годы реакции.

Недовольство рабочих к началу 1905 года достигло наивысшего напряжения. Непосредственным толчком к выступлению явились события, связанные с 9 января. На события 9 января первые откликнулись минь-

[1]) Гуран. „Рабочее движение за 70 лет в б. Уфимской губернии,

ярцы и рабочие уфимских ж.-д. мастерских. Те и другие тотчас же, по получении сведений о расстреле 9 января царем петербургских рабочих, приступили к сбору средств в пользу вдов и сирот расстрелянных рабочих — братьев по классу. С другой стороны, рабочие начали вести активное наступление на эксплоататоров — своих хозяев.

Железнодорожники (депо Уфа) 15 января, собравшись в числе 100 человек, потребовали от начальника дороги повышения зарплаты и выплаты мобилизационных по примеру сибирских дорог [1]). А первого февраля выступили и рабочие мастерских (Уфа). Они явились к начальнику мастерских инженеру Лопато и пред'явили следующие требования:

1) пересмотреть расценки совместно с выборными от рабочих;

2) ограничить приработок до 100 процентов;

3) ограничить число вечеровок до 3-х в неделю;

4) прием и увольнение производить совместно с выбранными от рабочих;

5) устроить при мастерских приемный покой и усилить снабжение медикаментами железнодорожной аптеки.

Характерным в этих требованиях является то, что железняки первые поставили прямо вопрос о создании института уполномоченных от рабочих.

Были ли эти требования выполнены? Отнюдь нет. Рабочие добились только частичного их выполнения. Администрация держалась упорно и только под жестким давлением пошла на уступки.

Под влиянием повседневных событий в центре и в Уфе, рабочие других районов начинают переходить к наступлению на заводовладельцев. Так, миньярцы заставили своего хозяина Балашева уже в начале 1905 года ввести восьмичасовой рабочий день. Хотя Балашев ввел его за счет сокращения зарплаты рабочих, но рабочим казалось, что это их достижение. Когда же они узнали о действительном сокращении зарплаты, об'явили однодневную забастовку (25 апреля) и заставили хозяина увеличить зарплату на 10 проц.

23 апреля катав-ивановцы также потребовали введения трех смен, т. е. 8-мичасового рабочего дня. Помимо пункта об улучшении экономического положения в их петиции от 3 мая были включены требования уже чисто политического характера. Например, «свобода рабочих союзов и собраний, неприкосновенность личности и жилищ, принимать и увольнять с работы по усмотрению выборных от самих рабочих».

6 мая управление завода телеграфно ответило рабочим на это: «требования рабочих отклонить безусловно и, в случае отказа мастерских от работы, через 3 дня после прекращения работ, закрыть Катав-Ивановский завод, об'явив мастеровым расчет» [2]). 7-го мая, после об'явления управлением ответа, рабочие об'явили забастовку. Доменные печи с металлом были администрацией закупорены, была вызвана воинская часть. Это сильно подействовало на значительную часть рабочих. Под нажимом администрации, рабочие были вынуждены 12 мая встать на работу. Единодушная стачка, в которой участвовало 1657 человек, явилась по литическим уроком для остальных рабочих Южного Урала и Уфимской губернии.

Дальше необходимо отметить 1-е мая этого года в Уфе. В этот день на Чортовом Городище, близ города Уфы, собралось около 500 человек

---

[1]) Самаро-Златоустовская железная дорога тогда была об'явлена на военном положении.

[2]) Гуран. „Рабочее движение за 70 лет в бывш. Уфимской губернии".

железнодорожных рабочих. Они собрались, якобы, на пикник, и организовали митинг. Митингом руководили представители от социал-демократов и эсеров. Полиция, узнав, двинулась туда же. Рабочим об этом было донесено. Поэтому они, чтобы не создать столкновения, в виду отсутствия подготовки к этому, решили организованным порядком, направиться к городу. У кирпичных заводов рабочие колонны встретились с самим губернатором, который возглавлял тоже, так называемое «шествие» из солидной воинской части. Рабочие встретили губернатора криком «кровопиец, долой самодержавие». Губернатор в ответ на это приказал солдатам и полицейским отрядам тут-же ловить рабочих.

В результате было арестовано около 50 человек. В ответ партийная организация — социал-демократы и ее большевистская часть поставила вопрос о забастовке. После предварительного обсуждения в кружке железнодорожных мастерских было решено созвать массовое собрание рабочих для обсуждения создавшегося положения и для дальнейшей борьбы с наместником царской монархии в Уфе. Вскоре, в один из июльских дней, рабочие, собравшись на раз'езд «Воронки» (недалеко от Уфы), единогласно решили об'явить забастовку. На это откликнулись все рабочие мастерских и депо. Днем об'явления забастовки было отмечено 4-е июля. Но основной актив был арестован. Однако, оставшиеся руководители довели дело до конца. 5-го июля в мастерских раздался призыв гудка. По гудку рабочие собрались, тотчас же открылся митинг. В разгар митинга в «сборке» мастерских появилась администрация. Она тотчас же потребовала от рабочих — «какие они имеют требования». «К 12 часам получите наши требования» — заявили руководители рабочих мастерских. В назначенное время требования были вручены, они выражались в следующем:

«1) Восьмичасовой рабочий день.

2) Отмена сверхурочных работ.

3) Увеличить расценки в некоторых цехах на сдельные работы до 35 процентов.

4) Вступительная плата мастеровых всецело должна зависеть от комиссии выборных, добросовестных и знающих эту специальность мастеровых, совместно с администрацией мастерских.

5) Во время болезни рабочих и мастеровых платить им полное поденное жалование с первого же дня болезни.

6) За увечье платить полуторное жалование, во время болезни каждое ранение и увечье должно быть исследовано комиссией совместно с мастеровыми.

7) В мастерских чтобы находились аптечки с небольшими медикаментами и фельдшерами для оказания первой медицинской помощи.

8) Расширить железнодорожное училище, чтобы не было отказа мастеровым и рабочим в поступлении в оное детей их.

9) Ограничить труд малолетних с 15 до 17 лет шестью часами и устроить для них вечерние и праздничные курсы с программой среднеучебного заведения.

10) Отделить от котельного цеха школу учеников (вследствие преждевременного разрушения слуха от производящихся там котельных работ) и назначить им профессиональных руководителей, с соответствующим образовательным цензом.

11) Устроить за счет дороги библиотеку и читальню для мастеровых и рабочих с программой городской публичной библиотеки.

12) Прослужившим один год давать месячный отпуск с сохранением жалования.

13) Заменить некоторых бригадиров выборными до окончания забастовки.

14) Свобода собраний всех мастеровых и рабочих для обсуждения своих нужд в помещениях по указанию администрации мастерских.

15) Третейский суд.

16) Уплата жалования за время забастовки.

17) Чтобы никто не пострадал и не был уволен за забастовку.

18) Ходатайствовать перед г. губернатором о немедленном освобождении арестованных, с 2 по 5 июля сего года, мастеровых.

19) Вежливое обращение администрации с мастеровыми и рабочими».

Такие же требования пред'явили и рабочие депо станции Уфа. Дружное организованное выступление рабочих железняков и поддержка их со стороны рабочих чугунно-литейного завода города вызвало среди представителей дворянской власти и местной буржуазии сильную панику. Во все концы рассылались телеграммы о посылке казаков и жандармов. Уфимское губернское жандармское управление стянуло всех стражников и урядников также и из уездов. Создалось натянутое положение.

Губернатор хотел ослабить движение через запугивание рабочих штыками и силой казаков, но ничего не вышло. Спустя некоторое время в Уфу прибыл начальник дороги и начались переговоры с ним. Рабочие сначала на выполнении всех своих требований стояли упорно, но видя, что добиться этого невозможно, от многих пунктов отказались. Но этот отказ был организованным отказом, поэтому никакой паники не было. Соглашение было заключено на условиях, куда было включено: повышение поденной зарплаты от 10 до 12 коп. и освобождение арестованных руководителей рабочих. Важнейшие требования, в том числе и восьмичасовой рабочий день, не получили удовлетворения. С 11 июля рабочие встали на работу. Нужно отметить, что эта забастовка дала следующие положительные результаты. Она явилась стимулом к усилению рабочего движения в б. Уфимской губернии, по всему восточному участку Самаро-Златоустовской железной дороги и дальше к Челябинску.

1905 год, между июльской забастовкой уфимских железнодорожных рабочих и Октябрем (если не считать забастовки телеграфистов и рабочих златоустовского депо), проходит внешне, как-будто спокойно, но это спокойствие было, конечно, внешним, по существу рабочие готовились к следующим боям. Они организовывались и устанавливали связь с другими рабочими центрами — Самары, Петербурга и прорабатывали новые лозунги подпольной работы, определяющие новые задачи рабочего движения.

Здесь большевистская часть социал-демократической партийной организации показала свою решительность. Она подготовляла рабочих к руководству во всех их активных выступлениях. Руководил и революционный центр. Организаторы центра инструктировали места по вопросу о всеобщей забастовке. Подготовка шла успешно. Уже 11 октября забастовали железнодорожники станций Вязовая, Улу-Теляк, Кропачево, а в ночь с 13 на 14 октября на «Воронках» состоялось массовое собрание, где присутствовало около 1000 человек. Рабочие единогласно решили с утра 14 октября прекратить работу.

Таким образом, на утро 14 октября в мастерских раздался гудок и звон буферных тарелок. Рабочие бросились в сборный цех мастерских, куда собралось около 300 человек. Тотчас-же открылся под председа-

тельством И. Якутова митинг с призывом к активной борьбе с жандармами и капиталистами. Предложенные здесь предложения были приняты единогласно. Мы приводим некоторые из них. Так требовали «введения восьмичасового рабочего дня», «права на организацию профсоюзов», «созыв учредительного собрания»[1]).

Когда происходил митинг, появился губернатор Цехановецкий в сопровождении полициймейстера. Рабочие ему лично пред'явили вышеупомянутые требования, добавив их требованием о разрешении устройства в городе демонстрации.

«Губернатор — пишет Гуран — не обещая ничего по существу пред'явленных требований, дать разрешение на демонстрацию категорически отказался. После этого рабочие решили итти продемонстрировать свою силу без разрешения. Стройной трехтысячной колонной с развернутым красным флагом двинулись рабочие железнодорожных мастерских и депо в город. На углу Центральной и Богородской улиц демонстранты столкнулись с отрядом полиции, возглавляемой полициймейстером. Последний пытался уговорить рабочих разойтись, но ничего не вышло, рабочая колонна двинулась вперед. На углу Достоевской появилась новая преграда — рота солдат с винтовками на перевес. Один из руководителей, поднятый на руках, обратился было к солдатам с речью и призывал их не стрелять в рабочих, но офицер дал приказание горнисту играть сигнал. Рожок заиграл, затворы щелкнули. Часть бросилась прятаться, а часть, наиболее стойкая, также организованно повернулась и пошла сопровождаемая солдатами обратно и у сада (ныне имени И. Якутова) рабочие разошлись. На следующий день в мастерских было созвано узловое общее собрание, на котором был избран стачечный комитет в числе 25 человек. ....В этот же день начали бастовать рабочие и служащие города. Забастовали рабочие мельницы Костерина и завода Гутмана и служащие Губернской Земской Управы, Городской Управы, Городского банка и частных торговых фирм (например, приказчики Вячкилева и др.).

«Волна стачек, так успешно начатая уфимцами, грозным предостережением прокатилась по всей губернии. 15-го же забастовали рабочие златоустовских заводов, за исключением доменных цехов. 19-го началась стачка на Усть-Катавском и Катав-Ивановском заводах, 20-го на Юрюзанском, а несколько дней позднее на Кусинском, Саткинском и других заводах. Почти повсеместно рабочие выставляли лозунги «Долой самодержавие, «Восьмичасовой рабочий день».

Если рабочие выдвигали лозунг «Долой самодержавие», то черная сотня вопила о своем «бей крамолу и жидов». В эти дни была создана вооруженная боевая дружина из разных человеческих отбросов — лавочников, обитателей толчка и других элементов, близких по духу монархическому строю. Организация черносотенцев возглавлялась Уфимским губернским жандармским управлением и попом Семеновской церкви Афанасьевым. Накануне об'явления манифеста 17 октября 1905 года черносотенцы-погромщики собрались у Семеновской церкви на молебен, где поп перед приведением собравшихся к присяге «вере, царю и отечеству» произнес зажигательную черносотенную речь, которую закончил призывом «убивай врага». Черносотенцы, получившие благословение со стороны «духовного отца» и чувствуя благоволение губернского жандармского управления стали еще сильнее развивать свою кровавую работу. Помимо агитации в пользу царя, занялись уничтожением случайно

[1]) Гуран. „Рабочее движение за 70 лет в бывшей Уфимской губернии".

попадавших жертв. Были случаи, когда убивали студентов, носящих студенческую форму, считая их за революционеров. Участвовали и возглавляли погромные манифестации и даже задались целью уничтожить весь уфимский актив революции. Но этого им не удалось. 22-го октября стачечным комитетом была получена директива от дорожного забастовочного комитета о прекращении стачки и о переходе явочным порядком на восьмичасовой рабочий день. Уфимцы на следующий же день приступили к работам, оставаясь в то же время готовыми к любым событиям.

«Октябрьская забастовка помимо восьмичасового рабочего дня и незначительного повышения зарплаты сделала нечто большее в политическом отношении. Во-первых, рабочие использовав также и манифест от 17 октября добились освобождения ранее арестованных передовиков. Во-вторых, в умах сознательной части железнодорожных рабочих крепко засела идея борьбы с самодержавием и, в третьих, рабочие организации в те дни значительно окрепли»[1]).

В эти дни рабочие Богоявленского (ныне Красноусольского) стекольного завода усилили свою организованность. Создали кружок, куда вступали новые и новые рабочие, устанавливали связь с передовыми рабочими г. Уфы, стали получать политическую литературу, прокламации, распространяли идеи борьбы с самодержавием среди окружающего населения. Вместе с тем стеклодувы открыли свой первый клуб и организовали кассу взаимопомощи.

Также началось массовое движение и среди рабочих полиграфической промышленности в Уфе. После об'явления манифеста 17 октября 1905 года полиграфисты вышли на демонстрацию первыми. В эти же дни они взялись за организацию своего профсоюза, но губернатор не утвердил их устава. Рабочие полиграфисты на это ответили непродолжительной стачкой. 9 ноября в связи с получением сведений о присуждении к смертной казни инженера Соколова за участие в революционном движении, помощник начальника мастерских Петров не выдержал и обратился к рабочим с призывом ответить на это наглое убийство забастовкой. Случай был использован руководителями уфимских рабочих Якутовым и Мавринским и в мастерских снова оживилось движение, что вылилось в новую забастовку.

Здесь экономических требований не было совершенно, исключительно политические лозунги, направленные против существующего строя. После этой забастовки началась серьезная подготовка рабочих к вооруженной борьбе. Комплектовались боевые дружины, спешно готовилось оружие. Кто делал кинжал, кто точил оболочку для бомб, а некоторые рабочие были заняты снабжением револьверами и другими видами оружия.

Наступил декабрь. Положение еще больше сгущалось, дни стали более тревожными. В городе появились казаки. Стачечный комитет, организованный еще в октябре, фактически продолжал не только существовать, но и готовить очередную более мощную стачку, что было известно охранникам Уфимского губернского жандармского управления.

По получении указания о начале стачки, рабочие железнодорожных мастерских и депо с рабочими завода Гутман выступили тотчас же на улицу и прекратили 7-го декабря работу. Помимо экономических требований, забастовавшие рабочие стали требовать освобождения арестованных активистов рабочих и вывода из города казаков.

8-го декабря забастовавшие решили созвать на следующий день об'единенный митинг всех рабочих как железнодорожных, так и городских

---

[1]) Гуран. „Рабочее движение за 70 лет в бывшей Уфимской губернии".

рабочих и служащих. 9-го декабря рано утром, по гудку мастерских рабочие собрались в сборочный цех. Во время митинга привели в цех начальника станции Белова, так-как он призывал проезжавших солдат «расправиться с забастовщиками». Вслед за Беловым туда же притащили коменданта станции с жандармом. Рабочие, в целях обеспечения возможности продолжения митинга, всех троих арестовали и посадили под охрану своих вооруженных дружинников. Но почти тотчас-же после их ареста к проходной мастерских подошла рота солдат, отряд жандармов и сотня казаков. Старший офицер стал требовать освобождения арестованных чиновников дороги. Дружинники, зная, что на них все равно нападут, отказались от освобождения, а Иван Якутов поднялся и обратился к солдатам с призывом не поднимать оружия на рабочих. Офицер приказал занимать проходную. «Не ходите, крикнул Якутов, бросим бомбу». Но солдаты по команде своего офицера с винтовками на перевес пошли вперед. Тогда в ряды полетели одна, затем другая бомбы. Взрыв навел панику, солдаты в беспорядке подались назад, а казаки спешились, залегли в канавы, и по сборному цеху мастерских началась стрельба. Рабочие, видя, что вся эта история может закончиться плохо, бросились через калитки забора в разные стороны. Некоторые побежали в лес за Белую, но их нагнали казаки и частью выпороли, а частью перестреляли. Черносотенцы в этой расправе показали себя полностью, появилось лицо кулацко-торгашеского зверя, они выдавали рабочих, хотя бы сколько-нибудь причастных к движению. Начались массовые аресты.

Учительство в этом году также проявляло некоторую активность. Хотя они не выступали решительно против существующего строя, но все же были втянуты в политические события, в общее освободительное движение. Чуваши педагоги организовали свой местный профессиональный союз, а учителя белебеевцы созвали первый учительский с'езд. Последний не только открыто обсуждал свои нужды, свою роль в революционных событиях, но и избрал первый руководящий орган, который должен был вести борьбу за свой союз. Но вследствие усиления реакции этот орган самоликвидировался.

В конце 1905 года рабочие татаро-башкиры (хотя число их было небольшое) принимали активное участие в стачечном движении. После революции 1905 года под влиянием всех вышеизложенных событий в Оренбурге стала издаваться подпольная социал-демократическая рабочая газета с большевистским уклоном «Урал» на татарском языке (вышло до 40 номеров). В 1906 году были выпущены листовки к башкирскому и татарскому населению о 1-й Государственной Думе, разоблачающие политику помещичьего и капиталистического правительства, с призывом к сплоченной борьбе. Но, вследствие отсталости рабочих, их крестьянской психологии и влияния тогда духовенства, движение вскоре замирает.

Крестьянство в первой революции.

Революционное движение, широкой волной прокатившееся по заводам, расположенным на территории б. Уфимской губернии, вполне естественно должно было найти отклик среди крестьянства. «Башкирская часть его, находясь под двойным гнетом — национальным и капиталистическо-помещичьим, никак не могло пребывать в благодушном настроении, как это изображали писаки дореволюционных времен типа А. А. Гуляева.

В своей кн. «Уфа в прошлом и настоящем» изд. 1914 г., где он пишет: «Край умиротворен. Туземное население осело и приобщилось к общей гражданской жизни государства (?! С. К.). В резко-племенном составе страны исчезли даже и следы племенной розни» [1]). Это слащавое сюсюкание не стоит и ломаного гроша. Всякому мало-мальски сведущему человеку в достаточной степени ясно, до каких наглостей договорился Гуляев выполняя «социальный» заказ. Многолетние обманы, насилия, издевательства не прошли даром русской и башкиро-татарской буржуазии. Материалы из дел Уфимского Губернского Жандармского Управления свидетельствуют о большом под'еме крестьянского движения. И как бы ни хотел С. Атнагулов (см. его книгу «Башкирия» изд. ГИЗ 1925 г.) умалить его значение, изобразить в виде «трехдневной свободы» и отдать исключительно в лапы эсеров—этого сделать не удастся. Из дела Уфимского Губернского Жандармского Управления за 1905—1908 г. г. (см. стр. 52) видно, что, например, крестьянские выступления в б. Стерлитамакском уезде не обошлись без руководства большевиков. Бойкотирование выборов в Государственную Думу в Дедовской волости, руководство этим выступлением и прочими аграрными волнениями агитаторами, выделенными комитетом,—красноречивые факты большевистского влияния. Это—с одной стороны. С другой — массовое движение башкир в Асяновской, Ельдякской, Московской и Верхне-Татышлинской волостях, Бирского кантона, аграрные беспорядки в них же, а так же в ряде волостей Белебеевского, Мензелинского, Уфимского и Златоустовского уездов, никак не свидетельствуют о том, что «край умиротворен».

«Параллельно выступлениям башкирской части крестьянства, мы имеем налицо факты выступлений русского крестьянства. Так, в деревне Максимовке, в селе Богородском, Богородской волости, Уфимского уезда, выступали агитаторы на сельских сходах, а крестьяне села Богородского были даже связаны с уфимскими социал-демократами. В Белебеевском уезде по деревням, среди крестьянства, были распространены прокламации и нелегальные брошюры. Особенно острый характер носили выступления крестьян Мензелинского уезда, где в Старо-Кашировской, Ново-Спасской и Троицкой волостях, крестьянство громило помещичьи усадьбы, захватывало луга, отбирало хлеб, рубило лес и даже разграмливало часовни.

«В Златоустовском уезде сельские сходы (что видно из дел Казанской судебной палаты) превращались в политические митинги.

«В Стерлитамакском уезде, Инзерской волости, с. Валентиновке, крестьянство под руководством учителя вело усиленную борьбу за отбор церковных земель и против произвола, за что учитель был впоследствии посажен в одиночку уфимской крепости» [2]).

А сколько еще невыявленных фактов стихийных выступлений и беззаветного героизма в крестьянских выступлениях. Здесь нельзя обойти молчанием характерный момент,— при расправах царское правительство всегда отыгрывалось на бедноте; порки, издевательства всей тяжестью падали на нее.

Какие выводы напрашиваются в результате приведенных фактов. Прежде всего: 1) крестьянские волнения следовали вслед за выступлением рабочих предприятий б. Уфимской губернии, 2) руководство в некоторых местах принадлежало большевистски настроенным агитаторам и

---

[1]) Стр. 86 и 87.
[2]) Ст. С. Л. Кирьянова.

даже представителям большевистских комитетов, 3) национально-освободительное движение, традиции Салавата еще были живы в значительной массе башкирского населения, 4) выступления не были между собой связаны и не имели общего руководства и в основной массе были проникнуты мелко-собственническими, мелко-буржуазными настроениями.

Все вместе взятое подтверждает необходимость «поддерживать и подталкивать крестьянство вплоть до всяких отнятий какой угодно «священной» барской собственности», поскольку это крестьянство выступает революционно-демократическим...»,— говорил тогда Ленин.

«У р а л ь ц ы».

1905 год также создал политические группы среди татарских и башкирских рабочих.

В виду того, что вся жизнь татарских и башкирских рабочих была связана с русскими рабочими, то и все движение их шло вместе.

Вместе с ними бросали работу и совместно под руководством социал-демократической партии большевиков вели борьбу против царя и буржуазии.

Поэтому среди татарских и башкирских рабочих не создавалось отдельной партии, отдельной организации, а создавались агитаторские группы, распространяющие идеи Российской социал-демократической партии. Ими являются татарские и башкирские социал-демократы, сгруппировавшиеся вокруг газеты «Урал» и получившие название «уральцев». («Уралчелар»). «Уральцы» впервые выбросили среди татар и башкир лозунг: «Рабочие всех стран, соединяйтесь!».

Они через свою газету, на понятном языке для татар и башкир, знакомят рабочих с разными задачами и с политическим миром. Эти группы организуются в Оренбурге, Уфе и Челябинске.

Газета «Урал» выходит под редакцией т. Хусаин Ямашева. Во главе уфимской группы стоят: шапочник Жиганша, слесарь Дауд; а во главе челябинской—Мухаметдинов, работавший в угольной шахте и Исламетдинов.

Таким образом, в 1905 году мы видим стремление к организованности среди татар и башкир.

Социал-демократы проводят свою тактику и действия не только среди рабочих, но распространяют свои идеи и среди крестьян.

На этом, во всяком случае, нужно остановиться.

Татарские социал-демократические рабочие после подавления рабочего восстания в декабре 1905 года распространяют прокламации, адресованные крестьянам от имени уфимского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, имеющего в своем составе многих ленинцев. В них обрисовывается положение крестьян, ясно говорится, что избавление от этой тяжелой жизни может быть лишь через борьбу с царским правительством и, что буржуазия, разделив власть с царем, действует против рабочих и крестьян.

Из нижеследуемой прокламации мы увидим, какой тактики держались татарские социал-демократы рабочие и какие ставили цели.

Вот как они пишут: [1])

«Крестьянству нужна земля. Крестьянам нужна свобода. А кто же даст это крестьянам? Царское правительство? Нет. Делом царского пра

---

[1]) Перевод с татаро-башкирского наречия.

вительства было всегда только угнетение и притеснение этого народа. Царское правительство отрезало самые лучшие земли помещикам. Крестьянам же, как милостыню, оставило очень мало земли.

«Возможно, если крестьяне не имеют земель, то имеют свободу? И этого нет. Все время они живут под игом бояр, дворян, земских начальников, исправников, становых, податных инспекторов и других им подобных чиновников.

«Все, что добыто вами, крестьянами, с большим трудом, отнимается и вырывается царским правительством, дворянами и помещиками. Они с каждым годом обеднячивают народ. Для того, чтобы легче было пить кровь народа, сидя на его шее, они держали его в темноте, опаивали.

«Чем дальше, тем положение народа ухудшалось. Народ обеднел. Зачастил голод. В виду истощения, земля стала плохо рожать. Но крестьянину невозможно удобрять, следить за землей, ибо у него нет денег: все ушло в бездонные карманы царского правительства и дворян.

«Бедность все увеличивалась, голый, голодный, измученный, страдающий и обиженный крестьянский народ восстал. Не стало мочи терпеть больше насилия царского правительства.

«Во многих местах крестьяне поднялись для борьбы с царским правительством. Они не хотят быть рабами в руках чиновников, хотят быть свободными и сами себе хозяевами. Таким образом, они борятся за свободу. Они не хотят быть, как в крепостную эпоху, под властью помещиков и работать на дворян, стоящих над народом. Они хотят работать на себя и также не хотят оставаться в нищете, как прежде.

«Таким образом, они борятся за землю. С каждым днем растет их число. Деревня за деревней, волость за волостью восстают против насилия и обиды. *Присоединяются к городским рабочим, борящимся за народную свободу.*

«*Скоро наступит день разговора (расправы) народа с насильниками.*

«*Народ — это крестьяне и городские рабочие, против них — только богачи, помещики, фабриканты и купцы. Им невозможно победить народ.*

«Они (фабриканты, купцы, помещики) понимают, что если вся власть в государстве из рук царского правительства перейдет в руки народа, над которым очень долгое время сами издевались, то не смогут больше его грабить и обижать. Они, с целью захвата в свои руки большей власти и дачи народу меньшей ее части, спешат придти к соглашению с царским правительством». (Вспомни вышеуказанное заявление партии кадетов и иттифаковцев. *Ш. Т.*).

Еще немногочисленные в 1905 году татарские социал-демократы-рабочие, работая под руководством уфимского комитета, помогают крестьянскому движению и раз'ясняют крестьянам о соглашении буржуазии с царским правительством.

Раскрывая тождественность между борьбой крестьян против царя и помещиков, и между борьбой рабочих против фабрикантов и купцов, раз'ясняют крестьянам, что на одной стороне в этой борьбе стоят фабриканты, купцы, помещики, дворяне и царское правительство, а на другой стороне — рабочие и крестьяне.

Они раскрывают грязные стороны думы и призывают крестьян к борьбе.

В письме на татарском — башкирском же языке, в адрес татаро-башкирских крестьян, они пишут о думе так (которая должна была созваться после поражения первой революции рабочих):

«Они (кучка помещиков, фабрикантов, купцов) вместе с правительством (царем) хотят обмануть народ, поймать его в ловушку. Эта ловушка называется Государственной Думой.

«Враги народа очень умело придумали эту ловушку. Они знают, что нельзя прямо сказать крестьянам и рабочим: «вам нет места в думе». Они боятся того, как бы народ не восстал и не разогнал подобную думу, только поэтому они и проводят выборы от рабочих и крестьян, но эти выборы будут так умелы, что депутатам, крестьянам, ничего нельзя будет делать в думе. Все дела будут в руках помещиков, купцов, фабрикантов и других господ.

«На самом деле, крестьяне, подумайте-ка хорошенько, что они вам дадут «. . . по закону царя избирательные сходы должны быть в 11 губерниях. В этих губерниях можно избрать всего 93 человека. От остальных сорока губерний в Государственной Думе будет всего по одному крестьянину, всего 40 человек; таким образом, ни одному крестьянину свыше 133-х нельзя войти в состав думы.

«А в думе всего будет 412 человек, следовательно там крестьян будет вдвое меньше, чем лиц, избранных богачами, помещиками. От рабочих в думе не будет ни одного человека.

«Крестьяне! Даст ли что-либо хорошее подобная дума? Нет. Там за коны опять будут писать господа, ибо их будет много. Также все решения, принятые думой, прежде чем они будут иметь силу закона, должны получить согласие государственного совета. А в этом совете будут лишь богачи и чиновки. Раз так, то власть остается в руках богачей.

«А вот землю «уважаемые» дворяне никак не дают крестьянам.

«За каждую пядь (шаг) земли сдерут шкуру с мужика. Они наложат на мужика все новые и новые платежи за землю. Этим самым они оставят крестьян без зубов.

«На места, где крестьяне самовольно возьмут земли помещиков, пошлют казаков с нагайками, солдат с винтовками, пушки и пулеметы, всякие стремления к лучшей жизни, к избавлению от рабства, темноты и бедности они затопят в крови крестьян.

«Вот что даст вам Государственная Дума, это есть еще раз издевательство со стороны думы над народом.

«Долой Государственную Думу! Крестьяне! Народ возьмет власть в свои руки от царского правительства лишь тогда, если вы уничтожите насилие царских чиновников; только тогда вы будете с землей и превратитесь в свободных людей.

«Гоните прочь царских чиновников, земских начальников, становых, урядников и стражников! Не исполняйте распоряжений начальства ...

«Крестьяне! Восстаньте с оружием в руках для завоевания своих прав и свободы народа.

«Когда народ, восстав с оружием в руках, сотрет (выметет) с лица земли старые порядки и остатки этих порядков, только тогда соберется свободно избранное от всего народа и устанавливающее основные законы, собрание (учредительное собрание).

«. . .Только тогда вы, крестьяне, выйдете на свободу, только тогда будете и с землей.

«Да здравствует восстание с оружием!»

Это письмо ясно показывает тактику татарских и башкирских рабочих — социал-демократов в конце 1905 года и в начале 1906 года, работавших совместно с уфимскими рабочими, социал-демократами.

Они не поддаются обману думы и (раскрывают) раз'ясняют крестьянам, что дума является грязной вещью. Агитируют против нее среди татарских, башкирских крестьян.

Они требуют народного представительства, основанного на широкой рабоче-крестьянской демократии.

Для достижения этого, призывают сначала крестьян к борьбе против помещиков, дворян и царского правительства.

Ясно говорят о необходимости в этой борьбе единого союза между рабочими и крестьянами.

Они говорят: «Да здравствуют рабочие всего мира!», «Крестьяне! Восстаньте с оружием в руках для отвоевания своих прав и свободы народа!».

«Да здравствует восстание с оружием!».

Таким образом, мы знаем три разветвления политического движения среди татар и башкир.

ПЕРВОЕ: рабочие «уральцы» призывавшие рабочих и крестьян к борьбе против старой власти и работавшие совместно с российскими социал-демократами большевиками, заявляли, что демократическую революцию завершат только рабочие и крестьяне.

ВТОРОЕ: мелкие буржуа «Танчилар» (газ. «Танг»), действовали от имени крестьянского народа. Они заключили дутый «религиозный и культурный союз» с татарскими фабрикантами, торговцами, дворянами и помещиками и боялись призывать к борьбе рабочих и крестьян.

ТРЕТЬЕ: «мусульман иттифаке» (мусульм. союз), являющееся партией татарских дворян, помещиков, торговцев, действовавшая совместно с русской торгово-промышленной буржуазией и с окапитализировавшимися помещиками и дворянами, и принявшая за основу программу русских кадетов.

„Уральцы" [1]) о „мусульманском иттифаке" (мусульманском союзе).

Газета «Урал» на второй странице своего третьего номера пишет следующее:

— «Как народы всего мира, вне зависимости от их религии и нации делятся на классы, также и российские мусульмане делятся на разные классы. Например, у мусульман есть, с одной стороны, помещики и капиталисты, с другой стороны, крестьяне и наемные рабочие. Люди с одинаковыми экономическими интересами входят в один класс. Желания (интересы) наемных рабочих (продавая ручную силу) совершенно разнятся от интересов хозяина: рабочий хочет, работая меньше, получать больше заработной платы, хозяин хочет больше заставить работать, платить меньше заработной платы. В итоге, как сказано выше, люди разделяются на классы, не различая религии и нации: как татарские рабочие работают в качестве рабов под гнетом русских капиталистов, точно также русские рабочие работают под гнетом татарских капиталистов в качестве рабов. Поэтому как одинаковы интересы разных хозяев вне зависимости

[1]) Газета „Урал" издавалась в г. Оренбурге; прекратила свое существование по распоряжению царского правительства в 1907 году.

от их религии, точно также одинаковы интересы рабочих всех верований (религий).

«Точно также народы и других наций разделяясь на классы (воюют) всегда борятся между собой. Как рабочие борятся с хозяевами, так и крестьяне борятся с помещиками. Безусловно, эту борьбу нельзя рассматривать как борьбу двух лиц на арене. Например, во время борьбы между рабочим классом и классом капиталистов рабочие борятся путем забастовок, организации различных союзов, а капиталисты борятся путем локаутирования рабочих и старания заполучить издания таких законов, которые бы угнетали рабочих. Каждый класс любого народа старается об'единиться для борьбы с другим классом и для достижения своих классовых интересов. Каждый борящийся класс имеет свою партию, старающуюся в интересах класса и работающую в его пользу. Отсюда ясно, что партия является большим союзом, старающимся завершить желания этого класса, и всегда работающим в его пользу. Таким образом, как народы России различных наций состоят в различных партиях, так и татары должны состоять в различных партиях.

«Ибо, как сказано выше, и мусульмане делятся на разные классы.

«Отсюда ясно видно, что хотя все мусульмане одной религии, но так как их экономические интересы неодинаковы, то они не могут все входить только в одну партию, называемую «Мусульман Иттифаке».

«Теперь посмотрим, что из себя представляет партия... «Мусульман Иттифаке»

«В 1905 году на Нижегородской ярмарке собрались мусульмане богачи, муллы вокруг них вращающиеся, а также некоторые инакомыслящие и обсудив «дела нации», вынеся разные безжизненные постановления и в результате решив, что им ежегодно нужно созывать мусульманский с'езд, раз'ехались. Когда же в связи с начавшимися волнениями в России, послышались слова, как «партия», до сего времени даже не снившееся российскому народу, тогда и мусульманские богачи начали искать партию. Вот! Мусульмане разных городов начали телеграфно извещать друг друга, что с целью избрания партии в Петербурге будет с'езд мусульман и с предложением выбрать представителей.

«Спустя немного времени, мусульманские богачи, а также те муллы поспешили на с'езд в Петербург, от некоторых мест, якобы, выбранные, а многие даже без всяких выборов. И нашли специальную для них богачей партию.

«К концу лета, перед началом осени, началась Нижегородская ярмарка. Опять мусульмане забегали, начали кричать, говоря: «созовем с'езд» и созвали с'езд... Но кто? Конечно, богачи. То обстоятельство, что эти с'езды созывались и в прошлом и в нынешнем году в Н.-Новгороде, говорит, что это были с'езды богачей, ибо богачи туда едут за продажей товара, платить долги, за покупкой товаров, а что же касается мулл и инакомыслящих, то они готовы к услугам богачей. Таким образом, мусульмане собираются на с'езд и нынче, совершенно не задумываясь, кричат: «мы собрались от имени всех мусульман, мы представители всего мусульманства» и опять подняли вопрос о партии. И сколько бы не кричали, но вращались около партии кадетов и не далеко отойдя от нее составили программу. Почему они не могли уйти вперед от партии кадетов? Ибо они богачи, буржуи, мало этого, они свою партию не называют партией кадетов, а называют партией «Мусульман Иттифаке», ибо они думают, что если назвать мусульманской, то войдут все мусульмане.

«Эта партия, называемая «Мусульман Иттифаке», является исключительно вредной партией для мусульман, а именно: для деревенского безземельного народа и для рабочих.

«Ибо западно-европейские и русские буржуа, пользуясь тогдашней неграмотностью рабочих и деревенского народа и добиваясь того, чтобы они не поняли к какому классу они относятся и войдя в свои партии не могли бороться против них, а также заявляя: «мы все христиане и все наши интересы должны быть одинаковы» использовали свои религии в качестве орудия. Это хорошо должны знать рабочие и бедный народ. Хотя религии и родственны, но богатство (состояние) не родственно. Поэтому рабочие и бедный народ (люд) должны входить каждый в свою партию. Хотя существование «Мусульманского Иттифаке» не будет долговечно, это покажет история».

«Урал» о «новом мусульманском иттифаке».

Вопрос таков.

Левое крыло мусульманских депутатов в числе всего 32 человек, входящих в состав 2-й думы, созванной вместо разогнанной в прошлом году, отделилось (вышло) из состава мусульманской фракции и организовало свою фракцию под названием «Мусульман Хезмат таифяси» (мусульманская трудовая группа). Представляя из себя в отношении своего состава кулаков и связанное с ним сытое духовенство, в отношении тактики и программы, они шли совместно с партией «трудовиков», игравшей тогда большую роль.

В деле выделения этой маленькой фракции из большой мусульманской фракции значительную роль сыграла кампания эс-эров — «Тангеляр» (газ. «Танг»).

Эта фракция думала в будущем создать из себя партию. В марте месяце 1907 года, тотчас же после выделения избрала комиссию в числе 6 человек для составления программы (кавказец Зейнал-Эфенди, уфимский учитель Калимулла Хасанов, чистопольский торговец Гариф Бадамшин, Гади Атласов, Г Г. Назметдинов, богач г. Елабуги ахун Максудов).

В № 21 газ. «Урал» вышла нижеследующая статья тов. «Кзыл» (Красный), выявляющая мнение редакции относительно этого вопроса:

«Хотя против наших слов о том, что все мусульмане не смогут быть в одной партии, так-как в виду различия их экономических интересов они разбиваются на классы, они и кричали, говоря: «националистов» нет, интересы мусульман одинаковы, все мусульмане, как один человек, войдут в «Мусульман Иттифаке», но мусульманские депутаты в думе подтвердили правильность нашей мысли. Всем известно, что депутаты, избранные от мусульман, по примеру прошлой думы, организовали «мусульманскую фракцию» и в этой думе, и что эта фракция, также по примеру прошлой думы, работала вместе с кадетской фракцией. Так как в числе депутатов, входивших в эту «мусульманскую фракцию», были депутаты как от помещиков, крестьян богачей и рабочих, поэтому, хотя они и все были мусульманами, но не смогли вместе работать.

«По сведениям, полученным редакцией из Петербурга, и согласно письма, напечатанного в № 20 нашей газеты, а также по сведениям русских газет, мусульманские депутаты, избранные от крестьян и рабочих, вышли из «фракции» мусульманских кадетов, заявив: «мы избраны добыть землю и свободу для народа, бороться за рабочих, а поэтому не можем работать вместе с партией буржуазии, кадетской партией». Таким образом «Мусульман Иттифаке» лопнул, говорят, как мыльный пузырь.

«Националисты очень натужились, но разве из натуги что-нибудь выходит, почему не лопнуть! Хотя религии родственны, но богатство не родственно. Если старое «Мусульман Иттифаке» лопнуло, но вместо него появилось в свет новое. Это — «Мусульман Иттифаке», организованное депутатами, избранными рабочими и крестьянами и вышедшими из мусульманской фракции кадетами, только у этого название иное: «Мусульман-ляр хезмят таифяси» (Мусульманская трудовая группа). Поздравляем! У этого новорожденного ребенка весьма хорошее имя. Говорят, муллу своего имеют: видимо, дали имя, прочитав молитву (азан).

«Как мы говорили, что «Мусульман Иттифаке» лопнет в одно время, также и сейчас говорим, что не лопнет ли и эта новорожденная «партия мусульманской трудовой группы», когда наступит время. В конечном счете на что нужна эта партия?

«Политическая партия является союзом, работающим исключительно в пользу одного определенного класса, не обращая внимания на слова: мусульманин, христианин, татарин и русский.

«Если партия является таким союзом, то почему же депутаты, вышедшие из мусульманской фракции, не вошли в состав трудовой группы думы, а организовали себе «партию мусульманской трудовой группы»? Нам известна причина того, что мусульманские богачи и, плетущиеся за ними, националисты, никак не могут отучиться от слов: «мусульманин», «мусульманский», «мы мусульмане», но мы никак не можем понять, почему не могут расстаться со словом «мусульманский» те, которые отделились от богачей, говоря: «мы стараемся в пользу народа». Разве они не знают, что политическая партия не разделяет народ по их религиям и нациям? Если они этого не знают, то этим людям, организовавшим «новую партию», следует обратить внимание только на «партию мусульман иттифаки».

«На самом деле, хотя «Мусульман Иттифаке» на словах кричит, что она партия, то на деле является ли «Мусульман Иттифаке» партией? На самом деле не является ли «Мусульман Иттифаке» ничем иным, как лицами, действующими, плетясь за кадетами, помогающими кадетам и голосующими за кадетов? Если так, то не является ли «Мусульман Иттифаке» партией кадетов, услуживающей буржуазному классу, вне зависимости от религии и нации. Точно также совершенно нет сомнения в том, что новорожденная «партия мусульманской трудовой группы», также, как и «Мусульман Иттифаке», действовавшая вместе с кадетами, вне зависимости от России и нации действовала совместно с трудовой группой думы и голосовала за то, за что голосовала она.

«Называясь мусульманской, она действовала на самом деле с трудовой группой, тогда какой же она является партией и к чему она нужна?

«Кроме этого, оказывается, в эту «новую партию» «будут приняты» рабочие и крестьяне: оказывается, она будет также стараться за рабочих и крестьян. Не знаю, каким образом эта партия может вмещать в одну партию и рабочих, и крестьян. Видимо, думают читать проповеди, так-как имеют своих мулл. Раз скажут проповедь, да еще название «мусульманская», тогда рабочие и крестьяне, пожалуй, и войдут в одну партию. Мы же говорим, что рабочие и крестьяне — люди двух классов. Рабочие составляют класс, который не имея никаких орудий производства, кроме ручной силы для существования принужден работать на капиталистов, исключительно продавая им эту силу, а крестьяне, хотя они являются людьми, живущими личным трудом, но живут сами себе хозяевами, не продавая своей ручной силы капиталистам.

«Правда, рабочие и крестьяне бедны, как рабочие, так и крестьяне угнетаемы капиталом. Но разница здесь в том, что рабочие принуждены бороться с целью избавления от гнета капитала, против частной собственности, а крестьяне борятся за улучшение своей горькой и тяжелой жизни, а также за увеличение своего состояния.

«Во многих случаях интересы рабочего класса и крестьян разнятся, поэтому мы говорим, что крестьяне и рабочие не могут входить в одну партию. Но эта «единственная партия», как и «Мусульман Иттифаке» желает, видимо (только мусульман)... всех классов... включить в одну партию.

«Кроме того, большинство лиц, организовавших «эту партию», якобы, социалисты.

«Если так, то эта партия, стало-быть, является такой партией, которая борется за социализм; сама же она в то же время и «мусульманская». Это какая же, столь широкая партия: социализм, мусульманская, трудовая, крестьяне, рабочие, — невозможно понять.

«Но мы знаем, что социализм не делит человечество на религии и нации. Ибо социализм избавит все человечество от гнета капитала, как он избавит от этого гнета рабочих и других угнетенных. Социализм призывает всех страдающих под гнетом капитала рабочих под свое знамя, с целью создания единой могучей армии для борьбы за социализм совершению вне зависимости от их религий и наций Мы, социал-демократы, заявляем, что подобные вещи, как эта новая партия, исключительно вредны для рабочих, борящихся за социализм.

«Ибо подобные «партии», разделяя рабочих, борящихся за социализм, от их товарищей других верований, не нанося вред пониманию, кто их классовый враг, является причиной, ослабляющей силу армии, которая борется за социализм.

Кзыл (Красный)».

„Уральцы" о „клерикалах-националистах".

Как сказано выше, первой задачей газеты «Урал» было поднять сознательность массы и организовать ее. Ставя это на первом плане, а также хорошо зная, что словами буржуазию к социализму не потянешь, «уральцы» не теряли напрасно время, как «Мусульман Иттифаке» являясь на с'езды партии буржуев, и споря с помещиками, капиталистами и муллами. Они довольствовались, как показано выше, раз'яснением широкой массе своей позиции с целью возбуждения ее мысли.

В газете «Урал» вышло кое-что и о своре клерикалов и нацоиналистов.

Заявляя о том, что большая часть татарского народа является трудящимися, говорится, что для хорошей жизни необходимо уничтожить старый режим, давящий всех, а также говорится:

«Но националисты призывают ли народ к этому? Нет. Ибо понимаемая ими нация, т.-е. богачи, никогда ничего не возьмут в качестве орудия борьбы, кроме бумаги, они не выйдут на улицы, ибо этого не допускает их состояние; а потому пустыми являются и слова националистов о том, что нужна свобода религии и что делами нации должна ведать только эта нация.

«Кроме того, одним получением этой свободы дело не исчерпывается. Для развития на этой почве, крестьянам необходимо безвозмездное полу-

чение земли, партия милли иттифак (национальный союз) — партия кадетов не допускает это. Ибо по ихнему собственность священна.

«Улучшение положения рабочих и приказчиков противоречит интересам буржуа и капиталиста.

«Прогресс мусульманского народа совпадает с классовыми интересами рабочих и крестьян. Сколько бы хозяева-мусульмане не желали бы прогресса мусульманства, они этого не могут сделать.

«Басенки националистов, не замечающих всего этого и говорящих о необходимости заняться прогрессом нации, обуславливаются сведением прогресса, только к ношению галстука, хождению в театр, обучению буржуазных сынков в университетах, к созданию школ, подготавливающих учителей, способных обучать этих же сынков».

Тогда много жевался вопрос о религиозных организациях, духовных собраниях и о выборах муфтия. Газета «Урал» по этому поводу в № 23 напечатала статью под названием: «Не надо муфтия». Здесь говорится, что все религии а именно: ислам, христианство и другие, управляясь через правительство чиновников, используются в качестве орудия самодержавия, что муфтий является одним из этих религиозных чиновников, работающих под ведением правительственных чиновников, что религия должна совершенно отделиться от государства.

Возражая надеждам, сводящимся к тому, что «настоящий муфтий оказался плохим, если выберем, то поставим хорошего» — «Урал» пишет:

— «Мы говорим, что как этого муфтия, так и выбранного муфтия не надо, ибо говорим, что совершенно должна исчезнуть вещь, как муфтеизм. Скажем зачем? А чтобы узнать зачем «сначала надо узнать, кто такой муфтий и зачем он поставлен».

1905 год и мусульманское духовенство.

Вслед за изданием манифеста о «конституции» от 17-го октября на другой же день царское правительство устроило погромы против руководителей революционного движения, против революционного рабочего актива; аресты стали повседневным явлением. Многие пали жертвой террора.

С целью скрытия указанных зверств и варварств, царь весьма сильно использовал свою верную опору—духовенство. Массу он натравливал против революционеров. Для наглядности приведем несколько отрывков из документа муфтия Мухамедияра Султанова — выходца из среды башкирских феодалов, — разосланного последним от имени духовного собрания в виде «наставления» мусульманам, приходским имамам, хатыбам и ахунам от 24-го ноября 1905 года.

В этом документе мы читаем следующее:

«Препровождается тюркский текст манифеста (о «конституции». Ш. Т.). Прочтите манифест в мечети после намаза[1]) «юма», точно разъясните населению прихода и помолитесь о здравии его величества царя и его уважаемой семьи».

«Однако ходят слухи о том, что есть лица, которые злоумышленно придавая иное значение 1-му пункту манифеста[2]), подстрекают мусуль-

[1]) Намаз—богослужение.

[2]) Этот пункт трактует о том, чтобы предоставить свободу всему населению, не задевать кого-либо помимо решения правительства, не применять, не неволить совесть и слово, не запрещать собраний и организаций и т. п.

Указанный манифест был издан вследствие сильного напора революционного движения 1905 года.

ман к тому, чтобы наносить повреждения (или ущерб. Пер.) имуществу (или скоту. Пер.): земле и воде и т. п. собственности богачей (!? Ш. Т.), т.-е. совершить деяния, запрещенные шариатом и законом».

«Пусть мусульмане, исходя из неправильного понимания (или усвоения. Пер.) манифеста, изданного в наших собственных интересах, не думают, что манифест можно использовать для совершения злодеяний. Пусть не смеют наносить повреждения имуществу, душе и телу, земле и лесам своих товарищей, соседей и других, кто бы они не были (следовательно, и помещиков, и бояр. Ш. Т.). Пусть не верят утверждениям тех, которые подстрекают в этом направлении».

«Пусть каждый старается удерживать своих близких, друзей-товарищей, словом, пусть мусульмане стараются сдерживать друг-друга. Правительство будет вынуждено сдерживать силою оружия тех, которые не сдерживаются».

Если внимательно рассмотрим, когда составлено «наставление» и о чем здесь идет речь, то мы еще лучше вникнем в суть дела. Здесь именем религии дают благословение в пользу борьбы царского правительства против тех (революционеров, какой бы национальности они не были. Ш. Т.), которые «подстрекают наносить повреждения имуществу: земле и воде и т. п. собственности богачей».

Если рабочие и крестьяне и в особенности руководившие ими большевики бросили лозунг о бесплатном отчуждении крестьянам земель, принадлежавших помещикам-дворянам, монастырям, вакуфам и царской фамилии, то составители «наставления» — мусульманское духовенство выступило с «проповедью», призывающей крестьян быть покорными помещикам, дворянам, не обижать их, не умалять их достоинства.

— «Не смейте наносить повреждения имуществу, душе и телу, земле и лесам ваших соседей и других, кто бы они не были».

Как это понять по отношению к 1905 году?

Разве это не означает, что:

— Крестьянин, имеющий всего лишь одну и полторы десятины земли на весь двор и благодаря этому существующий впроголодь, пусть не смеет касаться земли, лесов, многорыбных вод, принадлежащих соседнему с ним помещику, дворянину, купцу — владельцу 1000 и даже 200.000 десятин земли и лесов, который эксплоатирует этого крестьянина и безнаказанно его грабит? — Разумеется, это так.

А что значит:

— «Пусть не поверят утверждениям лиц, которые подстрекают к этому (т.-е. захвату земель Ш. Т.)».

— Это значит, что пусть крестьяне не верят лозунгам, подрубающим основные устои царского правительства, что пусть они не следуют за социал-демократами большевиками, бросившими в 1905 году среди крестьян лозунг: «безвозмездного отчуждения крестьянам земель, принадлежащих царю, царской фамилии, помещикам, дворянам, купцам, вакуфам, церквам и монастырям».

Имея в виду наличие лиц, внедряющих указанный лозунг среди башкирского и татарского крестьянства, «духовное управление» призывает мусульманское крестьянство не задевать диктатуры помещиков. Оно заявляет, что «каждый должен сдерживать своих близких, друзей-товарищей», короче говоря, мусульмане — сдерживать друг-друга и, таким образом, предписывает мусульманскому крестьянству сдерживаться и остерегаться от вмешательства в революционную борьбу против помещичьей диктатуры. И своей фразой: «правительство будет вынуждено сдер-

живать силою оружия тех, которые не сдерживаются», оно об'являет о своей готовности благословлять карательные меры царского правительства.

Следовательно, мы являемся свидетелями того, что в период борьбы рабочих и крестьян против царского самодержавия и вообще против помещичьей диктатуры в 1905 году, на ряду с русским духовенством, также и мусульманское духовенство представляет подлинную и надежную опору царя, помещиков и капиталистов.

Исходя из основных положений мусульманской религии, это, конечно, не представляет что-либо новое. Ибо мусульманское духовенство в своей докладной записке «его величеству» от декабря 1904 года писало следующее:

— «Покорность (или верноподданность. Пер.) ислама во всем человечестве славится под наименованием абсолютной. Наша религия, охватывающая собой как внутреннюю, так и внешнюю жизнь человека, возлагает на нас важнейшие задачи: пророк наш, сказавший, что царь—тень бога на земле, т.-е. земной царь представляет тень царя небесного, обязывает нас безусловной покорностью к небесному царю и той же самой покорностью по отношению к земному царю, являющемуся тенью царя небесного» [1]).

Далее оно пишет свои следующие выводы:

— «Таким образом, эти задачи, возложенные на нас согласно установлению ислама, оберегая нас от уклонений в сторону либерализма, укрепили нас в пределах полного повиновения властям государства и его законам» [2]).

Так духовенство стремится к тому, чтобы охранять неприкосновенность владений, покоящихся на основах эксплоатации и призывает именем религии, сохранять цепи рабства всех угнетенных слоев населения; утверждая, что царь есть тень бога на земле, что задевать царя, значит противодействовать богу и что восстать против помещичьей диктатуры, представляющей основные устои самодержавного царя, это значит восстать против небесного бога, оно старается возбудить религиозные чувства населения и этим путем задушить революцию.

Реформаторское движение.

Что же касается крайне ничтожной по численности городской башкирской буржуазии и интеллигенции, то они, будучи зависимы от татарской и русской буржуазии, были неспособны стать во главе национально-революционного крестьянского движения.

Молодая буржуазная интеллигенция, настроенная только в пользу реформы религиозных школ, представляющая интересы торговой сельской буржуазии создала реформистское течение и была далека от революционных выступлений. Она ограничивалась лишь требованием обновления методов преподавания в мектебах, включения в их программу преподавание родного языка и общеобразовательных и естественных предметов. Последующее развитие интеллигенции знаменуется требованием уничтожения телесных наказаний в школах, признанием необходимости воспитания молодежи и в русских учебных заведениях, необходимости создания литературы, искусства, театра.

В Башкирии подготовку новых носителей этого течения вели крупные школы — медрессе Галия в Уфе, Хусаиния в Оренбурге, содержавшимися татарскими баями — буржуазией. Они играли крупную роль в

[1]) Муса Бишев. «Основы реформы».
[2]) Там же.

культурной жизни башкир и татар в дореволюционной Башкирии. Реформистами были учителя, учительницы мусульманских школ, вообще мелкобуржуазная интеллигенция.

1905 год для башкир имел значение пробуждающего начала в культурном развитии. Появились литературные заметки, проза и поэмы, башкирское население призывалось к культуре, к новой жизни и к отказу от старых обычаев. В этой сфере готовилась новая башкирская интеллигенция, вышедшая из деревенской буржуазии — кулачества, духовенства. Все новое движение шло под руководством реформистов, которые не приняли революционных методов в национальном преобразовании. Когда наступила после 1905 года реакция, когда реакционные элементы как русской общественности, так и татарской и башкирской стали господствовать, оно почти замерло.

Рабочее движение после реакции.

Расправа с рабочими, подавление всякого революционно-освободительного движения уже означало наступление реакции. Происходили аресты лучших рабочих, испытанных вождей их, что сильно подорвало развернувшееся революционное движение.

Из веднейших вождей рабочих ушли в подполье Якутов и другие, 18 человек были схвачены, преданы военному суду, часть из них сослана на каторгу, часть расстреляна. Мастерские (уфимские) с 10-го декабря 1905 года по распоряжению управления дороги были закрыты. 108 человек рабочих уволены. Пострадали ближайшие друзья железняков-уфимцев—гутманцы. Они в полном составе оказались за бортом производства, лишились куска хлеба.

Реакция, развивая бешеное наступление, не ограничивалась только Уфой, она протянула свои лапы и в глушь по разбросанным мелким заводам и фабрикам. Так, например, на Богоявленском стекольном заводе полицией был арестован и сослан в Сибирь один из руководителей рабочих Кленов А., был закрыт рабочий клуб и ликвидирована после восьмимесячного существования касса взаимопомощи. Рабочий кружок, выросший до 80 человек, под напором реакции распался, остались лишь более стойкие передовые рабочие в количестве 20 человек.

Нажим капиталистов продолжался из года в год. 1907 год на южноуральских заводах катавской группы проходил под знаком дальнейшего ухудшения материального положения рабочих и зажима. Из материалов (выходившей в этом году подпольной газеты «Уфимский Рабочий») [1]), видно, что положение доходило до ужасающих размеров.

Заработная плата рельсо-прокатчиков Катав-Ивановского завода составляла 7—10 рублей в месяц. Такое же положение было и в других цехах. Ужасающие преследования охранки, травля революционных рабочих черносотенцами и погромы не могли не влиять на рабочее движение. Последующие годы, вплоть до 1912 года, можно характеризовать, как период полнейшего затишья на фронте классовой борьбы в бывшей Уфимской губернии.

«Капиталисты, — пишет тов. Гуран, — не зря тряхнули монетой в упорные годы революции, пожар был потушен и столыпинская реакция торжествовала в крае. Но не удалось им вырвать с корнем организованности рабочего класса».

---

[1]) Гуран. „Рабочее движение за 70 лет в бывшей Уфимской губернии".

Рабочий класс, наученный горьким опытом первой революции, как и в других районах, ясно понял, что только вооруженным восстанием, только решительной организованной борьбой можно свергнуть власть капиталистов и их союзников—помещиков и дворян.

Лучшие отряды пролетариата быв. Уфимской губернии—железняки-уфимцы, миньярцы, симцы и другие, под руководством большевиков занялись самовооружением, невзирая на предательство меньшевиков, которые отказались от самовооружения рабочего класса. Передовыми рабочими производятся экспроприации в целях приобретения оружия, развертывается учеба, прорабатываются вопросы тактики и т. д.

К активным действиям в эти годы переходили только единичные группы рабочих. К числу их можно отнести двухнедельную стачку в типографии «Печать» (графа Толстого) в 1911 году. Стачка проводилась всей типографией (без женщин), под руководством группы газетчиков, которая состояла из 10 человек. Закончилась стачка не в пользу рабочих, ибо дальнейшее продолжение грозило голодом, а поддержки ниоткуда не было. Потерпев поражение, стачка все же оставила глубокие следы в рев. движении того времени, показав, как нужно бороться при реакции.

Расстрел ленских рабочих в 1912 году не всколыхнул предприятия Уфимской губернии. Лишь стеклодувы Богоявленского завода пытались организовать однодневную забастовку и это не удалось: владельцы завода помешали при помощи власти.

Единственные серьезные выступления рабочих в этом году имели место в уфимском депо, на Миньярском заводе и на пристани в Уфе. В депо проходили выборы членов в дорожный комитет по оказанию помощи пострадавшим от увечья где большевики использовали момент. По инструкции нужно было выбрать представителя, проживающего в Самаре. На собрании рабочим Абрамовым было внесено предложение об отказе от выборов, поскольку не разрешалось посылать своего представителя из Уфы. Рабочие депо так и сделали, кампания была сорвана. Эти выборы несколько встряхнули рабочих-уфимцев. Товарищи, по тем или иным причинам отошедшие от работы, снова начинают примыкать к активной борьбе, создавая новые кружки.

На Миньярском заводе в 1912 году произошло два столкновения рабочих с заводовладельцами. Первый конфликт относится к лету, когда администрация завода об'явила рабочим, что желающие работать в сенокосный сезон на заводе будут получать полуторную плату. Рабочие, приняв это предложение, почти, в полном составе записались по своим цехам на работу. Но когда нужно было приступить к работе, администрация вдруг изменила предложение — «полуторную плату получать будут не все, а только прокатчики», — об'явила она. На это рабочие механического цеха ответили поголовным от'ездом на сенокос. Администрация, сочтя этот поступок за забастовку, решила проучить миньярцев. Началась вербовка чернорабочих. Однако, из этой затеи ничего не вышло, т.-к. одному из чернорабочих в первый же день отдавило станком ногу, а другому пальцы. Администрации пришлось от услуг невольных штрейкбрехеров отказаться. При возвращении рабочих механического цеха, управляющий пробовал было угрожать, некоторым, увольнением, но это при организованности рабочих-миньярцев осуществить не так-то было легко.

Вторая битва рабочих с заводовладельцами произошла в конце 1912 года. Она превратилась в 8-дневную общезаводскую забастовку.

Дальше мы имеем забастовку грузчиков на уфимской пристани, возникшую на почве низкой оплаты труда грузчиков при рабочем дне от 14 до 16 часов.

В этом же году происходила забастовка в портняжной мастерской Мелитицкого, где 12 девушек-работниц бросили работу, требуя 8-ми часового рабочего дня. Но здесь достаточно было хозяину пристращать работниц полицией, как те встали на работу.

Других событий в 1912 году, за исключением созыва губернского с'езда общества фельдшеров и акушерок и возрождения «вспоможенки», у служащих не было.

«Дальше, 1913 г. не отличался от предыдущего. Можно перечислить отдельные моменты рабочего движения даже по пальцам — открытие больничной кассы в Богоявленском стекольном заводе; проигранная стачка учеников портняжной мастерской Фоменко и выступление учителей-чуваш против проекта (черносотенца Мишкевича) об организации инородческих школ. Первая половина 1914 года ознаменовалась только стачкой — пишет т. Гуран — уфимских грузчиков, которую они выиграли».

Таким образом, из года в год при существовании реакции рабочее движение к 1914 году все же начинает подниматься, отдельные отряды рабочего класса готовятся к новым битвам в более организованной форме. Во всем этом руководящую роль играли большевики, работавшие не покладая рук по организации рабочих, всячески поддерживая их дух, когда царили расстрелы, аресты, избиения.

1914 г. ознаменовался империалистической войной, что не могло не влиять на экономическую жизнь края, в свою очередь влиявшей на положение рабочих масс. Положение рабочих в связи с войной ухудшилось еще больше. Для характеристики мы приведем из статьи Кийкова следующие данные[1]):

«Рост цен на хлеб и другие продукты питания в бывшей Уфимской губернии (т. е. в дореволюционной Башкирии) в первые девять месяцев войны отмечает официально губернское начальство.

	Пшеница	Рожь	Овес	Ячмень	Мясо	Масло	Яйца	Картофель
	В пудах.						Сотня	Пуд.
Во 2-й половине 1913 г. .	69— 87	49—67	48—72	67—76	489—563	13.17—14.56	167—254	18—31
Во 2-й половине 1914 г. .	74— 97	39—69	39—69	67—80	407—573	13.74—15.29	148—276	17—30
В первые 3 м-ца 1915 г.	96—112	74—81	79—94	85—90	474—537	14.94—15.65	208—289	31—35

«К концу января 1916 года цены на продукты первой необходимости, сравнительно с январем 1914 г., выросли:

на мясо	23,9
» сахар	90
» чай	66
» крупчатку	126
» муку ржан.	107

[1]) „Пройденный путь"—1927 г. Башистпарт.

«Средняя оплата городского рабочего (в предприятиях гор. Уфы) до войны стояла на чрезвычайно низком уровне — 24 руб. 03 коп. в среднем для мужчины и 10 р. 92 к. для женщины. Номинальная зарплата городского рабочего за время войны (к 1916 г.) в процентном отношении поднялась очень высоко (на отдельных предприятиях до 125—143 и даже 156 проц). Но если взять реальную зарплату городских рабочих в 1916 году, то совершенно ясно, что она из года в год падала. Особенно тяжелым было положение рабочих спичечной фабрики Дудорова, где работали преимущественно подростки (средняя оплата их до войны 7 р. 08 коп., в 1916 г. — 11 р. 85 к., взрослые получали до войны 16 руб. 20 коп., в 1916 г. — 39 р. 15 к.). Если взять даже наилучше оплачиваемых городских рабочих городской электрической станции, то и их положение в 1916 г. было по существу отчаянным. В то время как заработная плата их поднялась за два года войны на 57 проц. (с 28 р. 56 к. до 44 р.), стоимость продовольствия повысилась на 156 проц.

«Необходимо отметить еще, что война вызвала усиленное применение особенно плохо оплачиваемого женского и детского труда, это также повело к ухудшению общего положения рабочих масс. Абсолютное число женщин, занятых в промышленности бывшей Уфимской губернии (за исключением горной южно-уральской), поднялось с 2.094 в 1913 г. до 4.088 в 1915 г., т. е. увеличилось вдвое. В 1913 году число женщин составляло 11,7 проц. общего количества рабочих; в 1915 году оно поднялось до 17,4 проц.» (Кийков).

Дальше, доклад Уфимского начальства так характеризует положение рабочих гор. Уфы в 1916 году:

«...об'езжая разбросанные в лесной глуши заводы Урала, мы нигде не встречали, за исключением разве только Алафузовской ф-ки (Белебеевского к-на), такого одичания и тупости, какое наблюдалось здесь при свете электрического освещения и других благ городской цивилизации.

«Мелкое производство города дало возможность предпринимателям высосать из рабочего всю его духовную мощь, как представителя определенного класса. Забитая нуждой и доведенная до потери способности к протесту, масса эта не знала стачек, она покорно шла к вымиранию через муки голода и нищеты».

Невольно является вопрос: как удалось предпринимателям в пределах целой губернии понизить, приблизительно, вдвое реальную плату рабочих, несмотря на все возраставший недостаток рабочих рук? Как мирились рабочие с таким обнищанием, что держало их на работе почти без протеста? В условиях военного времени военно-обязанные должны были или служить в предприятиях, работавших на войну, или идти в окопы. Администрация завода, увольняя рабочего, тем самым отсылала его на позицию. Поэтому рабочая масса сдерживалась от протестов, от забастовок. Правда, военно-обязанным рабочим разрешалось переходить из одного предприятия, работавшего на оборону, в другое, но массовый переход был невозможен, а единичный затруднялся краткостью недельного срока. Наконец, «немое соглашение» администрации заводов выталкивало в окопы протестующего, изменившего данному заводу. Доклад констатирует факт отсылки на позицию 4-х рабочих. Забастовочное движение прорывалось на отдельных заводах только тогда, когда положение рабочих достигало максимума невыносимости и тогда, когда издевательства переходили край предела.

В 1916 году произошло некоторое оживление хотя и не весьма значительное. Выступили печатники типографии (татарской «Турмуш». Владелец типографии Усманов высасывал все, что возможно было, из-

рабочих татар. Предпочитая держать на работе подростков, Усманов убивал двух зайцев: во-первых, платил минимальную плату и, во-вторых, заставлял работать столько, сколько ему было нужно. Многие из наборщиков целый день стояли у касс, другие рабочие до ночи наклеивали адреса или фальцевали газеты. В феврале 1916 года рабочие типографии обратились к владельцу Усманову со следующим требованием: «Если не повысишь заработную плату, то бросим работу» — Усманов, полагая, что «татарчата» не уйдут, если их запугать полицией, в требовании отказал, но ошибся, рабочие забастовали и добились прибавки в 3 рубля. Этот факт имел большое значение для рабочих полиграфистов.

Вскоре же забастовали печатники русской типографии Бусыгина, но через два дня стачку прекратили, т. к. хозяин удовлетворил их требования и только четырем рабочим пришлось, все-таки, отсидеть по одному два месяца.

В годы войны, как указано выше, бороться с хозяевами было весьма трудно. Они, добившись через военно-промышленный комитет освобождения от призыва квалифицированных рабочих, использовали это в свою пользу. При малейших попытках рабочих к улучшению своего положения, капиталисты угрожали солдатчиной. Так, например, издатель Уфимской газеты граф Толстой на требование газетных наборщиков прибавить хотя бы рубль с номера, заявил: «Не прибавлю ни копейки, а если не хотите работать, отправлю к воинскому начальнику».

Печатники к концу 1916 года энергично взялись за организацию союза. В октябре месяце 1916 года инициативная группа рабочих прорабатывает устав профессионального общества графических искусств и вносит его на утверждение губернатора. Почти через три месяца устав был утвержден, но с большими именениями. Губернатор ввел свои коррективы.

28 января 1917 года накануне Февральской революции типографские рабочие организовали свой союз. Весной 1916 года вспыхнула также стачка на Богоявленском заводе, где рабочие пред'явили требование о повышении зарплаты. Администрация сначала отказала, рабочие упорно настаивали, вследствие чего администрация была вынуждена требование рабочих удовлетворить. В 1916 году продолжается оживление также среди интеллигенции. Просвещенская «вспоможенка» организовала в Стерлитамаке и Златоусте отделения, установила связь с другими организациями и начала вести пропагандистскую работу среди своих членов.

Вот картина рабочего движения в условиях империалистической войны.

Приближается 1917 год. Уроки тяжелой борьбы во время реакции и во время империалистической войны отдельных передовых отрядов рабочего класса в дореволюционной Башкирии кладутся в основу, и рабочий класс приходит с опытом организации и организованной борьбы к тем месяцам, в которые развернулись события, ожидавшиеся рабочим классом и крестьянством всей России, т. е. к Февральской революции, когда царский трон был разбит, местные наместники убраны и заменены представителями буржуазии, которая еще не окрепла. На ряду с властью буржуазии организовались советы рабочих и солдатских депутатов, после чего начинается новая славная эра в истории дореволюционной Башкирии, в истории борьбы рабочего класса бывшей Уфимской губернии.

ГЛАВА XII.

Империалистическая война и хозяйство Башкирского края[1])

Крестьянское хозяйство в период войны 1914-17 г.г.

Подавляющее большинство населения б. Уфимской губ., по данным 1915 г.,—94% было занято сельским хозяйством, имевшим, преимущественно, мелкий крестьянский характер. Земли по категориям владения распределялись в 1913 и 1917 годах следующим образом (в казенных десятинах):

Категории владений / ГОДЫ	Земли частн. собственников (помещики, купцы)	Надельные земли	Земли учреждений	Всей земли
1913	2964736 или 30,63%	5552700 или 57,34%	1162630 или 12%	9680066 или 100%
1917	2956567 или 30,5%	5557500 или 57,4%	1162480 или 12%	9694547 или 100%

Частные собственники, в свою очередь, распадались на дворян, купцов с мещанами и крестьян-кулаков.

Земля между крестьянами распределялась так (перепись 1917 года): безземельных было 7%, с посевом до 3 десятин—6%, от 3 до 5 дес.—10%, от 5 до 10 дес.—28%, от 10 до 15 дес.—17%, от 15 до 20 дес.—11%, от 20 до 30—10%, от 30 до 40—4% и более 40 десятин—7%.

Бедняцкая часть крестьянства искала выхода в аренде земли. Арендовали землю друг у друга, и притом в больших размерах. Сдавали в аренду многоземельные, но еще чаще сдавали землю в аренду, именно, малоземельные крестьяне, безвыходно закабаляя себя экономически сильным группам. Следующая таблица характерно говорит о том, кто брал и сдавал землю в аренду.

Посевная площадь	% арендующих	% сдающих
До 2 десятин	22	38
от 2 до 4 „	27	26
от 4 до 6 „	35	22
от 6 до 10 „	45	18
Более 10 „	60	12

Крестьянские хозяйства, в массе своей—маломощные, слабо пользовались наемным трудом (в 1917 г. только 3% хозяйств,—в то время, как 30% не имело своих взрослых работников). Поэтому, батраки и бедняки шли в город, на заводы, или на сельско-хозяйственные промыслы, очень развитые в губернии.

[1]) Из ст. А. Кийкова: „Пройденный путь".

За время империалистической войны площадь посева в крестьянских хозяйствах б. Уфимск. губ. (без Мензелинского у.) уменьшилась следующ. образом („Истор.-стат. таблицы").

	Уменьшение в % по сравнению с 1911 г.
1911 г.—2.306.842 казен. десятины	—
1915 г.—1.989.525 „ „	13,6%
1916 г.—1.916.429 „ „	16,9%
1917 г.—2.129.034 „ „	7,6%

В анонимной статье о сельском хозяйстве БАССР в справочной книге „Вся Башкирия" (Уфа, 1925 г.) приводятся цифры движения посевной площади в Башкирии за время империалистической и гражданской войн, при чем данные исчислены применительно к б. Уфимск. губ. по „Историко-стат. таблицам". Автор статьи дает следующие цифры посевов по республике (в кв. км).

	Уменьшение по сравнению с 1911 г. в %
1911 г.—31.469,5	—
1917 г.—28.822,9	8,38%

Посевная площадь за время империалистической войны сократилась на 8,38% (по предыдущей таблице—на 7,6%).

Империалистическая война существенным образом отразилась на группировках крестьянских хозяйств, значительно увеличив число хозяйств беспосевных и не имеющих рабочего скота. Это видно из следующей таблицы (данные БЦСУ, составленные на основании истор.-статистических таблиц и переписи 1917 г.).

Движение группировок в крестьянских хозяйствах по бывш. Уфимской губ. (без Мензелинского у.):

Годы	Всего хозяйств	Из них число хозяйств									
		По посеву:					По рабочему скоту:				
		Без посева	До 2-х дес.	От 2,01 до 4 десятин	От 4,01 до 10 дес.	Свыше 10 дес.	Без раб. скота	С 1 голов. раб. скота	С 2 гол.	С 3 гол.	С 4 и более голов раб. скота
1911	386115	41270	71227	83763	126918	62937	44287	145579	103402	45948	47299
1916	406417	53338	87829	95512	125215	44523	90631	121192	112578	45112	36984
1917	427490	68189	—	—	—	—	92140	—	—	—	—

Число беспосевных хозяйств увеличилось, по сравнению с 1911 г., в 1916 г.—на 29,2%, а в 1917 г.—на 65,2%; число не имеющих рабочего скота в 1916 г.—на 104,5%, а в 1917 г.—на 109%.

На 100 хозяйств приходилось:

	Без посева	До 2 дес.	От 2,01 до 4 дес.	От 4,01 до 10 дес.	Свыше 10 дес.
В 1911 г.	10,7	18,4	21,7	32,9	16,3
В 1916 г.	13,1	21,6	23,5	30,8	11,0

На 100 хозяйств приходилось:

	Без всякого скота	Безлошадн.	С 1 раб. лошад.	С 2 раб. лошад.	С 3 раб. лошад.	С 4 и более раб. лош.
В 1911	5,45	11,47	37,6	27,78	11,9	12,25
В 1916	7,76	22,3	29,8	27,7	11,0	9,1

Итак, империалистическая война подорвала мелкое крестьянское хозяйство: увеличилось число беспосевных, число не имеющих скота, число безлошадных. Она же повела к сильному сокращению сельскохозяйственных промыслов.

Как „технически“ происходило разрушительное действие войны на крестьянское хозяйство и на положение крестьянских масс говорит нам, между прочим, эпизод с реализацией урожая 1914 года[1]).

В пределах б. Уфимской губернии урожай 1914 г. был ниже среднего. По данным статистического бюро Губернской земской управы, чистый сбор хлебов определился следующими цифрами:

В крестьянских хозяйствах	Число сбора в тысячах пудов	Потребн. на прокормление в тысячах пуд.	Излишек (+) или недостаток (—) в тыс. пуд.
1. Беспосевных	—	3056	—3056
2. Посев до 2 десятин	2067	7114	—5047
3. „ от 2 до 4 „	6042	11372	—5330
4. „ от 4,1 до 6 „	7076	10013	—2937
5. „ от 6,1 до 10 „	11710	11503	+207
6. Свыше 10 десятин	24920	12716	+12204
Итого	51815	55774	—3959

Помещичьи хозяйства дали чистого сбора 4552000 пудов. Таким образом, при сохранении продовольственных норм, для вывоза оставалось только (4552 т. — 3959 т.) 593 тысячи пудов. В начале „реализационной“ кампании (сентябрь—октябрь 1914 г.) хлеб продали, с одной стороны те группы сеящих крестьян, у которых, за вычетом продовольственной нормы, оставался больший или меньший минус, а с другой стороны—помещики.

---

[1]) Эпизод изложен по письму Уфимск. биржевого комитета (от 20 мая 1915 г. № 633) на имя управляющего казенной палатою на запрос последней, в силу циркуляра министерства финансов от 14 апреля 15 г. № 4182, с предложением ответить на ряд вопросов о влиянии, произведенном войною (за первые 9 м-цев ее) на хозяйствен. жизнь страны. Письмо биржев. к-та составлено секретарем его известным В. П. Арцибушевым. Дело казенной палаты № 87-1915 г., в котором находится письмо.

Результатом 1914 года явилась замена в 1915 г. для беднейшего крестьянства хлеба суррогатами, т. е. ухудшение питания и кабальная зависимость от кулаков.

Вышеприведенные суровые цифры красноречиво говорят о положении крестьянских масс в годы империалистической войны.

До сих пор мы приводили общее состояние, в каком находилось крестьянство всех национальностей. Теперь отдельно о башкирах.

Процесс обезземеливания их—прямой результат колонизаторской политики царского правительства, который нанес тяжелый удар благосостоянию башкирина-скотовода и земледельца (которые без широких земельных просторов не могли развивать, особенно, скотоводческое хозяйство) и в результате этого давно уже начался процесс массового обнищания башкирского населения. Задержка в экономическом росте сопровождалась культурной отсталостью, царское правительство занималось усиленным руссификированием „инородцев", светской школы башкирское трудовое население не знало, для него существовали исключительно духовные школы (медрессе и мектебе), находившиеся под непосредственным влиянием мулл. Трудовое крестьянство оставалось неграмотным и невежественным, почти отсутствовала организация медицинской и санитарной помощи населению. Привилегированная часть из национальной буржуазии, как-то: дворяне, муллы, чиновники имели возможность обучаться почти во всех учебных заведениях вплоть до кадетских корпусов.

Политика обезземеливания башкир—с одной стороны и отсутствие культурно-хозяйственной помощи—с другой, обуславливавшие обнищание и вымирание народа, находили опору и поддержку в лице башкирского кулачества, которое служило в роли всяких уполномоченных, доверенных, старшин и т. п.

Февральская революция застала башкирский народ на чрезвычайно низкой ступени хозяйственного и культурного развития. Политика царского самодержавия, направленная к упрочению „единой, неделимой России", имела своим последствием противопоставление интересов одной национальности интересам другой национальности. На территории нынешней Башкирии это особенно ярко проявлялось в земельном вопросе, но, на ряду с этим, искусственно задерживалось и культурно-политическое развитие башкирских масс.

В таком положении находился башкирский народ к моменту Февральской буржуазной революции в 1917 г.

Промышленность перед революцией.

Всего в промышленности губернии (за исключением 10 крупных горных южно-уральских заводов) („обзоры"[1]) насчитывают:

	Число фабрик			Число рабочих			Валовая сумма произв. в руб.
	С пар. двиг.	Б/пар. двиг.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	
В 1913 г.	251	2424	2675	15039	2094	17133	23980766
В 1915 г.	205	1959	2164	19086	4088	23174	14590935

[1] Официальные годовые обзоры Уфимской губернии.

Число предприятий сократилось на 18%, валовая же сумма производства упала на 39,5%. В то же время количество рабочих увеличилось на 35%, т. е. производительность труда сильно понизилась. Если принять во внимание, что число данных предприятий „обзоры“ включают и те, которые работали на войну, упадок промышленности, работавшей „на потребителя“ окажется еще более резким. Понижение производительности труда в обрабатывающей промышленности констатирует в ответе М-ву Финансов Уфимской казенной палаты: кадры опытных рабочих-военно-обязанных были отправлены на фронт, и их пришлось заменить менее квалифицированными рабочими.

Переходя к доступной, при данных материалах, характеристике влияния на промышленность империалистической войны на всем их протяжении, остановимся сначала на южно-уральской горной и горнозаводской промышленности.

Д. Сулимов в своем докладе 10 июня 1920 года на конференции металлистов Южно-Уральского района, характеризуя дореволюционный Урал, как чрезвычайно отсталую в техническом отношении промышленную область, дает такую картину:

„Южно-уральские фабриканты и заводчики, имея под руками миллиардные запасы ископаемых, богатые лесные площади, дешевую рабочую силу (в силу особых бытовых условий уральского рабочего) и полицейскую палку, могли получать—и действительно получали—громадные прибыли от заводов, совершенно не заботясь об их техническом усовершенствовании, строя свое благополучие исключительно на хищнической эксплоатации природных богатств и бесчеловечном выжимании соков из рабочего“.

ГЛАВА XIII.

От Февраля к Октябрю.

В 1917 году, после Февральской революции, власть перешла в руки русской империалистической буржуазии, которая образовала временное правительство. Что из себя представляло это правительство? Это правительство, его местные органы были новой формой организации диктатуры русской империалистической буржуазии.

Характерно, что одновременно с организацией временного пр-ва как в центре, так и на местах, во всех губернских городах и промышленных районах создаются советы рабочих и солдатских депутатов. Это имело место и в бывшей Уфимской губернии и в городе Уфе, где впервые 5-го марта организовался и приступил к работе Уфимский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. В воззвании Уфимского Совета от 5-го марта мы читаем следующее.

„Его цель (т. е. совета) успешное завершение революционной борьбы в интересах демократии. Его задачи—превратить революционно-демократические массы в революционно-демократические организации и об'единить эти организации.

Только таким путем *будет обеспечена форма правления, которая отвечает интересам широких слоев населения*“...

„...для этого совет должен опираться на широкую организованную народную силу...“

Приведенные слова в воззвании являются довольно характерными для определения направления совета или его руководителей того времени. Здесь, главным образом, выдвигается безклассовый принцип: „широких народных масс“, широко организованной народной силы“, „широкой демократии“, „широких слоев населения“, которые являлись исходным началом для всех и всяких вопросов.

Почему это было так? Потому что в составе этого совета большинство составляли эсеры и меньшевики. Даже председателем совета является эсер, некий Гиневский, хотя, правда, и из большевиков входили в состав совета довольно крупные силы, как например—Брюханов, Цюрупа, Эльцин и другие, но их было абсолютное меньшинство. Строго классовая линия внутри совета в это время еще не велась, мелко буржуазное влияние было сильно. Уфимский же губернский с'езд советов рабочих и солдатских депутатов, созванный 1 июля 1917 года, дает нам в этом отношении довольно характерный материал.

На с'езде были представлены советы Уфимского, Белебеевского, Стерлитамакского и Бирского уездов, а также советы Белорецких, Усть-Катавского, Симского, Аша-Балашевского, Миньярского, Катав-Ивановского, Саткинского и Бакалинского заводов. Вокруг этих советов об'единялось рабочих 50.000 человек, крестьян и др. 52.900, а всего 102,900 человек. Исполнительные комитеты их насчитывали (по данным не совсем полным) всего 269 человек, партийный состав которых определялся следующими цифрами:

Большевиков	46	чел. или	17,1%
Эсеров	142	„ „	52,7%
Меньшевиков	4	„ „	1,4%
Беспартийных	77	„ „	28,8%

Указанные цифры ясно свидетельствуют о том, какую роль играли эсеры в советах того времени. Вот почему уфимские советы описываемого нами периода плелись еще в хвосте буржуазии и не имели возможности полностью осуществлять чаяний революционного пролетариата. Такое положение продолжалось почти вплоть до корниловского восстания в ленинградском районе. Даже и после этого, в первых числах сентября, Гиневский и его компания входит в соглашение с буржуазией и, получив у последней кредиты, пытаются организовать вооруженные силы и, тем самым, оказать буржуазии „крупные услуги“[1]).

„По восстание Корнилова и еще более обострившаяся вследствие этого классовая борьба,—говорит т. К. Гирфанов,—вскоре выявляют настоящую классовую физиономию эсеров. В результате чего они из состава советов начинают выбрасываться. 7 октября Гиневский подает в исполком заявление об отказе своем от председательства в Уфимском совете. При чем отказ свой он мотивирует следующим: „в виду того, что направление деятельности исполкома слишком далеко отклоняется от политической линии (его) партии, представителем которой я являюсь, я вынужден снять с себя обязанности председателя исполкома“.

Здесь нельзя обойти молчанием следующее. Выше мы указали, что в составе уфимского губернского с'езда советов, заседавшего 21-го июля, большевиков насчитывалось 17,1%. Цифра эта берется

---

[1]) Гирфанов Касым.

по отношению к общему числу. Однако, в то же время были и такие советы, которые состояли исключительно из большевиков. Как, например, в советах Усть-Катавского, Миньярского заводов были представлены исключительно лишь большевики. Этот центр, этот район пролетарской закваски, игравший в период гражданской войны после Октября колоссальную роль, несомненно, еще гораздо раньше, уже в период, последовавший за июльскими событиями, оказывал огромное воздействие на полевение советов и освобождение их от влияния прислужников буржуазии.

Приблизительно в конце августа и начале сентября начинается широкое движение против органов Временного правительства. Если, с одной стороны, день ото дня растет крестьянское движение, развивается захват и разграбление помещичьих земель, все более охватывая территорию Уфимской губернии, то с другой—большевики, организуя различные демонстрации и беспощадно раскрывая контр-революционную физиономию органов Временного правительства и эсеров, окончательно подрывают авторитет последних перед массой, ведут подготовку к захвату власти. Эти обстоятельства имели своим последствием то, что служащие различных мест и учреждений начинают подавать в советы заявления с изложением настоящего положения вещей и раскрывать контр-революцию, свившую себе гнездо в государственных учреждениях. Для характеристики приведем один лишь пример. 2 сентября группа работников Уфимской Губернской Продовольственной Управы подает в «Совет Рабочих и Солдатских Депутатов» заявление, в котором говорится, что «большинство принятых в управу работников в политическом отношении неблагонадежны, тогда-как личный состав продовольственной управы должен бы быть демократическим, а в настоящее время мы видим, что председатель управы до сего времени сам состоит членом губернского присутствия и что вокруг него собраны (бывшие) царские работники, начиная с лиц, стоящих во главе губернии вплоть до низовых волостных писарей...»

Сообщают и просят совет произвести расследование.

В то же время и сами советы встают на трезвый путь и старается повлиять на центральные советы. Например, в телеграмме своей на имя центрального совета от 11 сентября уфимский Совет пишет следующее.

«..Совет сообщает вам, что: 1) для захвата власти в руки органов революционной демократии необходимо немедленно созвать с'езд советов. 2) Совещание, назначенное на 12 сентября (речь идет о демократическом совещании), не может приостановить созыва с'езда. Если же центральный исполком высказывается против созыва с'езда, то последний должен быть созван областными советами. 4) Командный состав окончательно должен быть очищен от корниловцев...»

Эти требования уфимского совета, а в особенности требования, изложенные в подсбном тоне, ясно свидетельствуют о том, на сколько советы уже в начале сентября успели явно полеветь. Далее вопрос становится в плоскости открытого захвата власти в свои руки и очистки органов революции от контрреволюционных элементов.

Аналогичное же наступление ведется советами и против основного столпа буржуазии—комитетов «общественной организации».

Членами «Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» вносится заявление о том, что комитеты «общественной организации» должны быть ликвидированы. Существование их не только бесполезно, но, с

точки зрения неуместной траты государственных средств и вредно. Вопрос по данному заявлению рассматривается президиумом «комитета», который на заседании своем от 2 сентября выносит следующее постановление:

«...Комитет должен существовать хотя бы в виде сокращенном... Он должен быть в состоянии при необходимости возобновить свою деятельность». Настоящая резолюция показывает, что буржуазия в тот период еще питала полную уверенность в осуществление своих контрреволюционных чаяний. Однако, кой-кто из них, повидимому, уже вникал в истинное положение вещей. Например, некто Плотников подает в президиум «обществен. организации» заявление от 8-го октября, в котором сообщает о своем выбытии из состава комитета, мотивируя тем, что «деятельность комитета он находит безнадежной и ненужной».

Но последовавшие затем события меняются еще быстрее. Еще более развивается, расширяется и углубляется движение в крестьянстве. Растет недовольство и революционность в массе военных частей. В городах начинаются погромы. Буржуазия, через посредство своих агентов, вроде Гиневского, Бриллиантова и Толстого, «намеревается организовать вооруженный отряд. Но осведомленные об этом большевики вскоре же их публично разоблачают». Одновременно совет в суматохе борьбы против погромов, с одной стороны, под руководством большевиков приступает к организации вооруженных дружин, и с другой—берет под свое влияние городскую милицию, находившуюся дотоле всецело в руках буржуазии. Совет, таким образом, продолжает все более крепнуть.

Тем временем в центре совершается *Великая Октябрьская Революция*, о чем в тот же день получается извещение и в гор. Уфе.

26 октября созывается об'единенное заседание исполкома «Уфимского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» с «Советом Крестьянских Депутатов», где принимается следующая резолюция:

«... Приветствуя переход центральной власти в Петрограде в руки Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, Уфимский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов считает необходимым: немедленно организовать на местах власть на основе революционной демократии, оказать содействие к захвату власти в свои руки, укреплению ее и углублению, а также, расширяя победы, достигнутые гарнизоном и пролетариатом Петрограда, стремиться к осуществлению таких мероприятий, как скорейшее заключение мира на демократической основе, разрешение аграрного вопроса, ликвидация разрухи в хозяйстве, своевременный созыв учредительного собрания...» (Председательствовал тов. Свидерский).

Телеграмма Петроградск. совета о захвате власти в свои руки—с одной стороны, и с другой—ответная, приветственная телеграмма уфимского совета вызывает в уездах крупные движения. Не будучи в состоянии предпринять что-либо, контрреволюция злобно шипит, как придавленная пятой змея. Например, президиум стерлитамакского комитета «обществен. организации» на заседании своем от 27 и 30 октября, рассматривая вышеприведенные телеграммы, покрывает большевиков потоком всевозможной брани, не останавливаясь, даже перед привлечением к судебной ответственности членов совета распространяющих экземпляры телеграмм. А также лица, как Верещагин, Кречетов и др. предлагают не подчиняться власти большевиков, а всеми силами оказывать поддержку Временному правительству.

На том же заседании оглашается телеграмма уфимского губернского комиссара Временного правительства, где последний предписывает, чтобы сообщениями по поводу выступления большевиков не вызывались беспорядки. Участвовавший на этом заседании в качестве представителя Уфимского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов известный тов. Чеверев, громко заявляет, что «власть в г. Уфе перешла в руки советов. Не верьте, граждане, телеграммам из «Петрограда» о подавлении большевистского восстания. Необходимо целиком и полностью присоединиться к большевикам, необходимо их признать. Да здравствует переход власти к советам! Да здравствуют советы!».

На собрании снова возбуждение... В результате, принимается резолюция, трактующая о выступлении большевиков, как о бунте. Резолюция гласит: «клеймя позорное выступление большевиков, забывших переживаемое страной тяжелое положение, комитет «обществен. организации» еще раз заявляет о своем полном доверии Временному правительству и из'являет готовность оказывать ему полную поддержку».

28 октября исполком уфимского совета в контакте с другими общественными организациями об'являет свое историческое воззвание, где после сообщения о переходе власти в руки пролетариата в гор. Петрограде говорится следующее:

«Граждане!.. Действуя в контакте с революционной демократией Петрограда, Уфимский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов вместе (по соглашению) с уфимским мусульманским военным Шуро и представителями местного железно-дорожного комитета, в целях защиты революционных завоеваний населения, правильного разрешения выдвинутых революцией вопросов и пресечения возможных контрреволюционных выступлений, постановил: *власть в городе и губернии захватить в свои руки*». Кроме того, тут же сообщается об организации *Губернского Революционного Комитета* в составе т.т. Свидерского, Брюханова, Цюрупы, Юрьева, Штейнберга, Евлампиева.

Осуществление перехода власти из рук буржуазии в руки пролетариата в Уфе, однако, не означало еще полного и окончательного перехода власти к советам в губернии.

Начинают удаляться из советов контрреволюционные элементы и на местах советы везде усиливают свое наступательное движение против буржуазии. Например, 11 ноября Юрюзанский волостной совет выносит постановление о подчинении Юрюзанского завода под свой контроль. 20 ноября из Златоуста получается телеграмма следующего содержания:

«Меньшевики оставили совет, мотивы письмом. Комитет большевиков». 20 ноября «совет С'езда Уральских горнопромышленников» (организация заводчиков) об'являет протест против установления Ревкомом рабочего контроля над горной промышленностью. Горнопромышленники заявляют, что: «установление рабочего контроля... является ограничением прав хозяев (владельцев заводов), разрушением промышленности, противоречит основам современного экономического строя. Поэтому Симский Округ горной промышленности ни в коем случае не согласится с данным действием Ревкома».

30 ноября уфимский губернский комиссар Временного правительства Гусельников по приказу Временного Революционного Комитета подвергается домашнему аресту и даст подписку о невыезде впредь до особого распоряжения Ревкома.

Протокол № 1 от 6 декабря 1917 года. Избирается новый состав Президиума Военно-Революционного Комитета. Это уже настоящий Ревком. В нем уже нет ни одного из прислужников буржуазии. Этот Ревком является органом той действительной власти в бывшей Уфимской губернии, которая именно отвечает требованиям и чаяниям пролетариата, осуществляет его диктатуру и которая действительно отображает стремления пролетариата. Он является органом диктатуры пролетариата. Избираются: председатель Ревкома—Свидерский, его товарищем—Милков; секретарем—Эльцин, его товарищем—Большаков. На том же заседании поручается комиссарам создать у себя коллегии в составе 5 человек.

7 декабря (протокол № 2) принимается разработанная декларация, где об'является об организации власти в губернии, переходе всех земельных имуществ в распоряжение земельных комитетов, установлении в промышленности рабочего контроля и т. п. В том же протоколе мы читаем постановление об издании губернского административного органа на русском и татарском языках. Национализируются типографии, бумажный фонд и т. п.

Далее по всей губернии начинается кипучая революционная работа[1]). Создаются соответствующие отделы Ревкома, в том числе татарский и башкирский комиссариаты, которые также приступают к напряженной деятельности.

18 декабря, согласно телеграммы Совета Народных Комиссаров из Петрограда, конфискуется имущество, принадлежавшее Симскому Горнопромышленному Округу. А также повсеместно начинает проводиться национализация крупных промышленных предприятий.

С декабря месяца 1918 года начинаются различные контрреволюционные выступления, которые означали начало гражданской войны. Наиболее крупным по Уфимской губернии из этих восстаний является восстание генерала Дутова, которое требовало организации всех революционных сил против контрреволюционных вооруженных выступлений казачьих генералов, к которым примыкали различные контрреволюционные пройдохи старой царской России всех национальностей. Восстание, или, вернее, борьба с Дутовым шла с перерывами в различных местностях на границе и внутри бывшей Уфимской губернии и в местностях, граничащих с Оренбургской губернией.

Положение рабочего класса после Февральской революции.

Все имеющиеся данные определенно говорят, что эксплоатация рабочего класса, достигшая в предреволюционные годы небывалых размеров, продолжала усиливаться и в послефевральские дни, что не могло не влиять на усиление рабочего движения в нашем крае. Рабочий класс, терпевший невзгоды времен реакции и империалистической войны, не мог дальше выносить продолжавшегося тяжелого положения. Рабочие стали организовываться и оказывать организованное сопротивление капиталистическому наступлению, окрашенному «защитой отечества» после Февральской революции.

---

1) Таблица организации советов в бывшей Уфимской губернии из ст. К. Гирфанова. (Таблицу см. на стр. 132).

№№ по порядку	Наименование уездов	Общее число волост. (по данным 1924 г.)	Число волостей, давших анкеты	Время организ. советов		Состав избирателей			Партийный состав советов				Число волостей, где организов. сельск. советы	Численность населения в волостях, заполнивших анкеты
				В течение 1917 года	С 1 января 1918 г. по июнь	При участии всего насел. вообще	При участии лишь бедноты	Избрано прол. и профсоюз	Большевики	Левые эсеры	Беспартийные	ВСЕГО		
1	Волостные советы Уфимск. уезда:													
	1. Крест. волости	31	18	2	16	10	3	1	38	132	378	548	11	250840
	2. Завод. районы	5	2	2	—	—	—	2	87	—	37	124	2	10097
	Всего по Уфимск. уезду	36	20	4	16	10	3	3	125	132	415	672	13	260937
2	Волостн. советы Белебеев. уезда	40	22	—	22	22	—	—	75	19	1022	1116	18	549409
3	Волостн. сов. Бирск. уезда	40	22	1	21	14	6	—	6	—	781	787	15	286523
4	Волостн. сов. Злат. уезда.													
	1. Крест. волости	25	15	—	15	7	3	3	206	142	144	582	11	220522
	2. Завод. районы	4	1	1	—	—	—	1	—	—	45	45	—	4500
	Всего по Злат. уезду	29	16	1	15	7	3	4	296	142	189	626	11	225022
5	Вол. сов. Мензел. уезда	31	17	1	16	9	—	5	22	43	591	656	15	261387
6	Вол. сов. Стерл. уезд	34	19	3	16	16	—	2	230	35	832	1097	18	207742
7	Сов. пром. зав. район Уфимск. губ.	—	6	3	3	—	—	6	196	48	98	342	2	139362
	Итого вол. сов. по Уф. губ.	210	122	13	109	72	13	20	950	419	3928	5297	82	1930382

Особой остроты эксплоатация рабочих в дооктябрьские дни достигла в мелких предприятиях в Уфе. Так, в прачечных и красильных заведениях рабочий день оставался 12-часовым, заработная же плата колебалась от 80 коп. до 1 рубля. При дороговизне в средине 1917 года 80 коп. и рубль были грошами, которые не обеспечивали даже полуголодного существования рабочего. Газета «Вперед» в апреле-мае, указывая на возрастающую эксплоатацию женского труда и подростков, приводила ряд примеров. Некоторые из них мы приводим здесь.

«Работницы гильзовой фабрики Рискина,—писала газета,—жалуются на тяжелое положение труда, на фабрике работает до 20 человек, зарплата колеблется от 10 до 28 рублей в месяц в исключительных случаях. Работают с 7 часов утра до 7 вечера».

Второй пример: «хозяйка портновского магазина Володина, повысив цены на изделия на 120-150% против уровня предыдущих лет, заработную же плату оставляет на довоенном уровне. Рабочий день продолжается с раннего утра до позднего вечера».

Теперь перейдем к тому, как капиталисты укрепляли свои позиции в борьбе с рабочим классом. В первые же дни после свержения самодержавия наши доморощенные заводчики и купцы, по примеру крупных городов, организовали свой исполнительный орган в лице комитета торгово-промышленного союза. Здесь они сосредотачивали свой оперативный штаб, отсюда давали руководство всем распыленным предприятиям. Если рабочие шли за защитой в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, то предприниматель заручался поддержкой торгово-промышленного комитета, где участвовали эсеры. В этот период комитет организованно развил агитационную работу в пользу защиты отечества и «революции» (буржуазной).

Буржуазия своей агитацией распространяла всякого рода клевету по отношению рабочего класса и большевиков.

С 6 октября, например, на собрании рабочих предприятий «Земгора» зачитывается отношение комитета «Земгора», в котором указывается на понижение производительности труда, на порчу материалов и т. д., и об'ясняется это невнимательностью и непониманием рабочим классом своего долга по отношению к отечеству и «революции». Рабочие ясно понимали клевету буржуазии, они ответили, что производительность труда, напротив, растет и напрасной траты материалов нет, а все это есть мошенническое клеветничество капиталистов.

В эти же дни на заводе Гутмана была инсценирована кража материалов. 8 октября из цехов оказались похищенными приводные ремни. Владельцы тотчас же распустили слух, что ремни похищены рабочими. Между тем, в этот день был праздник и ни одного рабочего на производстве не было.

Третий факт клеветнических обвинений против рабочих относится к пароходству. В данном случае торгово-промышленный комитет с неимоверной наглостью обратился в Совет Р. и С. Депутатов с «ходатайством» о разрешении заменить мастеровых затона «новыми рабочими», мотивируя это тем, что затонцы «не желают» работать. При проверке же оказалось обратное. Рабочие ждали работу, но деловых предложений со стороны владельцев не было. Выяснилось, что последние, помимо оклеветания рабочих, хотели, просто, подобрать в пароходство всех полицейских, оставшихся за бортом, а тем самым организовать свою собственную «гвардию».

Клевета на рабочий класс в дооктябрьские дни была не только уфимским явлением. Всюду, где только были капиталисты, она распространялась ими без всякого зазрения совести.
В. И. Ленин об этом тогда писал:

«В самое последнее время чуть ли не на каждом шагу приходится слышать от фабрикантов, заводчиков, профессоров, бывших кадетских министров, кутлеров и вообще от всякой „чистой публики“ из богатых кварталов города, что рабочие слишком распустились, что они зарабатывают теперь больше хозяев, что они требуют невозможного, что благодаря чрезмерным требованиям рабочих, промышленники должны закрывать свои заводы, фабрики и так далее без конца. Одним словом,—стараются доказать, что в промышленном кризисе и продовольственной разрухе, идущей теперь за этим кризисом, виноваты не хозяева, не те, кто до сих пор и совместно и в полном согласии со старой романовской шайкой и без нее хозяйничали в стране, а те, кто не мог до сих пор не только ничего сделать, но и слова сказать не мог, чтобы за него не поплатиться тюрьмой и другими карами».

Не только Февральская революция, как акт, вызвавший оживление рабочего движения, но и, главным образом, продолжающееся ухудшение экономического положения рабочего класса, и наступление капитала, заставило рабочих с первых же дней после свержения самодержавия заняться вопросом классовой организации. У нас в Уфе первыми, надо считать, поставили вопрос об организации своего профессионального союза—металлисты.

Уже во второй половине марта начинается повсеместное оформление профессиональных союзов и их руководящих органов. В последние десять дней марта по одной только Уфе возникло до 10 союзов—это показывает, насколько быстро росло профессиональное движение и революционное сознание рабочих масс.

Борьба за улучшение экономического положения, борьба за 8-ми часовой рабочий день на территории бывш. Уфимской губернии начинает проводиться с первых же дней Февральской революции. Точнее, она началась во многих случаях даже раньше организации профессиональных союзов. Уже в 20-х числах марта Уфимский Совет Р. и С. Депутатов [2]) стал перед совершившимся фактом введения явочным порядком 8-мичасового рабочего дня по некоторым уфимским предприятиям. По этому поводу он взял тогда такую линию (газета „Вперед“ от 24 марта).

„Местный Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, ставя борьбу за 8-мичасовой рабочий день в программу своей работы, с сегодняшнего дня, стремится ввести в это движение плановость. Исполком рекомендует не вводить 8-мичасового рабочего дня явочным порядком, так как это дробит рабочие силы и дезорганизует рабочее движение, приводя подчас к ненужным осложнениям. Президиум Исполкома вошел по этому вопросу в сношение с местным союзом торговли и промышленности и предлагает по соглашению с союзом провести 8 часовой рабо-

[1]) В. И. Ленин (В. И. Ульянов). Статьи и речи по вопросам профессионального движения», стр. 164.

[2]) Тогда в совете эсеры и меньшевики составляли большинство. Руководство было за ними.

чий день, как в Петрограде, не для отдельных предприятий, а для всех предприятий гор. Уфы".

Как видим, отношение совета к такой кардинальнейшей проблеме классовой борьбы, как 8-часовой рабочий день, не было четким скажем больше, оно не было ленинским, и это вполне понятно, поскольку в первые дни в совете имелось сильное влияние меньшевиков, которые в таких больших вопросах, хотя и щеголяли революционной фразой, но вставали на путь соглашения с буржуазией. Но на этом они и сломали себе шею. Рабочий класс в подавляющем своем большинстве, пошел за большевиками и не откладывал введения 8-часового рабочего дня „до следующего собрания" и „месяца" и „до соглашения с хозяевами".

Хотя нельзя отрицать того, что меньшевистское решение совета по многим предприятиям затянуло разрешение этой задачи, оно все-же дало капиталистам „козырь в руки", которые всеми мерами старались не допускать сокращения рабочего дня. С другой стороны, и отдельные группы рабочих, неискушенные в тонкостях политики, были введены меньшевиками в заблуждение. Например, кожевники предприятий «Земгора» вынесли такое постановление:

> «Признавая введение 8-часового рабочего дня обязательным, время введения не определять до разрешения порядка введения Советом Рабочих и Солдатских Депутатов».

Но все-таки большинство рабочих стояли за немедленное введение 8-часового рабочего дня, т. е. стояли по основному вопросу на большевистской платформе.

Пред'явление экономических требований, как мы уже говорили, началось на многих предприятиях с первых же дней революции и до организации рабочих в профсоюзы.

На Богоявленском стекольном заводе, например, экономические требования (о повышении заработной платы) были пред'явлены еще в феврале месяце (26 числа). Рабочие депо поставили этот вопрос тоже до организации своего комитета.

В марте же месяце пред'являются требования о повышении заработной платы и расценок рабочими предприятия „Земгора", деревообделочников и другими.

Печатники типографии Шаровкина пред'явили их в начале апреля, а в конце этого месяца «Общество Графических Искусств» вырабатывает уже колдоговор, которым охватывает все требования рабочих.

Позднее (6 мая) требуют повышения заработной платы и улучшения условий труда фармацевты городских аптек.

С 13 мая начинаются стачки в прачечных: сначала прачечники бросили работу из-за увольнения владельцем Зугманом передовой работницы, но вскоре же пред'являют ряд других экономических требований.

31 мая выступают с требованиями об увеличении заработной платы рабочие лесопилки Некрасова.

4 июня выступают служащие столовых и ресторанов и т. д.

Сопротивление капиталистов до самого момента национализации средств производства было чрезвычайно упорным. В первые дни капиталисты, обычно, пускали «крокодиловые слезы» о плохих временах, а затем переходили к прямым отказам удовлетворить требования рабочих, одновременно распуская клевету о падении производи-

тельности труда и о прочих «погрешностях», со стороны рабочих. А когда ни то, ни другое не помогало, просто заменяли рабочих дешевыми рабочими руками: военнопленными, женщинами и подростками, угрожали саботажем, т. е. закрытием своих предприятий.

Наиболее упорно сопротивлялись владельцы лесопильных заводов. Более 7 месяцев они под разными предлогами увертывались от повышения заработной платы.

Выведенные из терпения рабочие в октябре заявили:

— Если к 10-му не выполните требования, пред'явленные союзом, мы забастуем.

Так и вышло—деревообделочники 10 октября прекратили работы и вынудили капиталистов пойти на уступку—победа была за рабочими.

Хозяева полиграфической промышленности при заключении колдоговора охотно принимали пункты, обязывающие рабочих, а пункты, касающиеся их, опротестовывали до потери сознания, чем затягивали проведение в жизнь колдоговоров и довели своим поведением рабочих до стачки, которая вспыхнула 6 сентября.

А некоторые приняли другой ход. Например, Пельц (владелец большой прачечной) на собрании рабочих согласился удовлетворить их требования, а когда дошло до дела, то просто выбросил наиболее активных работниц. Многие же из хозяйчиков: Зугман (владелец прачечной), Володина (хозяйка портновской мастерской) поступали прямее: немедленно увольняли своих рабочих.

Активизирующие условия день за днем росли.

Говоря о рабочем движении в 17 году, нельзя обойти молчанием вопроса о том, чье влияние имелось в то время в рабочем движении.

В этом отношении, в первые дни, в рабочем движении бывш. Уфимской губернии не все обстояло благополучно. И эсеры и меньшевики в союзных органах, за исключением отдельных союзов (металлисты), имели большинство и это большинство по отдельным вопросам не раз подпускало политический туман, оказывая прямое содействие торгово-промышленному союзу капиталистов.

Лучшим показателем соглашательской политики могут служить постановления собраний: строителей (16 апреля) и рабочих Алафузовской фабрики (15 апреля). Те и другие, высказавшись за необходимость участия в праздновании первого мая, постановили отработать этот день в ближайшее воскресенье. Это постановление ясно было подсказано меньшевиками, ибо большевики Петрограда уже опубликовали в «Правде» свою точку зрения, которая сводилась к тому, что никаких отработок быть не должно.

Второй факт относится непосредственно к Совету Профсоюзов, который в своем заседании от 2 сентября, заслушав телеграмму министра Скобелева о текущем моменте, принимает резолюцию о поддержке временного правительства (!). Правда, в этой же резолюции совет высказался и за поддержку Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, но могло ли это двурушничество быть актом большевистской политики, особенно накануне Октября. Конечно, нет.

Это для первой стадии профессионального движения после Февральской революции было явлением временным и с ростом классового самосознания изживалось. Борьба за рабочий контроль над производством и организация красной гвардии целиком подтвердили это.

Влияние оппортунистических, соглашательских партий, имевшееся в рабочем движении в начале Февральской революции и в первой половине 17-го года, мешало более быстрому развитию классового сознания рабочих, но дальнейшие противоречия ускоряли процесс революционизирования рабочих масс. Линия меньшевиков, эсеров в отношении введения 8-часового рабочего дня, в отношении отработки дня первого мая и вся их соглашательская тактика вскоре же показала рабочим, что они идут рука об руку с капиталистами.

Окончательный же отход рабочих у нас от оппортунистов-соглашателей произошел, как и всюду, в сентябре месяце, когда председатель первого состава ВЦСПС меньшевик Гриневич вынужден был уйти в отставку из-за того, что меньшевистская линия получила почти всеобщее поражение.

В Уфе толчком к резкому изменению политики послужил погром 12 сентября, происшедший на почве недостатка продуктов первой необходимости. Большевики, воспользовавшись этим случаем, поставили вопрос о форсировании подготовки профессиональных союзов к последней схватке с капиталом, а отсюда к решительному отмежеванию их от оппортунистов-соглашателей.

14 сентября Совет Профсоюзов выносит постановление об исключении из союзов участников погрома и об организации первого отряда Красной Гвардии—Уфимской Рабочей Дружины.

Профсоюзы на призыв своего политического центра откликнулись немедленно, началась вербовка рабочих в дружину (к 21 сентября записалось уже 100 человек), а по предприятиям покатилась волна протестов против действий погромщиков.

В это же время начинается в городе и подготовительная кампания к выборам в учредительное собрание, которая у железнодорожников совпала с отчетами делегатов дорожного с'езда.

11 октября состоялось собрание у кондукторов ст. Уфа, где была принята первая резолюция о передаче всей полноты власти советам.

Позднее (с 17 октября) на собраниях, уже посвященных вопросу об учредительном собрании, на многих предприятиях рабочие и служащие выносили постановления об отдаче своих голосов большевикам.

Такое постановление вынесли: рабочие завода Гутмана, служащие Товарной Конторы, рабочие Стерлитамака, деревообделочники (в числе 500 человек) и др. союзы.

В общем уфимцы к захвату власти были подготовлены вполне и весть об Октябре вызвала в производственных союзах только удовлетворение.

Одна из последних попыток меньшевиков протащить на митинге железнодорожников (27 ноября) резолюцию «вся власть учредительному собранию» провалилась с треском. Железняки сказали:

Да здравствует власть Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов. [1])

Татаро-башкирская буржуазия и Февраль.

После буржуазной Февральской революции (1917 г.) веками угнетавшиеся и эксплоатировавшиеся „старым режимом“ национально-

[1]) Гуран. „Рабоч. движение в бывш. Уфимской губернии“.

сти России впервые почувствовали в себе силу и ринулись в бой с угнетателями. „Ликвидация национального гнета"—таков был основной лозунг движения. Окраины России мигом покрылись „общенациональными учреждениями". Во главе движения шла национальная буржуазная интеллигенция. Так было и в Башкирии, где национальная татарская и башкирская буржуазия, кулачество и буржуазная интеллигенция в первые дни Февральской революции охотно перешли на сторону революции и возглавляли движение. Издававшаяся еще до революции в Уфе на средства одного татарского миллионера Усманова газета «Турмуш» в передовой статье от 1 марта писала:

„Так беспощадно давившая в своих когтях население России и нас, мусульман, упившаяся нашей кровью, ядовитая сила, гнетущего ига, наконец, разрушилась. Мучившая нас в течение веков духовными и нравственными, превышающими адские страдания, муками, злобная сила, слава богу, отправилась в геену. Бросившая под ноги самые священные факторы, как религию и нацию, давя и растаптывая их, надругавшись над ними она, эта ядовитая сила, в дальнейшем уже не сумеет снова поднять голову. Солнце свободы засияло теперь и Россия, бог даст, вместе со всем российским народом, и верноподданные России 25 миллионов мусульман наравне будут пользоваться (воспользуются) этим солнцем свободы. Да здравствует свобода!" [1])

Следует тут-же оговориться, что на ряду с этой, по крайней мере, искренней радостью, внушенной падением царизма со стороны отдельных слоев мусульманской буржуазии, особенно элементов феодализма, дворян, помещиков, наблюдалась явная оппозиция к Февралю и неприкрытая симпатия к свергнутому строю. Вышеупомянутая газета „Турмуш", например, передает следующую речь, произнесенную одним татарским деятелем на первом митинге, созванном после Февральской революции специально для мусульман городы Уфы:

«Смещенный с поста губернатор, получив известие о том, что престол Николая начинает расшатываться, пригласил к себе членов духовного управления и просил их срочно оповестить мусульманское население о текущем моменте и издать от себя по этому поводу обращение к населению. Кази (члены духовного управления) согласились и обращение это написали. Приведенная в конце обращения выдержка из корана: «твердо выполнить принятую вами присягу,—иначе вы ответите перед богом» достаточно ясно свидетельствует о том, что обращение призывало мусульман к защите старой власти. Обращение это было передано уже в типографию муфтия для отпечатания, но лишь вследствие того, что революционные события меняются слишком быстро, оно осталось неотпечатанным и нераспространенным. Вообще то обстоятельство, что некоторые из членов духовного управления переписывались с некоторыми муллами из черной сотни в сельских местностях, и подобные факты ясно показывают, что духовное управление в эти дни пыталось принять зависящие от него меры, чтобы спасти монархию... Но было уже поздно. Революция делает свое дело: и монархию, и ее опору

[1]) Г. Касымов. „В дни революции".

она сваливает, сметает с основания и уносит в своих могучих волнах навсегда».

Мусульманская[1]) буржуазия, уже давно ставшая во главе татарской и башкирской общественности, как экономически, так и политически, после Февральской революции пыталась взять крестьянское движение в свои руки. Естественно, также пыталась она всеми силами затушевывать неустраняемые противоречия между беднейшим крестьянством и буржуазией. Цель местной национальной буржуазии сводилась к ослаблению классового чутья рабочих и беднейших крестьян, об'единению их вокруг национальных лозунгов.

Эта же буржуазная газета «Турмуш» в одной из своих статей, посвященных раз'яснению задач, поставленных революцией перед башкирским и татарским населением, писала:

«В условиях этих важных событий момента и на российских мусульман на ряду с нашими соотечественниками возлагаются весьма большие задачи. Наше первое дело—отбросить в сторону споры между консерваторами и новаторами и правых и левых и об'единиться всей нации в одну душу, в одно тело. Действуя лишь об'единившись, мы, таким образом, полностью выполним возложенные на нас в такой важный, как теперь, момент историей задачи».

«Под этими же глубоко лицемерными лозунгами—«в одну душу», в «одно тело»,—пишет Г. К.,—в первые же дни Февральской революции проводится множество собраний, с'ездов и митингов. Под этим же лозунгом начинаются создаваться национальные организации».

Из таких организаций, возникших среди татар и башкир, бывшей Уфимской губернии, после Февральской революции первой явился «Комитет распространения среди мусульман идей гражданства». Деятельность этого комитета заключалась в популяризации необходимой буржуазии национальной идеи. В течение нескольких дней этот комитет покрывает своими филиалами не только уездные города, но и много других населенных пунктов губернии. Буржуазия местная старалась всеми силами создать «мир» между национальной буржуазией, национальными рабочими и национальным крестьянством всех слоев. Однако, мир после Февральской революции продолжаться дальше не мог. Также и в нашем крае вступил в свои права классовый антагонизм. В порядок дня все более повелительно ставятся такие коренные проблемы, как аграрный вопрос, отношение к войне и улучшение материального положения рабочего класса. День ото дня теряя почву, лозунги „в одну душу“, „в одно ело“ становятся более ясными как политические ширмы национальной буржуазии.

Не прошло несколько недель после революции, как внутри наций появилась сильнейшая оппозиция, выступившая против «великих» национальных лозунгов. Возникла новая партия, которая возглавляла определенные слои башкирского и татарского населения. Например, партия татарских социалистов-революционеров олицетворяла интересы татарской мелкой буржуазии города и деревни, ко второй половине 1917 года возникла группа татаро-башкирских большеви-

[1]) Тогда татары и башкиры назывались так.

ков, которая работала вместе с русскими большевиками. Татаро-башкирские эсеры тогда имели большое влияние на мелко-буржуазные массы татар и башкир. Эта партия являлась оппозицией против правых, являясь левым крылом того же национального буржуазно-демократического фронта. Ее программа ни в какой мере не была программой пролетарской борьбы.

С 13 по 17 апреля 1917 года происходил губернский с'езд мусульман в гор. Уфе. Борьба правых и левых к этому с'езду приобретала уже острые формы. По ряду вопросов, рассмотренных с'ездом, оппозиция, представлявшая чисто мелко-буржуазные группы, решительно выступала против правого крыла национальной буржуазии. Особенно интересна полемика по одному из самых спорных, бьющих и мелкую буржуазию вопросов повестки дня, было отношение к войне. Вот что писала по этому поводу газета «Ирек»—орган татаро-башкирской мелкой буржуазии:

> «Одним из вопросов, вызвавших самые оживленные (горячие) споры на губернском с'езде был, несомнено, вопрос об отношении к войне. Мнение «Комитета распространения идей гражданства» (т. е. правых) по этому вопросу, сводясь к тому, чтобы присоединиться к постановлениям Петроградского с'езда рабочих и солдатских депутатов заключалось в призыве к признанию необходимости дальнейшего продолжения войны во имя сохранения завоеваний революции. От имени левых против этого выступает т. Ибрагимов, который, доказывая что для рабочих и крестьян никаких выгод от войны ни в коем случае не получится, что в случае продолжения войны родине и революции угрожает опасность (ибо) государство охвачено разрухой (нищетой), что население дальше не в состоянии выносить этого, что с точки зрения национальных интересов продолжение войны в течение одного дня, одного часа означает гибель нескольких тысяч тюрко-татарских юношей, призывает людей смотреть открытыми глазами (т. е. быть бдительными) и вносит предложение, что постановление с'езда по этому поводу должно заключаться в выражении: «Долой войну!» Большинство участников с'езда безусловно было того же мнения. Но тем не менее благодаря ловкому маневру президиума, с которым он провел постановление, эти пожелания не могли вылиться в форму постановления данного с'езда.

Вторым также спорным вопросом после Февральской революции являлся вопрос об автономии. История этого вопроса берет свое начало от Всероссийского Мусульманского С'езда, происходившего вслед за свержением монархии. С'езд происходил в Москве. Правое крыло татарской национальной буржуазии на этом с'езде выступало в защиту унитаризма, яростно отбиваясь от лозунга федерации, защищавшегося левой группой татарской буржуазии во главе с социалистами революционерами и башкирскими автономистами. После с'езда, не решаясь уже ратовать открыто за унитаризм, правая группа прибегла к новому маневру, она выбросила лозунг—«Национально-культурная автономия», она яростно начала выступать против сторонников федерации. В условиях нашего края это, прежде всего, вело к борьбе татарской национальной буржуазии, против башкир, которые всеми силами поддерживали национальную автономию.

Представители башкир на московском с'езде выступали с решительным требованием национальной автономии другим национальностям и башкирам. Татарская буржуазия усматривала в этом движении удар по единству «великой тюрко-татарской нации». Она открыла против башкирского движения и его сторонников отвратительнейшую по своим методам агитационную кампанию. После этого (московского с'езда) буржуазно-демократические элементы башкирской и татарской наций до этого имевшие единый оборонительный фронт перед русским царизмом раскололись.

ГЛАВА XIV.

Независимое Башкирское национальное движение.

Февральская революция снова пробудила в массах башкирского крестьянства активность и стремление к организации. Наконец, все это приняло характер национального движения. Естественно, что основными требованиями были ликвидация национального гнета, прекращение дальнейшей колонизации, сохранение за собой земель и создание национальной культуры. Но это движение среди башкир в первые дни Февральской революции начинается под общим руководством «тюрко-татаристов». Буржуазно-демократические элементы башкирской и татарской нации, составлявшие единый оборонительный фронт перед русским царизмом, несколько месяцев и после Февральской революции сохраняли это единство «тюрко-татаризма» в движении.

Когда царское правительство и его чиновники были заменены временным правительством (и на местах его комиссарами), уже к апрелю месяцу 1917 года единство движения татарской и башкирской демократической националистической буржуазии кончается расхождением, ибо грубо проводящий свою угнетательскую политику царизм перестал существовать, а временное буржуазное империалистическое правительство еще не окрепло. Это обстоятельство привело к тому, что башкирские буржуазные элементы деревни дальше в своих союзниках («буржуазных татаро-тюркистах») не нуждались. Это явление было вполне естественно, так-как растущая татарская буржуазия смотрела на башкирский народ также, как на низшую расу, как на об'ект для своей торговли. Она частенько игнорировала башкир и в отношениях всячески издевалась над ними. Такое отношение к башкирам не могло не отражаться и среди мелко-буржуазной части татарской интеллигенции, зараженной идеей «пан-татаризма». Вот почему скоро было подорвано «единство тюрко-татаризма».

Буржуазные (башкирские) элементы деревни, во главе с мелкобуржуазной молодой интеллигенцией, стали об'единяться под флагом «независимой Башкирской автономии». И веками угнетенные башкирские трудовые крестьяне к этому лозунгу относились положительно, видя в этом свое освобождение от всякого вида угнетения. Имея поддержку со стороны башкирского крестьянства, башкирские буржуазные националисты еще смелее, еще определеннее стали вести пропаганду за «самостоятельность» башкир. Уже к маю месяцу 1917 года в Стерлитамакском

уезде в «Уршакминском» районе созывается башкирский с'езд из представителей 24-х башкирских деревень. Организуется «Комитет действия башкир-вотчинников». Вырабатываются самостоятельные национальные лозунги и были разработаны особые наказы для делегатов, на мусульманский с'езд в Москву.

Такое движение среди башкир имело место в это время почти во всех районах нынешней Башкирии. Этот момент определенно можно считать моментом начала национального движения башкир в период Февральской революции 1917 года. Среди лозунгов этого движения особенно ярко выделялись: требование о возвращении ранее беззаконно и насильственно отобранных башкирских дач, земель и лугов помещиками, царскими чиновниками и казной. Требование о том, чтобы уничтожить кабальные, навязанные ростовщиками башкирам, земельные сделки и передачи их своим подлинным владельцам. Требование о прекращении хищнической колонизации Башкирии, наконец — «независимая автономия».

Московский с'езд мусульман открылся в мае. На с'езде башкирские делегаты выдвинули вопрос о рассмотрении с'ездом требований башкир и о поддержке их, главным образом, по вопросу о земле и о независимости башкир. С'езд отказался от обсуждения этого вопроса, считая, что это касается исключительно башкир.

Причина такого отношения к башкирским требованиям была, главным образом, та, что с'езд происходил под гегемонией татарской торговой буржуазии, которая всей душой была против самостоятельного выступления башкир и башкирской независимости. Представители татарского торгового капитала добились своего и с'езд полностью игнорировал требование башкир.

После этого башкирские делегаты московского мусульманского с'езда с приездом обратно в Башкирию в июне месяце 1917 года в г. Оренбурге организуют «Бюро союза башкирского народа» и этим башкирское национальное движение получило свое официальное организационное оформление. Необходимо отметить, что в то же время во главе движения стали муллы, богатеи и мелко-буржуазная интеллигенция, как более культурная и экономически сильная часть населения.

Национальное движение и „Союз башкирского народа".

Организованное, после мусульманского московского с'езда в июне 1917 года, временное бюро «Союза башкирского народа» приступает к организации башкир вокруг «национальных лозунгов» и готовится к созыву всебашкирского с'езда. Бюро издает свое воззвание[1]) ко всем башкирам. Воззвание гласит следующее:

«Уважаемые братья башкиры!

«После совершившегося в государстве переворота и свободы, различные национальности Великой России с большим стремлением и энергией приступили к делу подготовки целесообразных и полезных для себя, своей новой жизни в будущем путей. Со дня переворота и до настоящего времени происходило несколько общих собраний различных национальностей, населяющих Россию. Естественно, что каждая из них заботилась лишь о своей жизни, о своем будущем. Эти действия — эти волнения возбудили и нас. Башкирские представители на общемусульманском с'езде,

[1]) Воззвание напечатано в газете „Вакт" № 222 от 19 мая 1917 года.

избранные от двух миллионов башкир, постановили созвать всебашкирский с'езд.

«Это вызвано тем, что 58 представителей, избранных от башкир (населенных в губерниях: Уфимской, Оренбургской, Пермской, Вятской и Самарской), имеют в своих наказах, кроме изложения своих взглядов и отношений к вопросам, стоящим в повестке дня с'езда, еще другие особые пожелания, одинаково специфические для башкир, хотя последние и живут в различных губерниях.

«Население, именуемое башкирами, повсеместно желает обратного возвращения ему тех земель, которые составляли ранее собственность башкир и ныне находятся в распоряжении разных ведомств, для передачи которым они были несправедливо отобраны путем насилия, обмана и под предлогами давности и др. Излагая, что от башкир собраны миллионные средства под предлогом расходования их на просвещение и на черный день и что эти средства им не выдаются, хотя на них возведены постройки, школы, пансионы и установлены стипендии, но последними башкиры до сего времени не могли пользоваться, теперь они желают пользоваться этими средствами.

«Даже старым правительством (времени Ивана Грозного) признано и подтверждено, что эти земли составляют их святую собственность, а отнюдь не дарственные и что на них башкиры живут с самого начала истории (испокон веков).

«Поэтому, заявляют они (башкиры), ни в коем случае мы не согласны передавать наши земли другим. По этим специально башкирским вопросам состоялся продолжительный обмен мнений и все-таки вопрос о внесении их на рассмотрение общего с'езда не был разрешен положительно, в результате чего башкирские представители избрали из своей среды особую комиссию, которой и передали все эти вопросы.

«Башкирская комиссия» имела переговоры по этим вопросам с членами президиума общего с'езда и с президиумом аграрной секции и отдельными членами президиума секции, рассматривающей доклады, отношения и взгляды которых оказались не соответствующими интересам башкир, и, во-вторых, в виду того, что эти вопросы являются исключительно и специально башкирскими, комиссия нашла необходимым созвать особый башкирский областной с'езд, о чем и доложила всем башкирским представителям.

«Наши представители единогласно приняли это решение и, по обсуждении вопроса о времени, месте и целях этого с'езда, постановили созвать последний 20 июня (1917 года) в гор. Оренбурге и, если представится возможным в помещении «Краван-Сарая». Тут же было избрано бюро по подготовке к с'езду в составе трех человек. Если эти трое не смогут успевать, то им предоставлено право кооптировать себе на помощь до 10 человек. Расходы на с'езд и бюро, а также жалованье членам бюро обеспечивается нами — общебашкирским населением. На эти расходы постановлено взимать по пятьдесят рублей от каждого представителя. Также нашли необходимым установить норму представительства двух делегатов от каждой волости (Бюро)».

Эта декларация дала форму и организованность национального движения. После этой декларации временное бюро «Союза башкирского народа» отправляет своих представителей во все губернии, где живут башкиры, для подготовки с'езда.

Необходимо отметить, что и бюро и организация с'ездов были уже в это время в руках представителей деревенской башкирской буржуазии.

Они во всех своих действиях исходили, главным образом, с точки зрения интересов башкирской буржуазной верхушки. Во главе движения везде и всюду стали муллы, богатеи и мелко-буржуазная интеллигенция, как более культурная часть башкирского населения; ими уже к 1-му августа (по нов. стилю) был организован «Центральный Башкирский Совет», руководимый компанией Валидова. «Низкий уровень экономического и культурного развития башкирского народа обуславливали незначительность классового самосознания бедняцкой массы, ограничившейся в этот период общими лозунгами национального освобождения».

Политика временного русского буржуазного правительства (после Февральской революции) и местной буржуазии обеих национальностей была направлена к всемерному обострению национальной вражды, вопреки общим классовым интересам трудовых крестьян обеих национальностей, — это делалось с целью отвлечь внимание маломощного крестьянства от действительных врагов внутри своей нации. Башкирские мелкобуржуазные национал-автономисты использовали все силы и средства для того, чтобы сплачивать башкирское население вокруг лозунгов «национальной автономии» и «национальной культуры», опираясь, главным образом, на духовенство, кулачество и вообще зажиточную часть деревни. За ними шло и остальное крестьянское большинство. Это было тогда естественно, так-как национальное угнетение пало больше всего на низы. Поэтому движение охватило в это время широкие башкирские массы, приняв характер общенационального освободительного движения. И это движение было направлено не только против русского империалистического буржуазного правительства, но оно было направлено и против татарской буржуазии, которая хотела сделать Башкирию неделимой частью «великой тюрко-татарской империи».

Башкирское крестьянское большинство участвовало в движении, имея в виду самосохранение от произвольного национального гнета, обеспечение себя от вымирания, от всякого издевательства старых русских буржуазных чиновников и сохранение земли; башкирская деревенская буржуазия во главе с интеллигенцией боролась за национальную культуру, за самостоятельную эксплоатацию богатств Башкирии и башкирского крестьянства, за власть, за гегемонию. Цели были разные. Но общий национальный гнет, который шел со стороны русского царизма, и продолженный временным правительством и колонизаторское стремление татарской буржуазии временно об'единяло эти силы.

Так были завязаны основные узлы национального движения в период господства русского временного империалистического правительства.

В условиях политической обстановки того момента, при том культурно-хозяйственном уровне, на котором находилась башкирская крестьянская масса, при полном отсутствии башкирского промышленного пролетариата, вполне естественным было то, что руководство башкирским движением оказалось в руках мелко-буржуазной интеллигенции, духовенства и кулацкой части башкирского крестьянства, которые образовали «Союз башкирского народа».

Как отмечается в тезисах Башобкома по нац. движению, этот период характеризуется обострением национального антагонизма. Настроения того периода получили свое отражение в постановлениях 1-го областного с'езда 1917 года по вопросам национальной автономии и земельной колонизации Башкирии.

«Завоевание башкирским народом своих прав на политическое существование в том и должно заключаться, что оно отныне не будет слу-

жить игрушкой разных беззастенчивых политико-экономических авантюр, а, наоборот, сделавшись полным хозяином в своей собственной родной земле, кормившей и поившей его предков с незапамятных времен, свободно разовьется в культурно-политическом отношении, сохранит без всякого вмешательства извне свою духовную ценность, возьмет свои дела в свои руки и прекратит вселение в Башкирию опасных для его существования элементов».

Так, в общей форме, определяет резолюция 1-го областного с'езда (19 июля ст. ст.) стремление башкир к национальному самоопределению. По вопросу о земельной колонизации 1-м с'ездом, в числе других, были вынесены следующие постановления:

«Все переселенцы, заселившие Башкирию после 20 апреля 1898 г. путем принудительного отчуждения им земли, как результат разных хищнических законоположений и распоряжений царского правительства, должны обмениваться землями с теми из башкир и мусульман, которые оставались вне пределов Башкирии и которые пожелают поселиться в ней. Первыми подвергаются обмену переселившиеся в Башкирию по законам 9-го ноября 1906 г., 14-го ноября 1910 г. и 29 мая 1911 года. Земли, находившиеся в пользовании переселенцев, насильственно захвативших наделы башкир, пользуясь покровительством старого правительства, передаются прежним владельцам башкирам».

Если, с одной стороны, одним из лозунгов башкирского движения было желание сохранить за собой всю землю, — а вначале, также, и желание вернуть значительную часть земель, отошедших в дореволюционный период, — то, с другой стороны, отдельные слои русского крестьянства требовали прирезки земель и крайне враждебно относились к лозунгу: «Башкирия — для башкир».

Кулацкие элементы работали с обеих сторон, стремясь усилить национальный антагонизм. Со стороны русских энергичное участие в раздувании национальной розни (например, в Уфимской и Оренбургской губерниях) принимали земские деятели, члены различных земельных и продовольственных комитетов, националисты — кадеты, эсеры, распространявшие всевозможные провокационные слухи, вплоть до того, что оставшиеся в пределах Башкирии русские будут обращены в башкирскую веру.

Башкирское движение этого периода, хотя и возглавлялось представителями деревенской буржуазии: духовенства и кулачества, также стремившихся к разжиганию национальной розни, и враждебных идеям грядущей Октябрьской революции, все же играло, до известной степени, революционную роль, поскольку оно было направлено против правительства Керенского и усиливало фронт боровшихся с этим правительством.

Группа, руководившая башкирским движением, была недовольна национальной политикой Временного правительства. Это можно видеть из указа (Фарман) № 1 Башкирского Центрального Совета (Шуро), всему башкирскому народу, Башкирским районным и уездным советам, от 11 ноября 1917 года. Следующие строки из «Указа» ясно говорят о причинах этого недовольства:

«Вы, башкиры, возложили на ваш центральный совет слишком тяжелые обязанности. Вы поручили центральному совету восстановить эскадроны, потерянные вами полвека тому назад. С этим вопросом представитель центрального совета заходил в военную часть Керенского. Однако, вопрос не был разрешен. Вы не соглашались с существующим

(административным) делением Башкирии на губернии, уезды и волости и также выражали ваше недовольство земствами, связывающими вас с чужими, где-то далеко расположенными русскими городами. Поэтому вы требовали учреждения на башкирских территориях отдельных районных земств. Через эти последние вы предполагали все свои налоги расходовать на себя и свои нужды и так же продолжить путь к своей территориальной автономии. Ваши представители с этим вопросом посетили министерство Авксентьева, их ходатайство принято не было. Все башкирские земли вы требовали передать в ведение башкирского главного земельного комитета и затем на лесном с'езде вы ставили требование: все лесные богатства передать в ведение того же комитета. Дело это было направлено в министерство Чернова, который оставил его без внимания. Затем вы поручили центральному совету истребование обратно в собственность башкир все имущества и суммы, принадлежавшие ранее башкирам. И с этим вопросом обращались к тем же министрам. Эти вопросы также все откладывались».

Итак, отрицательное отношение правительства Керенского к вопросам башкирской национальной автономии вызвало оппозицию со стороны центрального совета.

«Министры Керенского, — читаем в том же «Указе»,—наряду с другими вопросами любили откладывать на время до созыва Учредительного Собрания и все совершенно бесспорные права отдельных национальностей. Благодаря всему этому, политика правительства Керенского нанесла серьезный ущерб башкирскому делу».

Поэтому, когда под ударами Октябрьской революции, это правительство пало, башкиры не стали на его защиту. Они свою позицию формулировали так:

«Башкиры и башкирские солдаты (войска) ни в коем случае не могут стоять за восстановление правительства Керенского, если бы даже и стояли на одной платформе с другими национальностями в общероссийской политике,—читаем там же, в Указе № 1.—Башкиры, башкирские войска могут и должны стоять за такое правительство, которое признает в полном об'еме права отдельных национальностей и ставит себе целью проводить в России реформы на основе полного признания прав национальностей, однако, способное установить твердую власть и порядок».

Таким образом после того, как пало Временное правительство Керенского, башкирские национал-автономисты, не ожидая национального «сейма» (Курултай) [1]) 15-го ноября (1917 г.) об'являют «башкирскую автономию республикой».

В декабре 1917 г. на 1-м же Курултае, в среде делегатов обнаружились крупные разногласия по вопросу о земельной политике. Курултай разбивается на две части. Одна из них—меньшая—состоящая, главным образом, из представителей бедноты, организовывается под лозунгом уравнения землепользования внутри башкирских обществ, т. е. проведения земельной реформы в интересах башкирского беднейшего крестьянства. Таким образом, правительство Валидова, выступая в защиту земельной собственности и против «разделов земли среди сельского населения», определенно действовало в ущерб интересам крестьянской бедноты.

---

[1]) Национальный Курултай предполагалось созвать 8 декабря. И он был созван в этот день.

Отношение татарской буржуазии к башкирской автономии.

Для ясности в определении отношения татарской национальной буржуазии к башкирскому национальному движению, в частности, автономии, необходимо иллюстрировать события, связанные с Башкирским с'ездом, происходившим в Уфе в 1917 году с 25 по 29 августа. С'езд происходил в Уфе, из представителей башкир Уфимской, Оренбургской, Самарской, Вятской, Пермской губерний.

С'езд поставил перед собой задачу—разрешить основные вопросы, связанные с организацией отдельных башкирских национальных организаций — «Шуро» духовное управление и вопрос о кандидатах на Учредительное собрание. Находившееся в это время также в Уфе управление национально-культурной автономии, которым руководила крупная татарская буржуазия, решило всеми мерами противодействовать всему тому, что хотели проводить в жизнь башкиры. Управление национально-культурной автономии на с'езд посылает особую делегацию в составе: муфтия Галимджана Ель-Баруди, кадета Садри Максутова и Гадия Атласова со специальной миссией призвать башкирских представителей встать на правильный путь и не разрушать «единство мусульман» и не откалываться от братьев своих же татар. Вся эта лицемерная проповедь представителей национально-культурной автономии была последним средством к обузданию башкир и подчинению их под полное влияние татарского торгового капитала.

Как ответили на все это представители башкирского с'езда? С'езд выгоняет их при криках: «Долой, чтобы следов ваших не было дальше!». По этому поводу орган татарской национальной буржуазии в номере 726 пишет следующие строки:

«Небольшая кучка белых костей (подумаешь: сами — «черные кости!»), заразившихся манией стать великими людьми (т.-е. занять высокое положение), проявляет различную инициативу для того, чтобы отделить собратьев наших башкир от общей массы российских тюрков и мусульман, с которыми они веками об'единены под знаменем тюркизма и мусульманства и составляют единую нацию единой крови. Выдвигая сначала вопрос о башкирских землях, башкирских суммах и, наконец, то, что родом (происхождением) своим башкиры отличаются от тюрков внутренней России, они выставляют теперь сладкую иллюзию о необходимости специальной для Башкурдстана территориальной автономии. Начали клеветать, что российские мусульмане в общей своей массе, общественные деятели Уфимской губернии, в частности, не соблюдают интересов собратьев своих—башкир. Инициаторы этого раскольнического движения, вызвав в г. г. Оренбург и Уфу несколько десятков башкир, устроили (провели) сходы (собрания), с'езды. Заражая (возмущая) на этих сходах людей, они на выборы в учредительное собрание выставили (наметили) особый для башкир список, во главу которых себя и записали».

Далее газета заключает:

«Во всяком случае, башкирские авторитеты (уважаемые из башкир), духовенство не допустят этого движения, этой анархии; они не допустят, чтобы об'единенные веками собратья точили друг на друга ножи. Если же, наоборот, положение это и раскол будет продолжаться, то ответственность перед историей падет на этих башкиристов (сторонников обособления башкир)».

Для того, чтобы еще яснее показать идеологию татарской буржуазии и их представителей, мы считаем необходимым привести следующие факты.

Представитель Татарского Национального «Шуро» Гадий Атласов на этом с'езде, обращаясь к башкирам, говорил следующее:

«Уважаемые господа! В Самарской губернии вы составляете очень незначительный процент; мусульман там всего лишь 11 проц., что значит из ста человек 11 составляют мусульмане, остальных—89. Подумайте, господа, при драке в рукопашную даже 89 человек могут побить тех 11 человек. Если это так, то ваши (башкир) претензии на автономию и т. п. являются лишь комедией. До этих пор нас раз'единяли миссионеры, так не раз'единимся же теперь между собой. Давайте по возможности действовать (в точном смысле: шествовать.Пер.) все вместе, действовали же мы вместе до этих пор. Кроме вреда, в расколе ничего нет; эти слова я говорю из любви моей к башкирам, потому-что я вас люблю. Пожалуйста, оставим пути, дающие возможность радоваться миссионерам».

Приведем также кусочек из речи Закир-Эл-Кадири, который заявляет:

«Являясь истинным мусульманином, я произношу эту речь с целью выполнить фарыз (религиозную повинность—Пер.), спасая вас от грозящей гибели.

Знаете ли вы, братцы, вас губят; один-два лишь человека вас тащат (ведут. Пер.) к гибели; вас отдаляют от других мусульман. Миссионеры этого не сумели сделать, а теперь уже делают ваши собственные сумасброды.

Мы, мусульмане, хотя и раскололись во времена Ильминского, но после японской войны снова об'единились. В настоящее время мы дожили до свободы благодаря тому, что мы татары.

Эти слова я говорю своей верою и мусульманским сердцем, иного пути нам нет (кроме как) об'единиться в национальных Шуро и выборах. Для охраны наших национальных и религиозных дел нам необходимо лишь об'единиться. Племенного различия у нас не существует. Язык наш, страна наша и другие одни и те же и пр.» [1])

На такие слезливые обращения и увещевания мусульманских лидеров ответил сотрудник Башкирского Центрального Шуро (совета) Манатов следующими словами:

«Я не могу понять, какую выгоду ожидают некоторые татары от передачи русским нашего единственного наследства в лице наших земель. Мы заявляем, чтобы Россия была разбита на отдельные части, построенные на началах об'единенной республики—федерации и чтобы каждая отдельная часть могла внутри себя издавать свои законы, поэтому мы считаем унитарную систему устаревшей и для мусульман вредной. Язык у этих господ слишком сладкий, но вместе с тем употребление ими на каждом шагу слова «миссионер» напоминает комедию г. Гаяза «Джям-Гыят» (общество)».

Приведенные здесь факты во всяком случае являются историческими документами, свидетельствующими об отношении к башкирским организациям героев национального Шуро 99-й пробы, соблюдавших лишь интересы татарской буржуазии. И не только это. Кроме того, в

---

[1]) Небольшая брошюрка „Обращение к башкирам", отпечатана в 1917 году в типографии „Тан" в городе Белебее. На страницах 16 и 17 этой брошюрки находим мы приведенную выше речь.

№ 2227 газеты «Вакт» («Время» от 23 мая 1917 г.) некто за подписью Дж. В. (должно быть, Джямал Валиди), теоретически разбирая вопрос о «башкиризме и татаризме», пишет нижеследующее:

В редакцию газеты поступает из Орского уезда письмо о башкирах за подписью Афтахетдина Сырылбаева, где автор пишет:

«Мы представляем расу, издавно существующую под именем башкир. Особенно много нас в Оренбургской и Уфимской губерниях. Тем не менее почти нигде в газетах не упоминается о башкирах или не встречается наименование башкир, что для башкирского населения представляет большой стыд и позор. Было бы желательно, чтобы в такие дни свободы высоко-благородные редакторы газет считали нас, башкир, родственными по религии и описали бы о нас там, где упоминаются мусульмане: хотя из татар не мало высоко-интеллигентных людей, но в религиозных школах среди мударисов (лекторов, профессоров) также много и башкир. В том числе единственный своего века Зайнулла ишан (угодник) сын Хабибуллы в гор. Троицке всю свою жизнь посвятил серсу (преподаванию) и в этом году перешел в мир вечности».

Дж. Валиди на это отвечает:

...«Поэтому здесь речь может итти не о том, что пишется или не пишется башкирское сообщение, а о том, что пишется или не пишется слово «башкир» (кавычки мои.—Пер.), что особенно и беспокоит господина Афтаха.

«Он не удовлетворяется тем, что Зайнулла хазрет пользуется славой по всей России и даже в иностранных государствах, кроме этого, ему хочется еще заявить, что: «пусть он пользуется славой башкирина, пусть он признается башкирским ишаном».

«Наша тактика (путь) в этом отношении общеизвестна. В общих национальных делах мы не находим необходимым башкир именовать башкирами. Если же их называть башкирами, то пензенских и симбирских братьев наших и даже большое число мусульман Казанской губернии приходится нам называть мещеряками. Население это имеет школу и литературу, тесно соприкасается между собой, устанавливает взаимные брачные связи, в виду чего наименование различными именами только потому, что в их перечнях (говоре) существует мизерное различие, представляя собой стремление к искусственному раз'единению фактически об'единившегося народа, является преступлением перед нацией и служением идее Ильминского...

«Это необходимо хорошенько различать. Нельзя, основываясь на этом только, считать башкир отдельным народом, а также в национальных и общественных (общих) вопросах ни в коем случае нельзя их именовать башкирами. Если же башкиры представляют собой отдельный народ (особую национальность) потому, что они имеют по тридцать девять десятин посева на душу и многочисленные табуны скота и живут, попивая кумыс, то в каком случае необходимо считать отдельной национальностью и казачьих мусульман, живущих среди тех же башкир...

«...Из того, что в современной печати и литературе пишется о «татарском языке», «татарской литературе» и татарском населении, нельзя жаловаться на то, что будто бы, «пишут лишь о казанских татарах, а о башкирах ничего не пишут». Слово «татары» означает не только казанских татар, но *оно охватывает собой всех мусульман внутренней России, а в том числе и башкир.*

«...Братья наши башкиры не должны избегать слова «татарин». Встарину слово «татары» в ряде государств употреблялось в смысле более

общем (обобщающем), чем даже «тюрки». Также и в настоящее время татарами именуются не только мусульмане Поволжья, но и крымские мусульмане и азербайджанские тюрки, наречие которых подходит совсем близко к асманскому наречию.

«Словом, необходимо иметь одно общее название, которое означало бы собой всех этих мусульман внутренней России.

«*Мусульмане внутренней России теперь по языку и литературе фактически об'единились. Язык и литература их носит название «татарский язык» и татарская литература. Поэтому, если будет необходимо установить для этого населения одно общее название, то искать последнее, где-то в стороне не придется. Население должно иметь тоже название, что и носят его язык и литература* (курсив мой).

«Если бы была возможность, мы, тюрки, населяющие Росссию, об'единились бы все под одним и тем же языком и литературой и создали одну сильнейшую нацию, но, к огорчению нашему, здесь мы встречаем сильные препятствия (эти препятствия находятся внутри населения, а не вне его).

«...Падение Великого Татарского царства произошло не сразу. Прежде всего, оно было раздроблено на мелкие ханства, которые потом и были проглочены последовательно каждое в отдельности. Благодаря этому татары оказались присужденными к политической смерти. Стремление народов к раз'единению в целях создания отдельных национальностей чревато такими же последствиями. Оно завершится национальной смертью. Если мы потеряем национальное единение накануне политического возрождения, то это будет последней потерей. Судьба и так уж относилась к нам милостиво, так не будем же обмануты, опираясь на ее милость и в дальнейшем. Дж. В.».

Таким образом, руководители правой группы татарской национальной буржуазии «жалуются» двухмиллионному башкирскому населению, утирая кулаком слезы жалости, они заявляют, что представление автономии одним лишь башкирам, населяющим Оренбургскую, Уфимскую, Самарскую, Вятскую и Пермскую губернии, есть лишь сладкая иллюзия, бессмысленная утопия, могущая быть только выдвигаема людьми невменяемыми и идиотами. Вот так издевалась татарская буржуазия тогда над законными стремлениями башкирского народа. В данном случае идея автономии башкир была направлена не только против татарской, но и русской буржуазии, которая также боролась против башкирской автономии.

Вместе с тем нужно отметить отношение мелко-буржуазной части татарского населения, т.-е. представителей мелкой буржуазии. В своем принципиальном отношении к этому вопросу в сентябре месяце орган эсеров «Ирек» в 24 номере пишет:

«Хотя о том, что Башкирией начатое движение проводилось несколько с'ездов, мы и читали, но в виду пребывания вне ее территории, правильного представления о мощи и основах этого движения мы не имели. Думалось, что это грезы, бред 50 фанатичных башкир, не имеющих представления о положении текущего момента; даже и на ум не приходило, что оно представляет собой рабочее движение. Побывав же на их с'езде и ознакомившись с характером их суждения, постановлениями; духом и организациями, мы взгляд наш на этот вопрос совершенно изменили и вынуждены об'явить в категорической форме, что движение башкир—это не шуточное дело, это сильная волна, вышедшая

из недр жизни. Мы — татары сегодня или завтра будем обязаны с ними считаться».

Таким образом, после августовского с'езда татарская национальная буржуазия по башкирскому вопросу разделяется на два направления: одна часть татарской национальной буржуазии (мелко-буржуазная часть) становится в защиту башкирской национальной автономии, а другая часть начинает еще решительнее вести борьбу против башкирских автономистов. Но эта борьба не снимала с порядка дня борьбу против пролетарских организаций. Как русская, так башкирская и татарская буржуазия в этом вопросе были на одном фронте.

Октябрьская революция и башкирское национальное движение.

25-го октября 1917 года власть перешла в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Этим самым открылась широкая дорога отсталым угнетенным народам и национальностям к свободе, к равноправному участию в строительстве государства и страны. Советское правительство ясно формулировало также признание прав народов России.

«Октябрьская революция, — говорит декларация советского правительства от 2 ноября 1917 г.,—началась под общим знаменем раскрепощения рабочих и крестьян.

«Раскрепощаются крестьяне от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности на землю, она упразднена. Раскрепощаются матросы и солдаты от власти самодержавных генералов. Раскрепощаются рабочие от капризов и произвола капиталистов, ибо отныне будет установлен контроль рабочих над заводами и фабриками.

«Остаются только народы России, терпевшие и терпящие гнет и произвол, к раскрепощению которых должно быть приступлено немедленно, освобождение которых должно быть проведено решительно и бесповоротно.

«В эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны, резня и погромы — с одной стороны, рабство народов — с другой.

«Этой позорной политике натравливания нет и не должно быть возврата. Отныне она должна быть изменена политикой добровольного и честного союза народов России.

«Только в результате такого союза могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу, способную устоять против всяких покушений со стороны империалистическо-аннексионистской буржуазии.

«Исходя из этих положений, первый с'езд советов в июне этого года провозгласил право народов России на свободное самоопределение.

«Второй с'езд советов в октябре, на другой день пролетарской революции этого (1917) года подтвердил это неот'емлемое право народов России более решительно и определенно. Исполняя волю этих с'ездов, Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

«1. Равенство и суверенность народов России.

«2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

«3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привиллегий и ограничений.

«4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».

Итак, на шестой день после Октябрьской революции революционное правительство во главе с т. Лениным во всеуслышание об'явило широкие права народов. Декларация прав народов России имела и имеет громадную историческую важность не только для России, но и для всех угнетенных народов мира.

Советское правительство обеспечивало не только права народов России, оно открыто призывало все угнетенные национальности всего мира к борьбе с угнетателями империалистами. Оно в своей второй декларации «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» открыто заявляет:

«Товарищи и братья.

«Великие события происходят в России. Близится конец кровавой войне, начатой из-за дележа чужих стран. Падает господство хищников, поработивших народы мира. Под ударами русской революции трещит старое здание кабалы и рабства. Мир произвола и угнетения доживает последние дни. Рождается новый мир, мир трудящихся и освобождающихся. Во главе этой революции стоит рабочее и крестьянское правительство России, Совет Народных Комиссаров.

«Вся Россия усеяна советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Власть в стране в руках народа. Трудовой народ России горит одним желанием добиться честного мира и помочь угнетенным народам мира завоевать себе свободу.

«В этом святом деле Россия не одинока. Великий клич освобождения, данный русской революцией, подхватывается всеми трудящимися Запада и Востока.

«Рабочие и солдаты Запада уже собираются под знамя социализма, штурмуя твердыни империализма. А далекая Индия, та самая, которую веками угнетали «просвещенные хищники» Европы, подняла уже знамя восстания... призывая народы Востока к борьбе и освобождению.

«Рушится царство капиталистического грабежа и насилия. Горит почва под ногами хищников империализма.

«Перед лицом этих великих событий мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока.

«Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, — все те, которых разрушались обычаи, права которых попирались царями и угнетателями России (как и башкиры. Т.)! Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения об'являются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что Ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

«Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство. Мусульмане Востока, персы, турки, арабы и индусы, все те, головами и имуществом которых, свободой и родиной которых сотни лет торговали алчные хищники Европы; все те, страны которых хотят поделить начавшие войну грабители.

«Мы заявляем, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтверждённые свергнутым Керенским, ныне порваны и уничтожены. Республика Российская и ее правительство, Совет Народных Комиссаров, против захвата чужих земель...

«Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы.

«Мы заявляем, что договор о разделе Турции... уничтожен.

«Не от России и ее революционного правительства ждет вас порабощение, а от хищников европейского империализма, — от тех, которые ведут нынешнюю войну из-за дележа ваших стран; от тех, которые превратили вашу родину в расхищаемую и обираемую свою «колонию».

«Свергайте же этих хищников и поработителей ваших стран. Теперь, когда война и разруха расшатывают устои старого мира, когда весь мир пылает негодованием против империалистов и захватчиков, когда всякая искра возмущения превращается в мощное пламя революции, когда даже индийские мусульмане, загнанные и замученные чужеземным игом, подымают восстание против своих поработителей, — теперь молчать нельзя. Не теряйте же времени и сбрасывайте с плеч вековых захватчиков ваших земель. Не отдавайте им больше на разграбление ваших родных пепелищ. Вы сами должны быть хозяевами вашей страны. Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию. Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в ваших собственных руках.

«Товарищи. Братья.

«Твердо и решительно идем мы к честному демократическому миру.

«На наших знаменах несем мы освобождение угнетенным народам мира.

«Мусульмане России.

«Мусульмане Востока.

«На этом пути обновления мира мы ждем от Вас сочувствия и поддержки.

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин).*

Народный комиссар по национальным делам *Джугашвили-Сталин».*

Октябрьская революция была начальным пунктом грядущих дней мировой революции, освобождения всех трудящихся всех национальностей, в том числе и башкирской. Как относились башкирские буржуазные националисты или башкирское буржуазное правительство к этим декларациям и национальной политике Советского правительства?

Не приемля пролетарской природы советской власти и ее политики, Башкирское правительство демагогически осуждает партию большевиков за «сужение прав личной собственности», обвиняет «в уничтожении национальной автономии в «издевательствах над нравами и совестью башкирского народа».

«Настоящее большевистское правительство, — заявляют руководители башкирского национального движения, — предоставляет национальностям права вплоть до отделения от России. Но, в виде приложения к этим правам, оно дает беспорядки, беззакония и безчинства. Такого порядка башкирский народ, конечно, не принимает».

«Революция, начатая в центре, не могла долго оставаться в рамках его узкой территории. Победивши в центре, она неминуемо должна была распространиться на окраины. И действительно, революционная волна

с центра с первых же дней переворота разлилась по всей России, охватывая окраину за окраиной. Но здесь она натолкнулась на плотину в виде образовавшихся еще до октября «национальных советов» и «областных правительств». Дело в том, что эти буржуазные национальные правительства и слушать не хотели о социалистической революции. Вместе с этим они, буржуазные по природе, вовсе не хотели разрушать старый буржуазный мир, будучи антиимпериалистическими по существу они вовсе не хотели рвать с империализмом. Одним словом, эти национальные «правительства» целиком и полностью были буржуазные» (И. Сталин).

Поэтому, конфликты между организациями и правительствами окраинной буржуазии и советской властью были неизбежными явлениями. Такое положение мы имеем и в Башкирии, с башкирской буржуазией, ее национальным советом и правительством.

Башкирская буржуазия в лице кулаков, духовенства и их интеллигенции, как было видно выше, встретили Октябрьскую революцию враждебно. Они стали на путь борьбы против Октябрьской революции и большевиков.

Наконец, башкирская буржуазия, в лице своего «национального совета» и правительства, ясно об'явила о непризнании большевистского Советского правительства, что подтверждается декларацией Башкирского правительства, от 11 ноября 1917 года. В декларации говорится, что, «в связи с тем, что 25-го октября 1917 года временное правительство России низвергнуто партией большевиков, в России началась гражданская война, личная и имущественная безопасность людей потеряла всякую почву под собой... мы советов не признаем, ибо мы желали охранять свою жизнь и собственность... казачье население (казачество) также не признает советы большевиков». Дальше в декларации об'является, что «автономию мы не будем получать от советов, хотя они обещают, ибо— распущенности в нашей стране мы выносить и терпеть не можем»...

Таким образом, башкирский национальный совет и его руководители «национал-автономисты» открыто об'явили, что они не признают советскую власть, что они—вместе с казачьими атаманами и буржуазией других национальностей. Декларация ясно показывает, что башкирское правительство определенно выбрало антисоветский, контрреволюционный лагерь.

Во имя защиты «священной частной собственности», во имя борьбы против пролетарской революции, они не постеснялись остаться даже вместе с реакционным империалистическим союзом—партией кадетов. Они, башкирские националисты, получив в Башкирии 195.000 голосов в Учредительное собрание, примкнули к буржуазно-помещичьей группе. Ленин писал — «в Учредительное собрание большевики получили 9.023.963 голоса, кадеты получили 1.856.639 голосов, прибавляя к ним голоса националистов... башкир 195000... Получает итого помещичья и буржуазная партия—4,6 миллионов голосов». Из этого видно, что башкирская буржуазия и ее руководители, отрицательно относившиеся к Временному правительству из-за его безразличного отношения к национальному вопросу и его нерешительности в удовлетворении желаний национальных организаций и вообще окраинной буржуазии, вовсе не хотели рвать отношений с империалистической русской буржуазией. А после Октябрьской революции эта пресловутая их «ненависть» к империалистической русской буржуазии совсем исчезла. Национальный момент уступил место классовому сотрудничеству буржуазии для

борьбы с пролетарской социалистической революцией. Пришедший к власти в Октябре пролетариат совместно со всеми трудящимися во главе с партией большевиков «напугал» не только русскую буржуазию, но и буржуазию окраин, в том числе и башкирскую буржуазию и буржуазных националистов.

Весь буржуазный мир старой русской империи (в том числе и башкирская буржуазия), после Октября, стал об'единяться для борьбы против пролетарской революции, вокруг лозунга «охрана священной частной собственности», для борьбы против пролетарской большевистской партии, которая стала проводить ясную и понятную для трудящихся всех национальностей свою программу как в области земли и промышленности, так и в области освобождения трудящихся всех национальностей. В этот переломный момент империалистическая русская буржуазия и буржуазия других национальностей и Башкирии и Татарии соединились вместе.

Руководство башкирским движением в это время остается в руках групп Валидова, которая является выразительницей политических и экономических интересов башкирской деревенской буржуазии (кулачества и духовенства), сумевшей в то время увлечь за собой подавляющее большинство башкирского народа, играя на национальных чувствах, затушевывая подлинные интересы башкирской бедноты.

Руководящая группа башкирского движения стала вести не только агитацию против большевиков и советской власти, но она начала прибегать к вооруженной борьбе против Октябрьской революции, путем организации отрядов из кулацких элементов и обманутых крестьян под руководством белогвардейских офицеров. В этих отрядах активную работу вели также польские офицеры. Мы имеем документы, подтверждающие участие башкирских отрядов (нац. права) совместно с отрядами атамана Дутова в войне против большевиков под Оренбургом. Приведем здесь один документ, выданный штабом башкирских войск—удостоверение № 1411, от 28 сентября 1918 года, где говорится:

«Пред'явитель сего, прапорщик Бриц, сформировал башкирский партизанский отряд в действиях против большевиков после падения города Оренбурга, где и состоял в числе 3-х лиц, командовавших этим отрядом. Отряд сформирован 5-го января 1918 года.

«Председатель Военного Совета Валидов. Начальник Штаба (подпись). Старший Ад'ютант поручик Мухино».

Башкирские «национал-автономисты», совместно с белыми офицерами начали вооруженную борьбу против советской власти и большевиков уже с начала января 1918 года. После занятия Оренбурга красными войсками, военные части Башкирского правительства продолжают борьбу с советами в другом районе. Башкирское правительство все же остается в Оренбурге потому, что в это время шли переговоры между центральной советской властью и Башкирским правительством. Переговоры велись в Ленинграде через представителя Башкирского правительства Шарифа Манатова. После предварительного соглашения с центральной советской властью, Манатов телеграфно сообщает своему правительству, что центральная советская власть готова принять все меры к организации автономной Башкирской Советской республики (см. Башкирское движение 1917—1922 г. г. К. И.). В ответ на это башкирские национал-автономисты 27 января 1918 года ультимативно сообщили Центральному Советскому правительству о несогласии с условиями Советского правительства. Ответ был дерзким и грубым. Этот

ответ оглашается Башкирским правительством в его второй декларации к народу (1918 г.), где говорится по адресу большевиков: «свою программу, свою власть в отношении башкир вы сможете проводить лишь только, переступив через тело башкирского народа».

Такова была политика контрреволюционного Башкирского правительства. Оно абсолютно не хотело иметь дела с советской властью, оно принципиально стало против Октябрьской революции. Оно ясно показало себя, как контрреволюционное правительство. Этого тогда не могли видеть только наивные мелко-буржуазные пройдохи.

Нужно отметить, что движение, отражавшее интересы башкирской бедноты, которое от февраля до октября 1917 г. было не оформившимся, почти незаметным, стало выявляться резче после Октябрьской революции, процессы классового расслоения в башкирском крестьянстве стали расти. В районах и селениях, смежных с заводами и крупными городскими поселениями, появляются советы, а также возвращающиеся с фронтов солдаты из трудовых слоев крестьянства играли революционную роль, усиливая элементы классовой борьбы в башкирской деревне, перенося туда опыт пролетарской революции, помогали организации советов и отрядов Красной гвардии.

Арест членов Башкирского правительства и образование революционного комитета Башкурдстана.

Башкирское контрреволюционное правительство после разрыва переговоров с центральной советской властью еще больше усилило связь с контрреволюционными организациями, особенно с генералом Дутовым.

Революция должна была отбросить эту контрреволюционную силу, так оно и было. Башкиро-татарская часть большевиков 4 февраля арестовывает деятелей контрреволюционного Башкирского правительства— З. Валидова, С. Мрясова, Эльдрхана Мутина, Аллабердый Егфарова, Г. Адигамова и Т. Гаидбаева.

Арест членов правительства в Оренбурге 4 февраля 1918 года тактически был неудачным. Почему? Не была проведена достаточно и всесторонне подготовительная работа по разоблачению перед башкирскими трудящимися массами контрреволюционной политики Валидова и его компании; за башкирским буржуазно-национальным правительством в тот период шли еще значительные слои башкирского народа. Здесь ошибка была именно в том, что не был учтен и выбран необходимый момент с точки зрения успешного влияния Ревкома на трудящиеся массы.

Можно-ли, однако, делать вывод, как некоторые делают, что именно эта ошибка послужила причиной ухода Валидова и его компании в лагерь активных вооруженных врагов Октябрьской революции. Можно-ли сказать, что если бы этого ареста не было, то валидовцы может-быть смирились с советской властью. — Конечно, нет.

Этот арест был в феврале 1918 года, а политическая линия Валидова и его компании вполне выявилась, как враждебная Октябрьской революции, еще в 1917 году в дни Октября, что неоспоримо подтверждается приведенными нами документами (указом № 1 и др.). Социальная природа Валидова и его компании делала неизбежным нахождение группы Валидова в лагере контрреволюции. Но арест был уже совершившимся фактом, нужно было действовать.

С арестом активных членов предпарламента контрреволюционного правительства, образуется под руководством большевика башкирина Нуриманова Багау, Даулета Шафиева и других новое башкирское революционное правительство. Создаются организационно-инструкторские отделы. Издается обращение к народу с призывом о поддержке революции.

Вот что мы читаем на странице первого номера газеты, органа революционного Комитета Башкурдстана:

«Члены старого Башкирского правительства, за контрреволюционную их деятельность против советской власти, против воли народа и за установление ими же союза с Дутовым, арестованы.

«Вместо старого башкирского национального правительства создан новый революционный совет Башкурдстана (Башкирии).

«Временный революционный совет Башкурдстана считает деятельность членов старого правительства (контрреволюционную работу во время организации на местах кантонных управ и связь их с Дутовым) преступным, направленным против интересов бедноты и крестьян.

«Временный революционный совет Башкурдстана ставит своей первоочередной задачей дать свет и освобождение рабочим, крестьянам, живущим своим собственным трудом, крестьянам-солдатам и беднякам.

«При тяжелых условиях Башкирский временный революционный совет приступает к осуществлению Башкирской автономии, тем самым стремится сделать хозяином всей Башкирии и «Караван-Сарая»[1]) рабочих, крестьян, солдат и освободить их из-под ига буржуазии.

«Теперь вся власть должна быть в руках лишь крестьян, рабочих и солдат» (перевод с башкирского языка).

Так были формулированы революционные чаяния башкирской бедноты и трудящихся всего Башкурдстана на страницах первой революционной газеты «Башкурдстан»... Но новому революционному правительству, т.-е. ревкому, пришлось начать свою деятельность в самых тяжелых условиях. Район Оренбургской губернии, вообще Южный Урал, в это время превращается в поле гражданской войны. То там, то здесь появляются банды генерала Дутова, Толстова. Банды громят советы, арестовывают большевиков и вообще советские элементы. Вместе с этим неарестованные члены предпарламента буржуазно-контрреволюционного Башкирского правительства Тагир Магазов, Х. Габитов и член Учредительного собрания Г. Идельбаев в Баймакском округе стали концентрировать все контрреволюционные силы и вести усиленную агитацию среди башкирского населения против Башревкома. К ним стали собираться русские, польские, башкирские и татарские офицеры, там образовалось «военное министерство», под руководством прапорщика-башкирина Магазова. Целью находившейся на Баймаке контрреволюционной группы была борьба с советами и большевизмом в Башкирии. Нелишне будет привести несколько документов, подтверждающих вышесказанное. Прапорщик Галамеев в своем рапорте в следственную комиссию Военного Трибунала пишет: «в январе месяце (1918 г.), я, вместе с помощником заведующего областной военной милиции (врем. правительства), подпоручиком Бриц, подпоручиком Столбовским и другими русскими офицерами бежал из города Орска с целью поступления в отряд ротмистра Карамышева (он командовал башкирской конницей), с целью борьбы с нарождающимся в то время в Орске большевизмом. По приказанию

[1]) „Караван-Сарай"—бывший дворец башкирского кантонства, построенный на средства башкирских трудящихся.

военного министра Магазова, я отправился на винокуренный завод Макрушина, который был уже взят нашим отрядом, арестовав там большевиков» (дело след. комиссии Башвоентрибунала по обвинению Онщенко в большевизме № 49). Вот цель баймакских контрреволюционеров.

Для того, чтобы еще подтвердить контрреволюционное лицо этой башкирской и баймакской группы, мы приведем из статьи члена предпарламента Х. Габитова, следующие выдержки. Он пишет, что «7-го февраля (1918 г.) приехал в Баймак для того, чтобы видеть башкирский отряд... Я застал Э. Карамышева и сидевшего возле него из Бурзян-Тангауровского кантона Шан Шариф Метинова, они пили чай. Я представил себя, говоря им, что я — один из членов предпарламента Хайбулла Габитов, и дал руку Карамышеву... «Айда, добро пожаловать»,— сказал Карамышев и показал мне место. Встретившись, мы, деятели Башкирского правительства, отчитывались о своей проделанной работе и поделились советами и радостями. После Карамышев, взяв слово, говорит, что слышно среди населения, якобы приехавшие с фронта солдаты-башкиры начали устраивать волнения. Для борьбы с этими течениями, группами, заразившимися большевизмом, необходимо принять решительные меры. Если мы упустим этот момент, то всякие события можно ожидать. Наша первая задача состоит в том, чтобы через полевые суды уничтожить корень этих «грабителей народа» и последователей большевиков. В ответ Карамышеву и его отряду, явившемуся сюда на помощь страны, я выразил—говорит Х. Габитов,—благодарность». (Газета № 3, 1918 г.). В другой части своей статьи Габитов пишет: «Из сидящих вокруг стола, одни желают успеха отряду, другие (буржуазия. Т.) жалуются на большевиков. Магазов в ответ им говорит, что скоро организуем полевой суд. Мы их накажем. По просьбе некоторых русских торговцев, были поставлены караулы. Заподозренные в распространении ложных сведений (не в пользу контрреволюции. Т.) были арестованы 6—7 башкирских большевиков.

Для «успокоения» Баймака был создан полевой суд. Судебные дела вел Адигамов Мухаметдин. Окраины Баймака «успокоились», но в дальних районах ограбление буржуазии (конфискация) продолжалось. Каждый день приезжали от них представители и поступали заявления.

«Поэтому (для спасения капиталистов. Ш. Т.) в районы был командирован подпоручик Биишев А. и один мулла»,—говорит Х. Габитов («Голос Башкир» № 1 — 1918 г.).

Таковы спасители башкирского народа. Они охраняют богатство торговцев без различия национальностей, для защиты их интересов, для борьбы с большевиками своей и других национальностей и советскими элементами; они создают полевые суды, используют духовенство. Все эти факты подтверждают, что национальный флаг пристегивается лишь для обмана масс, для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии.

Приведенные выше документы ясно показывают, что деятели разогнанного контрреволюционного Башкирского правительства, а также группы, находящиеся на Баймаке, всеми силами боролись против большевиков.

16 февраля 1918 года, считая и эту баймакскую группу, как приспешников арестованного контрреволюционного правительства опасной для революции, Баймакский совет солдатских и рабочих депутатов (Баймак — промышленный горный район Башкирии), по приказу нового Ревкома Башкурдстана и Оренбургского арестовывает главарей

группы: военного министра Магазова, члена Учредительного собрания Г. Идельбаева, и еще 15 офицеров (башкирских, татарских, русских и польских). 21 февраля (1918 г.) из Оренбурга в Баймак отправляется отряд красных войск во главе с Барановым. С прибытием этого отряда образуется судебно-следственная коллегия при Баймакском Совете рабочих, солдатских депутатов по делу баймакской контрреволюции. После окончания следствия коллегия приговаривает к расстрелу руководителей контрреволюции — Идельбаева и Магазова (по материалам следственной комиссии Баштрибунала № 50). Таким образом, на Баймаке активным руководителям башкирского контрреволюционного правительства пресекается дорога для борьбы с нарождающимся в восточной Башкирии большевистским движением.

Но, после некоторого времени, 3 апреля (1918 г.) устраивается налет на Оренбург казачьим отрядом, который освобождает арестованных членов контрреволюционного башкирского правительства во главе с Валидовым. После побега из оренбургской тюрьмы, валидовцы скрываются, а к концу мая приезжают в Челябинск. В то же время усиленно начали оперировать отряды генерала Дутова и ротмистра Карамышева, вследствие чего Революционный Комитет Башкурдстана не мог широко распространить свою деятельность, члены Башревкома выехали на фронты, но все же влияние Ревкома на бедноту было.

После организации Башревкома (после ареста валидовцев) формировались красногвардейские части в башкирских деревнях, в районе Табынска, Стерлитамака, Богоявленска, в Калмакулове (Месягутовского кантона). Они с первого дня организации вступили в бой с Дутовым, потом с отрядами контрреволюционного башкирского правительства. «При натиске чехо-словаков с моим баталионом, — говорит тов. Беляков[1]), — вывел в количестве 500 человек башкир и татар, а также и в другом баталионе было около 500 чел. башкир. Таким образом, около 1000 человек в одном полку вступило башкирского пролетариата против контрреволюции. Другой Архангельский полк также имел башкиро-татарские единицы, роты, баталионы и т. д. В действительности, Белорецкий, Архангельский, Богоявленский полки были полунациональными, в то же время полубашкирскими красными частями», которые боролись против дутовцев и конных отрядов контрреволюционного правительства.

Разгон контрреволюционного „национального культурного управления" татарской буржуазии в Уфе.

Татарская национальная буржуазия в Башкирии с самого начала была враждебна по отношению к большевикам и к лозунгу «вся власть советам». Татарская буржуазия ни на иоту не отставала от своих братьев по классу, русской буржуазии и буржуазии других национальностей. Накануне и в дни октябрьского переворота, татарская буржуазная пресса вела бешеную травлю против большевиков и сторонников пролетарской революции.

Татарская буржуазия не ограничивалась одной противосоветской агитацией, она стала предпринимать решительные шаги к предотвращению зарождения идеи Октябрьской революции, как во всем Востоке, так и в том числе в Башкирии. Поэтому поводу, Г. Касымов пишет:

---

[1]) Командир партизанского полка.

«В Уфе организовался национальный полк. Юнкера, стоявшие во главе командного состава этого полка, готовились поставить полк против советской власти и начать открытое против ее выступление. Буквально все русские кадеты, церковные приходы гор. Уфы и миссионер епископ Андрей, с нетерпением ожидали скорейшего вооруженного выступления татарского полка «Алая» и готовились оказать ему помощь и поддержку. Вопрос этот конкретно обстоял таким образом: уфимские кадеты Полидоров и Петр Толстой предлагали национальному полку через посредство представителя национального управления кадета Максудова Садрия временную денежную субсидию в размере 350 тысяч рублей. Садрий Максудов, вызвав к себе представителя военного совета, предлагал ему эту сумму и ставил непременным условием скорейшее выступление полка против большевиков. План их в то время содержал в себе установление связи с казанскими кадетами, создания такого же положения и там и выступление было согласовано с атаманом Дутовым в Оренбурге».

План, однако, остался невыполненным, благодаря лишь давлению и нежеланию рядовой солдатской массы полка. Когда такая контрреволюционная деятельность стала открыто выявляться, Уфимский Совет разогнал эти черносотенные организации татарской буржуазии. Любопытно, что мусульманское духовное управление, которого роспуск не коснулся, выпустило по случаю этого (разгрома органа контрреволюционной татарской буржуазии) следующее воззвание, которое явно характеризует, насколько духовенство работало в пользу контрреволюции:

«Тех, кто возмущает, — говорится там, — верующих мужчин, женщин и не раскаивается, непременно постигнет кара божия в гиене; кара для них неимоверно — тяжкая. (Глава «Бруджь», стих 15. Эта, а также и другие цитаты из корана приводятся на арабском языке). Если дела страны (т.-е. управления страной) поручаются лицам недостойным, то это означает близость конца света (из «Стахих-Эль-Бухары»—изречение пророка).

«Веками томившиеся в религиозных и национальных притеснениях, мусульманские тюрко-татары внутренней России и Сибири, находя после великой революции необходимым взять национальные и религиозные дела в свои руки, об'явили автономию и, в целях осуществления последней, создали национальное собрание, которым было избрано национальное управление в составе трех назаретов (министерств). В сравнительно короткое время национальное управление начало приводить религиозные и национальные дела в великолепный порядок, отвечающий запросам и желаниям нации.

«Сегодня, 25-го апреля (1918 г.) назареты финансов и просвещения из состава этого национального управления, вопреки воле и желанию нации, распущены темной силой. Оставшееся нераспущенным духовное управление об'являет категорический протест против такого деяния, совершенного кучкой людей, вопреки воле нации. Оно предупреждает лиц, совершивших эти деяния, что в ближайшем будущем они понесут величайшую ответственность перед нацией и историей.

Муфтий Галимджан Мухаметдинович Баруди,

Казыи: Салихджан Урманов,
Кашшаф Тарджумани,
Хужжат Махмудов,
Габдулла Сулейманов,
Мухлиса Буби»

Таким образом, это открытое выступление в защиту черносотенной контрреволюционной организации, ясно свидетельствует, что духовное управление и в то время также было одной из контрреволюционных организаций, которое поддерживало вооруженное выступление против большевиков и советов.

Между прочим, воззвание духовного управления не оставило никаких следов среди татарской, башкирской трудящейся массы.

После этого разгона татарская буржуазия так же начинает вести скрытую, нелегальную борьбу, используя всевозможные средства, устраивая заговоры.

«После Октября, в течение нескольких месяцев, несмотря на то, что по отношению к советам татарская буржуазия была в одном враждебном лагере с верхушкой башкирского движения, она, в надежде на скорую гибель Октябрьской революции, продолжала, было, вести вреждебную политику по отношению к башкирскому буржуазно-демократическому национальному движению. Но укрепление советской власти заставило татарскую буржуазию изменить свое отношение к башкирской автономии и отодвинуть этот вопрос на задний план. В начале 1918 г. после разгона вышеуказанных татарских буржуазных организаций «Милли-Шуро», «Милли-Идаря», ряд представителей татарской буржуазии (преимущественно офицеры) сближаются с валидовской группой и идут в башкирские отряды». (Тезисы Башобкома 1927 года).

Так стягивались контрреволюционные силы башкирской, а также татарской и русской буржуазии против Октябрьской пролетарской революции в Башкирии. Уже к маю месяцу вся территория Башкирии превращается в огнедышащие горы. Решительные бои приближались. Июньско-июльские дни 1918 года выдвигают новых контрреволюционных мятежников — чехов, под руководством англо-французского генштаба против советской власти.

Борьба с мелко-буржуазными партиями в дни революции.

До и после Октябрьской революции коммунистической партии в Башкирии, авангард пролетариата, пришлось вести борьбу не только с монархическими генералами и буржуазно-феодальными организациями, но и контрреволюционными «демократическими» партиями буржуазии: эсерами, меньшевиками, наконец, с «левыми» эсерами.

Левые эсеры после победы Октябрьской революции, как-будто, «хотели» работать в советах совместно с большевиками, но они в то же время мечтали создать «коалиционное советское правительство», где должны были участвовать не только большевики, «левые» эсеры, но и правые эсеры и меньшевики и другие «демократические» партии. У левых эсеров «демократическая иллюзия» была выше, чем идеи укрепления диктатуры пролетариата и завоевания Октябрьской революции. Эта «демократическая» иллюзия дошла до своего логического конца. Они не только были за обеспечение безопасности революции, но стали против революционных мер и по отношению кадетов. Члены фракции в ВЦИК'е, которые работали под руководством своего центрального комитета, «протестовали против об'явления кадетов врагами народа» (заседание ВЦИК'а 1 декабря 1917 г.).

Они протестовали также и против исключения из советов эсеров и меньшевиков, когда уже их контрреволюционная деятельность была

доказана между Февралем и Октябрем и в дни Октября (заседание ВЦИК'а 4-го созыва 1918 г. 14 июня).

На нынешней территории Башкирии лево-эсеровские гнезда были довольно-таки распространены. К тому еще здесь была независимая татаро-башкирская лево-эсеровская организация. Газим Касымов по поводу этой татаро-башкирской независимости лево-эсеровской организации пишет, что как-будто татаро-башкирские левые эсеры стояли на большевистской позиции и по вопросу власти и об отношении к империалистическому правительству Керенского и что эта партия (татаро-башкирских левых эсеров) вела за собой после февраля 1917 года огромные массы татаро-башкирского народа к победам Октября, т.-е. Октябрьской революции. Такое расхваливание эсеров ставит знак равенства между большевиками, которые лишь одни руководили Октябрьской революцией. Что говорят документы?

10—11-го июня 1917 года на уфимском губернском с'езде крестьян после доклада Штейнберга об отношении к империалистическому правительству Керенского тов. Свидерский (председатель соц.-демократич. фракции большевиков) предлагает: «теперешнее правительство, с одной стороны, состоит из мелких буржуев, поэтому не следует слишком доверять этому правительству». А Штейнберг—эсер в заключительном слове предлагает: «без всяких оговорок заявить правительству Керенского доверие и всячески ему помогать» [1]). К этой штейнбергской резолюции татаро-башкирские левые эсеры, как особый пункт, добавляют следующее: 1) дезертиров из армии (империалистической войны. Ш. Т.) лишить права выбора в Учредительное собрание и лишить их права получения земли, 2) семьи дезертиров лишить права получения пособия» [2]). На этом с'езде на ряду с русскими эсерами принимали активное участие и руководители татаро-башкирских левых эсеров Баимбитев, Ибрагимов Галимджан и другие. Они от имени своих комитетов приветствовали эсеров с успехом и обещали провести в жизнь постановления с'езда, проникнутые эсеровским духом. Выступали с разоблачением один большевики со стороны русских большевиков — Свидерский, со стороны татаро-башкирских — Багау Нуриманов. Скоро приходят июльские дни уже Керенский стал настоящим выразителем тогдашнего русского фашизма. Русские кадеты вместе с Керенским еще больше усилили наступление на рабочий класс и на революционные части русской армии и флота, что вылилось в вооруженном подавлении революционных демонстраций в июле (1917 г.).

Как оценивали это событие или каково было отношение к нему татаро-башкирских — Багау Нуриманов. Скоро приходят июльские дни, ский орган, газеты «Ирэк» (№ 28 июль 1917 г.), пишет:

«...Что, с одной стороны, выступление большевиков против Временного правительства, а с другой стороны, непримиримая политика кадетов — привели к событиям 4—5 июня и способствовали кровопролитию между двумя войсками. Ответственность за эту кровь падает на эти партии».

Вот «большевистская» позиция левых эсеров и Газима Касымова. Ясно, что здесь нет ничего революционного и большевистского.

Дальше, об отношении левых эсеров к Учредительному собранию и советской власти, как органу пролетарской диктатуры.

) Хасанов Хабиб „О двух книгах" на татарском языке.

[2]) Там же.

В учредительном собрании мусульманской социалистической фракции решающее значение имели уфимские татаро-башкирские левые эсеры. Что сделали они там после разгона учредительного собрания? Они, т.-е. «члены мусульманской социалистической фракции, опубликовали декларацию протеста против разгона учредилки:

«...Совет Народных Комиссаров, — говорится в декларации фракции мусульманских социалистов, — оказался бессильным обеспечить народам России свободное развитие, осуществление ими всей полноты национального творчества. Мало того, политика в ряде случаев становилась в решительное противоречие с лозунгами великой российской революции и несла народам России вместо чувств братства и мира, меч гражданской войны, зарево пожаров и потока крови». Поэтому эта фракция требует... «...признание всей полноты власти за всероссийским Учредительным собранием».

И здесь ничего не видно революционного, кроме контрреволюционных слов. В конце-концов ход событий пролетарской революции заставил и татаро-башкирских левых эсеров «приволакиваться» за развивающейся пролетарской революцией, но они не отказались от своих мелкобуржуазных требований и программы.

Ккак русские, так и татаро-башкирские левые эсеры, особенно на местах, осложняли дело революции, противопоставляя крестьянство пролетариату.

Г. Касымов в своей книге «В дни революции» старается отделить татаро-башкирских левых эсеров. История знает следующий документ, который устанавливает тесную связь татаро-башкирских левых эсеров с русскими эсерами, как идейно, так и организационно. Например, центральный орган татаро-башкирских левых эсеров выносит такое решение по поводу первого с'езда всероссийских левых эсеров:

«Ц. К. татаро-башкирских левых эсеров-интернационалистов Идель-Урала полностью присоединяется к решению 1-го с'езда партии, состоявшегося 17-го ноября 1917 года» [1]). О чем это говорит? — Это говорит о том, что татаро-башкирские эсеры были на одной позиции с русскими левыми эсерами на всех этапах революции, а не на большевистских позициях. Говорить, что эсеры были на большевистских позициях — одна болтовня. Может быть иногда татаро-башкирские левые эсеры играли на словах революционными фразами, но это не говорит за их революционность на деле. На деле они действовали в сторону противопоставления крестьянства пролетариату, они боролись «за двоевластие — разделение власти между мелкой буржуазией и пролетариатом» и «за разделение руководства этой власти между «демократическими» партиями».

Разоблачение политики мелкобуржуазных партий было делом трудным потому, что они свои реакционные лозунги и требования окрашивали левыми фразами. Нужно было их на каждом этапе революции, на практике разоблачать перед революционной массой пролетариата и трудящегося крестьянства. Борьба с левыми эсерами была борьбой за пролетарское влияние в деревне.

Таким образом, кроме борьбы с русской монархической военщиной и татаро-башкирскими буржуазно-феодальными организациями, а также и меньшевистско-эсеровской контрреволюцией, большевикам пришлось уделить много внимания и борьбе с левыми эсерами, которые имели

[1]) Хабиб Хасанов. „О двух книгах".

большинство в Уфгубсовнаркоме. Дело осложнялось еще тем, что русские и татаро-башкирские эсеры часто создавали единый фронт против большевиков.

«В борьбе с левыми эсерами (в Башкирии. Ш. Т.), — говорит тов. Котов, тогдашний секретарь партийного комитета большевиков в Уфе,— было большой ошибкой, что центром внимания мы избрали не работу среди масс, а советские организации». Это осложнялось еще тем, что «председатель парткома и Совнаркома тов. Эльцин проводил соглашательную политику». (Котов. Журн. «Пр. Революция» № 6—7 1923 г.).

Элементы оппортунизма, эсеровская измена в первые дни гражданской войны и сдача „уфимской крепости".

В Уфе в течение первой половины 1918 года необходимо было много поработать, чтобы окончательно вырвать массы из-под влияния эсеров и меньшевиков, особенно левых эсеров. В этой борьбе особенно мешали соглашатели эльцинского типа. Крупной промышленности в самой Уфе не было, но довольно большим и важным рабочим центром являлся железнодорожный район. На нем концентрировалось внимание всех партий. К весне 1918 года партийная работа большевиков в этом самом важном рабочем районе Уфы стала еще более оживляться. Но вместе с тем, часто широкая политическая работа большевиков среди рабочих встречала сопротивление со стороны меньшевистско-эсеровских элементов, так-как «Уф. Губпрофсовет находился в руках меньшевистского большинства». (Котов. «Пролет. Революция» журн. № 6—7).

Весна 1918 года показала контрреволюции, что декрет советской власти о земле—не пустой звук. Крестьяне не постеснялись отобрать землю у помещиков без выкупа [1]). До этого здесь учредиловцы еще питали некоторую надежду на то, что мужик самовольничать не будет и пойдет против большевиков, теперь же надежды их на это рухнули. Эсеры и меньшевики после этого начинают спекулировать на продовольственных затруднениях советской власти.

Контрреволюция тогда выбрала своим лозунгом: «Долой советскую власть», «Не продавать хлеба по твердым ценам». Таким обманом эсерам и меньшевикам в союзе с другими контрреволюционными элементами Башкирии удалось поднять восстание в районе Месягутовского кантона — в Месягутовской волости. Восстанием руководили белогвардейские офицеры и кулаки, главарем их был некий эсер Цветков. У восставших оказались пулеметы и другие виды огнестрельных оружий военного образца. Несмотря на призыв эсеров о сочувствии этому белогвардейскому выступлению, сочувствие было незначительно. Им удалось вовлечь в восстание крестьян лишь нескольких деревень, конечно, под сильным напором кулачества, духовенства. Тем не менее, подавление восстания потребовало применения вооруженной силы пролетарской революции. Организаторам восстания пришлось скрыться.

В апреле же 1918 года было еще кулацкое выступление в Уфимском уезде в Свято-Троицкой и Булекей-Кудейской волостях. Особенное место занимает Свято-Троицкая волость. В одном из сел этой волости русское и башкирское кулачество восстало и арестовало советских работников,

---

[1]) В б. Уфимской губ. земля только одних помещиков и купцов составляла 2.956.567 дес., а в руках монастырей и банков—1.162.630 дес., т. е. вместе составляли против крестьянской—42,5%.

среди которых были и коммунисты; их пытали, потом посадили из них несколько человек в баню (как устанавливается) и сожгли.

Уже в мае месяце 1918 года рядом, т.-е. в соседней губернии с Башкирией, на территории Самарской губернии и в Сызрани вспыхнул чехословацкий мятеж. И к июню этого года чехо-словаки и учредиловцы со стороны Самары поставили Уфу в сферу военных действий. Уфа от центра оказалась почти оторванной. Связь с Москвой и Ленинградом шла окольным путем по Волго-Бугульминской жел. дороге, через Симбирск (ныне Ульяновск). «В это время, — говорит тов. Котов, — приехал в Уфу тов. Подвойский с большой, крайне серьезной и неотложной задачей: проверить и подготовить наши боевые силы к борьбе с чехословаками и учредиловцами. По ходу событий можно было уже думать, что нам предстоит продолжительная гражданская война. Необходимо было создавать постоянную регулярную армию, способную не только на партизанские выступления, а на упорную позиционную окопную войну; к этому уфимская Красная армия не была приспособлена. Центр (Москва), зная это, и прислал тов. Подвойского для реорганизации армии. Как не велики были заслуги военно-боевых дружин (созданных под руководством старых руководителей подпольных военных организаций большевиков т. т. Кадомцевых здесь у нас), однако они не отвечали всем задачам предстоящей войны». (Журн. «Пр. Рев.» № 6—7—Котов Г.).

Уфимская большевистская партийная организация вместе с представителем центра тов. Подвойским занялась организацией армии. Но эти новые начинания, нужно сказать, были поздноваты.

На фронте революционные отряды занимались лишь оборонительными действиями — путем подрыва железнодорожного пути, чтобы замедлить движение сил контрреволюции, которые двигались по самарской и уфимской жел. дороге. Действительно фронт двигался медленно. Он двигался медленно еще потому, что учредиловцы в Самаре занялись мобилизацией и созданием, так называемой, народной армии и расправой с рабочими, которые не хотели итти в учредиловскую армию.

«...Постепенно атмосфера все более насыщалась военными событиями, стали появляться белогвардейские офицеры. О цели их не надо догадываться, она была ясна. Новый Губисполком бездействовал, так-как левые эсеры, чуя приближение, занимались подготовкой к бегству». (Котов. Г. Жур. «Пролет. Революция» № 6—7). К тому еще в самом Губкомпартии было оппортунистическое крыло во главе с Эльциным, которое при всех этапах революционного движения было за коалицию с левыми эсерами. Губком, во главе которого были вышеуказанные сторонники коалиции, не мог по-большевистски оценить создавшееся положение. Об этом тов. Котов пишет: «Что касается, — говорит он, — Губкома, то он был заражен иллюзиями, что чехо-словацкое выступление — плод недоразумений, ошибок и нетактичности Троцкого, как военного комиссара, и что все это рассеется и события примут другое направление. Я не помню ни о каких решительных мероприятиях с его стороны за все время, вплоть до конца июня, если не считать решения о переводе всех коммунистов на казарменное. военное положение, но и то не без борьбы между двумя взглядами. И здесь, приходится сказать, больше всех оппортунистом был ничем и никем невозмутимый председатель Губревкома тов. Эльцин».

И против такого оппортунистического руководства пришлось ленинской части уфимской организации партии большевиков бороться. Это положение действительно осложняло дело еще больше.

Тем не менее, уже ко второй половине июня (1918 г.) самарский фронт, хотя медленно, но подвигался все ближе и ближе к Уфе, пал Бугуруслан. Получились сведения, что в Челябинске власть захватили учредиловцы. В это время в Уфе происходил с'езд советов. На этом с'езде часть левых эсеров выступила против организации постоянной Рабоче-Крестьянской Красной Армии с обязательной в ней службой для крестьян. Они старались доказать, что «в случае надобности, крестьянин «сумеет» защитить себя», эти выступления были опровергнуты приехавшими бойцами приветствовать с'езд, которые встречали при выходе из здания с'езда делегатов овациями и криками: «Да здравствует Красная армия и советская власть».

День ото дня положение для Уфы осложнялось и не могло не влиять на легковеров оппортунистов. Они к концу июня поднялись на «высоту», но слишком поздно. Отряды, сформированные наспех, посылались на фронт, но от них толку никакого уже не было. В Уфу из Москвы приехал со всеми надлежащими мандатами левый эсер Махин. Его познакомили с положением дел и после этого он стал руководит командованием. Что-же? «Махин-эсер выехал на автомобиле на фронт и не вернулся» [1]). Очевидно, ему достаточно было подготовить измену.

Таким образом, возможность защищать все уменьшалась, а контрреволюция через эсеров чуяла это и все смелела. Одно лишь осталось — без паники эвакуироваться из Уфы. Приспособлялись пароходы к этому и часть их загружалась. Вокруг Уфы запахло порохом и кровью.

При таком положении в Уфу опять приезжает главнокомандующий левый эсер Муравьев. Он приехал также с высокими удостоверениями, «да к тому же и был он известен,—говорит тов. Г. Котов,—нам как человек, командовавший раньше нашими силами на юге, а потому не вызвал у нас никаких подозрений», по его приезде был созван Уфгубсовнарком с активом города. На совещании Муравьев сразу же заявил: «Никаких разговоров о сдаче Уфы быть не может...». «Ведь Уфа со своими окрестностями такая естественная крепость, что смешно говорить о сдаче ее. Такова воля командования».

Ему, Муравьеву, говорил уфимский актив, что «если вы действительно хотите защищать Уфу, вы должны сами здесь остаться».

Муравьев в ответ, указав на некоего Харченко, который явился с ним, сказал: «Вот он останется здесь в Уфе, в качестве военрука со всеми полномочиями, а сам я должен срочно выехать» — и покинул совещание. (Журн. «Пролет. Революция» № 6—7, стр. 310).

Этот новый человек — Харченко на некоторых товарищей произвел впечатление провокатора. «После собрания, — говорит тов. Г. Котов, — тов. Сталь (один из работников-большевиков) настаивала на его аресте. С этим не согласились, тогда Сталь стала настаивать на том, чтобы деньги, ассигнованные на военные нужды, выдавались ему по частям. Но и этого не было сделано, так-как председатель Совнаркома Эльцин с этими доводами не согласился» [1]). Таким образом, Эльцин довел свой оппортунизм до логичного конца.

Новый «военрук» Харченко вступил в исполнение своих обязанностей «защищать» «уфимскую крепость».

Он получил в распоряжение все военное руководство и большую сумму денег, предназначенных для обороны.

---

[1]) Котов Г. Тамже.
[2]) Журнал „Прол. революция“ № 6—7, стр. 310.

Что же дальше с Харченко? — Он, побывав у «руководства армией», улетел вслед за Махиным к учредиловцам на аэроплане, забрав несколько миллионов рублей денег.

Таким образом, после двух предательств было уже невозможно организовать оборону «уфимской крепости».

Вот к чему привело двоевластие двух партий или эльциновская тесная коалиция с левыми эсерами.

После всех этих событий Губисполком и Совнарком реорганизуются и создается Революционный Комитет. С самарского фронта был вызван тов. Блохин — коммунист, который там работал в качестве командующего фронтом. Его Ревком назначил в качестве военрука и командарма. В срочном порядке из заводов, по договоренности, были вызваны силы. В Уфе их влили на общих основаниях в ряды Красной армии с полным подчинением общему руководству и командованию. «Но и это эсерам показалось неприемлемым. Они подняли вопрос об особом формировании рабочих отрядов» (Котов Г.).

Читатель, надеюсь, понимает смысл этой тактики левых эсеров. С этой тактикой они хотели ослабить силы пролетарской диктатуры и ее армии. К этому еще «левые эсеры (как русские, так и татаро-башкирские. Ш. Т.) хотели, чтобы из них были сформированы отдельные отряды, чуть ли не с отдельным командованием» [1]). Но новое командование во главе исключительно с коммунистами такое требование эсеров отклонило.

Тем не менее, наступление чехо-словацкой банды и других белогвардейских отрядов велось усиленным темпом, но красные рабоче-крестьянские отряды все же удерживали его. Что касается Уфы, то ее уже не сдавать было нельзя. Таким образом, погрузка на пароходы продолжалась беспрерывно; не прекращалась и в то же время текущая работа в учреждениях.

Революционным Комитетом и военным командованием уфимского фронта Красной армии было решено эвакуироваться на пароходах по реке Белой в Бирск, на Каму и пешим порядком (для юго-восточных групп) в Северный Урал.

Уходя из Уфы, Революционный Комитет выпустил обращение к трудящемуся населению, в котором указывалось, что оставление Уфы является лишь временным отступлением. Итак, 5-го июля 1918 года, утром советская флотилия оставила Уфу, а южные группы эвакуирующих отступили по направлению Северного Урала. Как только эвакуирующаяся по реке Белой флотилия проехала опасную зону, последние части с фронта были сняты.

ГЛАВА XV.

Гражданская война в Башкирии.

После Октябрьской революции, русская контрреволюция, на ряду с другими контрреволюционными силами, широко использовала против пролетарской революции и казачество, имевшее при царском правительстве привиллегии и находившееся под полной опекой своих атаманов и эсаулов. На юге Урала и в западной Сибири большую контррево-

[1]) Г. Котов. Журнал „Пролет. Революция“ № 6—7.

люционную роль играли казачьи генералы Дутов и Толстов. Казачьи отряды под их руководством со дня Октябрьской революции по реке Урал и южной части Уральских хребтов (Оренбургская губерния) продолжали борьбу с образовавшимися в этих районах советами. Война между советами и казачьей военщиной продолжалась до июня 1918 года. Уже в июне эти контрреволюционные силы присоединяются к чехословацким бандам [1]), восставшим против советов, под руководством своих генералов—агентов английского и французского империализма.

В результате одна группа чехо-словаков с Сызрани, другая группа с Челябинска начинают войну и двигаются по направлению нынешнего центрального города Башкирии — к Уфе. Вместе с этим по всей Сибири возрождается реакция. Большевики из этих районов эвакуируются со своими военными дружинами и частями красных войск. Наконец, наступающие с востока и с запада по С.-З. жел. дороге чехо-словаки и с юга, со стороны Оренбурга, отряды генерала Дутова и других белогвардейских частей после упорных боев 6 июля 1918 г. занимают гор. Уфу. Таким образом, вся территория Башкирии переходит в руки контрреволюции. Начинается террор контрреволюционной военщины. Везде и всюду царят аресты, избиения, убийства и расстрелы.

После временной победы контрреволюции по Волге, Уралу и Сибири образуется ряд «правительств»: 1) в Самаре «Комитет членов учредительного собрания» [2]), 2) в Омске «Временное сибирское правительство», 3) уральское казачье войсковое управление, 4) киргизско-феодально-кадетское Алаш-ордынское правительство и 5) Башкирское правительство, во главе с членами башкирского предпарламента, убежавшими из оренбургской тюрьмы (3 апреля), под предводительством Валидова.

Башкирское правительство в Челябинске вновь возобновляет свою деятельность. Башкирское кулачество и духовенство и выходцы из этих слоев воодушевляются, организуют местные органы Башправительства. Башкирское «национальное правительство» в Челябинске, приступая к работе, издает декларацию к народу, эта декларация, полная лжи, обмана и клеветы, прямо и открыто призывает народ на борьбу с советской властью.

---

[1]) Чехо-словаки—военнопленные империалистической войны. Они, получив оружие от советской власти, под видом защиты Октябрьской революции—впоследствии восстали против советов.

[2]) „Тюрьмы территории Учредительного Собрания" были переполнены „большевиками", среди которых много было совершенно непосредственно непричастных людей. В Самаре, например, число заключенных доходило до 2000, в Оренбурге было около 800, в Хвалынске—700, в Бузулуке 500 (в Уфе около 1000. Ш. Т.) и т. д. При этом, условия, в которых находились заключенные, были отвратительные. В камерах, рассчитанных на 20 чел., сидело по 60—80, питание было плохое, а обращение нередко вызывало острые конфликты между охраной и арестованными.

Особенные безобразия происходили в провинции. Так, Дутов в Оренбурге наложил на рабочие кварталы контрибуцию в размере 200 тыс. рублей (по тем временам крупная сумма). На Уральских заводах в Усть-Катаве, Миньяре и других, рабочих, заподозренных в большевизме, пороли розгами порка в широких размерах применялась и к крестьянам, отказывавшимся давать рекрутов, при чем в подобных подвигах упражнялись не только черносотенные офицеры, но и представители эсеровской партии. Порками прославился, например, эсер Бобров, посланный Комитетом в деревенские районы для урегулирования столкновений, возникших в связи с мобилизацией.

Впрочем, не всегда дело ограничивалось только телесным наказанием, „я помню,—говорит министр из учредилки И. Майский,—как однажды в своем докладе правительству полковник Галкин сообщал, что в некоторых местах отказавшихся давать солдат, карательные отряды обстреливали непокорные

Вот несколько выдержек из этой декларации: «Партия большевиков, уничтожив автономию Туркестана, Казакстана, Кавказа, Крыма, Украины и Сибири и казачьего населения, на ряду с этим погубила (уничтожила) и провозглашенную вами автономию, выступивши с заманчивыми и лживыми обещаниями и декретами о том, что, мол, «угнетенные национальности России, мусульмане, берите автономию по своему желанию, об'единившись вместе, об'единим бедноту». Каких только оскорблений и унижений не творили они сами над этими угнетенными национальностям, над этими мусульманами. Нас, т.-е. Башкирское правительство, подвергали всевозможным оскорблениям, заключением под арест, и созданные нами учреждения разогнали. Войска наши, которые были нами посланы для охраны интересов и спокойствия башкирского народа в различных кантонах и для укрепления законности и порядков в кантонах (для борьбы с большевизмом. Т.), они путем обмана распустили и ликвидировали их. Начальников же этих наших войск, братьев наших Абдуллу Идельбаева, Тагира Магазова и вместе с ними еще шестнадцать человек, сделали своими жертвами — расстреляли».

С оформлением в гор. Челябинске, башкирское контрреволюционное правительство для обмана народа и с целью возбуждения национального чувства, открыто врет, говоря, что большевики уничтожили башкирскую автономию. Кажется читателю ясно из предыдущей главы нашей статьи, что большевики признали автономию, но сами эти контрреволюционные деятели не хотели иметь дело с советской властью.

В то же время Башкирское правительство старается изобразить невинными жертвами офицера Магазова, члена учредительного собрания и башкирского предпарламента Идельбаева и др. русских, польских и татарских белогвардейцев, которые были посланы для борьбы с большевизмом и татарским движением. Их стараются окрасить в краску «героев национального движения», которые после Октябрьской революции служили буржуазии как башкирской, так и русской.

Дальше, Башкирское контрреволюционное правительство в своей декларации открыто об'являет о признании интервенции империалистов и свою солидарность с политикой иностранных империалистических государств, а также русской империалистической буржуазии.

деревни артиллерийским огнем. Правительство санкционировало эту расправу. Не удовольствуясь жестокими репрессиями, происходившими в порядке повседневного факта, Комитет стремился облечь их в одежду формальной законности и закрепить их в качестве постоянного действующего института. Так, с самого начала его господства на железно-дорожных и водных путях сообщения было об'явлено военное положение со всеми вытекающими отсюда последствиями. 17-го сентября 1918 года („Приказом № 281“) Комитет учредил чрезвычайный суд, состоящий из 4-х лиц: одного от чехов по назначению командующего Поволжским фронтом, одного от народной армии по назначению управляющего военным ведомством, одного от военно-судебной части и одного от ведомства юстиции. На рассмотрение этого суда должны были передаваться не только такие преступления, как восстание против существующей власти, нападение на воинские части, государственная измена, шпионаж и т. д., но также и покушение на насильственное освобождение арестантов, призыв к неисполнению требований гражданской и военной власти, злонамеренное распространение ложных слухов и т. д. По пункту 5 названного „приказа“, все виновные в совершении указанных преступлений подлежали наказанию смертной казнью. Очевидно, подобный суд, позднее, соответствовал „истинным народно-демократическим принципам“, во имя которых Комитет при своем образовании декларировал уничтожение большевистских ревтрибуналов. Не следует думать при этом, что „приказ № 281“ остался только на бумаге, наоборот, он очень быстро вошел в жизнь и отправил на тот свет не мало граждан „территории Учредительного Собрания“ (Майский. „Дем. контрреволюция“).

«В настоящее время, — говорится в декларации, — чехо-словаки и др. иностранные войска при поддержке и содействии Японии и других иностранных государств (Франции, Англии. Т.) выгнали большевиков из Сибири и совершенно очистили от них территорию от Владивостока до Златоуста. Таким образом, красноармейцы и красногвардейцы, не знавшие ни военного строя, ни дисциплины и не имевшие военной подготовки и навыков, а обученные лишь грабить и убивать, в Сибири совершенно исчезли, исчезли, как роса от солнечных лучей. Большевики остались теперь лишь на мусульманских территориях Казани, Уфы, Симбирска, Оренбурга, Туркестана, Казакстана, куда они стекались после своих поражений. Вокруг Москвы они уже ликвидируются. Будучи не в силах устоять против сабель и пуль казачьих войск и других, большевики скрываются в наших горах, предполагая, что мусульмане — трусы, башкиры народ тоже трусливый, и поэтому, де, их не тронут и против них во всяком случае не пойдут; они теперь начали стекаться в местности, населения мусульманами, как например, Уфимской, Оренбургской, Казанской губерний и т. д. Находясь здесь, они намерены продолжать войны с другими народностями (одевают капиталистов, помещиков в одежду «народа». Ш. Т.) и таким образом, они хотят страну нашу потопить в крови». Дальше говорится, что «в этот самый момент мы, т.-е. члены Башкирского правительства, приехали, подоспели в Челябинск» — «теперь наш долг выполнить данную нами клятву. В декларации своей от 11 ноября (в противовес декларации советского правительства о самоопределении национальностей от 1 ноября. Т.) 1917 года за № 1, где мы ясно сказали, что автономию мы от большевиков получать не будем, как подарок, потому, что распущенностей, безнравственных действий (помощь бедноте и трудовым крестьянам. Т.) в нашей стране мы выносить и терпеть не можем. И 27 января мы написали большевикам, что вы, большевики, свою программу, свою власть в отношении башкир можете проводить лишь только переступив через тело башкирского народа».

Итак, Башкирское правительство об'являет, что оно остается верным своей контрреволюционной политике и будет продолжать борьбу с советской властью и большевиками так же, как со дня образования советской власти, т.-е. 25 октября 1917 года. Вместе с этим оно призывает народ на вооруженную борьбу с большевиками. Вот что написано в декларации»: «Сейчас мы об'явили мобилизацию...» «Верующие, отважные, — продолжает декларация, — братья родные докажите свои силы и доблесть теперь, когда этих выгнанных большевиков во всем мире теснят и поголовно уничтожают, с одной стороны, немцы и турки, а с другой — японцы и чехо-словаки, и интеллигентные и просвещенные части русского народа, а также его группы, классы. Мы опозорим себя перед всем миром, если одни мы дадим им волю в нашей Башкирии, в нашем Урале, и мы тогда лишимся всех наших прав и окажемся самым несчастным народом».

Вот какими методами Башкирское правительство призывало народ на борьбу с большевиками и советской властью. Оно агитирует «башкирский народ» не отставать от русских помещиков, капиталистов и европейских империалистов. Таким образом, оно агитировало народ за то, чтобы он пошел на службу русским капиталистам и европейским империалистам.

Дальше пишется, что «мы беремся за оружие для того, чтобы воевать с большевиками. Поэтому, об'являя в стране мобилизацию, мы ор-

ганизуем регулярные стройные башкирские полки. В то же время, — продолжает декларация, — нельзя рассчитывать на слабость врага... Кроме того, враг (большевики. Т.). имеет повсюду множество своих шпионов (башкирских большевиков. Т.). Последние, с целью спасти свою жизнь, проникают в народную среду войска, где проводят свою агитацию, они стараются подорвать дух, дисциплину, порядок в наших войсках и уничтожить в них подчинение. Не поддавайтесь их лжи, обману. Это шайтаны, дьяволы, которые пробираются в нашу среду и ходят между вами» и, наконец, Башкирское правительство призывает — «Вы их расстреливайте, убивайте, прикалывайте, уничтожайте везде, где бы только они не появлялись». Декларация кончается словами—«Вставай башкир, поднимись мусульманин».

(Подпись зам. председ. и зав. военн. отделом правительства Башкирии Валидова, 1 июня 1918 года).

Приведенные выше выдержки из двух деклараций Башкирского правительства ясно показывают, что из себя представляло это правительство. Оно, просто, приказчик русского и иностранного империализма, это — яркое контрреволюционное гнездо, часть общего фронта контрреволюции.

Башкирская контрреволюция, ведя свою агитацию через печать, в то же время приступает к организации вооруженной силы — армии. Организуется военный отдел или, вернее, главный штаб и при нем военный совет. Военный отдел распадается на мобилизационный и добровольческий отделы. Этот военный штаб пополняется белыми офицерами. После оформления главного военного штаба (в Челябинске) правительство принимает срочные меры к организации армии. Для этого башкирское правительство устанавливает связь с другими контрреволюционными правительствами и ищет у них поддержки, как по финансированию, так и по вооружению и обмундированию.

Башкирское правительство и сибирская контрреволюция.

После предварительной подготовки и полного оформления правительства со всеми отделами и военным главным штабом, Башкирское правительство начинает вести переговоры с Сибирским правительством и сибирской контрреволюционной военщиной. Для переговоров с Сибирью Башкирское правительство командирует своего представителя в Омск. Мы публикуем его мандат.

«Военный отдел правительства Башкирии. 2 июля 1918 года, № 246. Представитель сего, товарищ председателя военного совета при военном отделе правительства Башкирии подпоручик Абдулхак Габитов, командируется для переговоров с Временным сибирским правительством и командующим войсками западной Сибири по вопросам организации и управления башкирских войск. Заместитель председателя правительства Башкирии С. Мрясов. Заведующий военным отделом Валидов. Секретарь военного отдела прапорщик Терегулов».

Своему представителю, Абдулхак Габитову, Башкирское правительство дает следующий наказ:

«От военного отдела правительства Башкирии. 1 июня 1918 года № 247. Вр. сибирскому правительству:

«Сим просим Временное сибирское правительство его военного министра:

«1. Признать башкирские войска, как особую военную единицу с самостоятельным внутренним управлением и устройством, подчиненное во всем, что не относится к операциям, военному отделу правительства Башкирии.

«2. Организовать в Оренбурге (пока, временно, в Златоусте) главный штаб башкирских войск со всеми необходимыми отделами. Организация главного штаба поручается военному министерству Временного сибирского правительства.

«3. До сформирования главного штаба обеспечить необходимым вооружением, снаряжением одну башкирскую дивизию с артиллерией, кавалерией, инженерной частью и другими вспомогательными родами войск».

(Подписи: зам. председателя правительства Башкирии С. Мрясов. Заведующий военным отделом Валидов).

Дополнительно Башкирское правительство в особой докладной записке пишет: что «правительство Башкирии является органом беспартийным (всякий буржуа так говорит. Т.), но демократическим, вместе с тем оно в вопросах о внутреннем устройстве стоит на точке зрения безкомитетности, безсоветности, и необходимости введения строгой дисциплины». Снабженный мандатом и наказами представитель башкирского правительства отправляется в Омск к военному министру полковнику Грушину-Алмазову.

Сибирское правительство после переговоров ставит перед Башкирским правительством следующие условия:

«Сибирское временное правительство. По военному министерству от 9 июля 1918 года № 0240 оп. гор. Омск на № 247 3 июля 18 г. на имя правительства Башкирии:

«Временное сибирское правительство не находит возможным вмешиваться во внутреннее самоуправление башкирского народа.

«Временное сибирское правительство может принять на себя организацию управления башкирскими войсками и снабжение его вооружением, снаряжением и довольствием только при условии соблюдения:

«1. Башкирские войска не будут защищать только свои районы, а могут быть применены в бою на любом участке фронта, где это будет найдено необходимым высшим командованием.

«2. Выборное начало при назначении командного состава не допускается.

«3. Основой армии считается строгая дисциплина, выражающаяся в беспрекословном исполнении подчиненными воли начальника.

«4. При назначении на командные должности не будет приниматься в расчет чин, возраст, национальность. Назначения на командные должности могут производиться исключительно распоряжением высшего командования, кандидаты на командные должности будут выдвигаться Башкирским правительством.

«5. Башкирские войсковые части не обладают, как национальные части, никакими преимуществами, а входят в состав сибирской армии, как равноправная единица ее.

«Окончательное разрешение этого вопроса подлежит совету министров военного сибирского правительства. Подл. подпис. управляющий военным министерством полковник Гришин-Алмазов. Начальник штаба западно-сибирской отдельной армии генерального штаба полковник Белов».

Башкирское правительство все условия принимает. В результате переговоров два контрреволюционных правительства заключают тесный классовый военный союз против революции. Изложенное выше требование башкирской контрреволюции санкционируется советом министров Временного сибирского правительства 10 июля 1918 года. Об этом говорит следующий документ: «...Согласно постановления совета министров от 10 сего июля за № 14, военные отряды, части башкирского правительства, вступающие в ряды войск Временного сибирского правительства должны быть снабжены Сибирским правительством вооружением, деньгами и продовольствием, № 0791. Генквармг генерал-майор Попов».

После договоренности с контрреволюцией Сибири, Башкирское правительство приступает к набору в армию. На ряду с подготовкой к мобилизации, оно начинает укомплектовывать отдельные особые отряды из добровольцев, — люмпен-пролетариата и, главным образом, из кулацких сынков. Цель этих групп добровольческих отрядов — борьба с большевизмом внутри Башкирии, установление и внедрение власти контрреволюционного правительства.

Вот что говорится об этом в проекте Башкирского правительства по организации добровольческих отрядов:

«Дело правительства Башкирии № 8. От 1 июля 1918 г.

«В целях установления порядка и для ведения борьбы с большевиками на местах, организуются по всей башкирской территории особые башкирские отряды, по особо выработанному штату. Отряды эти до прекращения военных действий в пределах Башкирии (с большевиками. Т.) должны находиться в ведении военного отдела правительства Башкирии и при военном совете образуется особый отдел добровольческих отрядов, потому они, согласно требований стратегии, могут передвигаться (для карательных целей. Т.) из одного кантона в другой и общее руководство ими в этих передвижениях возлагается на заведующего отделом добровольческих отрядов. По окончании военных действий (т.-е. ликвидации советских элементов и большевиков. Т.) в пределах башкирской территории отряды эти будут превращены в постоянную милицию и перейдут в ведение отдела внутренних дел правительства Башкирии». (Подпись: товарищ председателя правительства Башкирии Валидов).

Таким образом, башкирское правительство после идеологической подготовки приступает к практическим действиям, т.-е. к вооруженной борьбе с советами и внутренним большевизмом. Так началась усиленная работа контрреволюции. Отряды формировались, борьба началась. Эти отряды играли карательную роль, они имели особое значение «в очистке страны от большевистских элементов» и в насильственном внедрении власти башкирского контрреволюционного правительства. Особенно среди них памятен отряд, действовавший под командой Ахмета Биишева.

После операций «по очистке страны от большевиков» 10 июля 1918 года башкирское правительство об'являет мобилизацию.

По этому поводу нелишне привести выдержки из первого акта (подлинник приказа мобилизации).

«Военный отдел правительства Башкирии, июль 10, 1918 г.

Ферман № 288 (приказ).

Сим об'является призыв башкирского населения на защиту родной Башкирии от власти насильников:

1) Мобилизуется башкирское население.....

2) Мобилизуются башкиры призывов 1918 г., 1917 г., 1916 г., 1915 г.

3) Волостные управы при составлении списков мобилизуемых о бывших красноармейцах должны сделать отметку в особой графе.

4) Всякие уклонения от явки к исполнению воинской повинности будут караться по всей строгости законов военного времени.

Подписали:

Командир войсками Оренбургского военного округа, полковник №

Начальник штаба округа полковник №.

Товарищ председателя правительства Башкирии и заведующий его военным отделом Валидов.

Председатель башкирского центрального совета Мрясов.

Заместитель председателя башкирского военного совета при военном отделе правительства Башкирии Н. Тагиров.

Члены: Г. Адигамов, Габдулхак Габитов, прапорщик Г. Мухамедьяров.

Секретарь военного отдела Саитгарей Магазов».

Хорошие защитники башкир. Башкирские националисты вместе с русскими царскими генералами, которые недавно резали башкир, защищают башкирскую нацию. Они на ряду с организацией карательных отрядов для борьбы с большевиками и советской властью, об'являют мобилизацию под угрозой «наказания» по всей строгости буржуазных законов в случае неявки. Башкирская контрреволюция, с одной стороны, разжигала национальные чувства башкир путем лжи и обмана и, с другой стороны — стращала народ «строгими буржуазными законами». Все методы здесь использовались. Так формировались башкирские полки.

В результате организации вооруженных сил, оказались сформированными 1, 2, 3, 4, 5, 6 пехотные стрелковые полки, два кавалерийских полка, один запасный полк и учебная команда. После формирования эти войсковые части были направлены на фронт против советской власти, которая боролась со всей контрреволюцией, высоко поднимая знамя освобождения трудящихся масс.

Вот каким образом башкирское контрреволюционное правительство (так называемое внеклассовое правительство, как они называли его сами) и его руководители национал-автономисты вели борьбу с советской властью и большевиками, вели борьбу против пролетарской диктатуры, которая на другой же день революции об'явила свободу всем народностям старой русской империи. Вот таким образом башкирские «националисты» — буржуазные пройдохи продали тогда башкир русскому империализму, который был сметен Октябрьской революцией.

Башкирское контрреволюционное правительство и учредиловская контрреволюция.

Башкирская контрреволюция с установлением тесного союза с сибирской реакцией — Сибирским временным правительством и его главным, военным штабом через военного министра, полковника Гришина-Алмазова устанавливает также связь с комитетом Учредительного Собрания, находившимся в то время в Самаре. Для переговоров с комитетом Учредительного Собрания и его военным министром по вопросам согла-

сования действий в борьбе с большевизмом и советской властью Башкирское правительство командирует Халикова. Он едет со следующим мандатом.

«От военного отдела правительства Башкирии. 10 июля 1918 г. № 228 (Челябинск).

«Пред'явитель сего, член башкирского областного совета Мулладжан Халиков, командируется военным отделом правительства Башкирии в гор. Самару для переговоров с комитетом членов Учредительного Собрания по вопросам текущего момента». Подписи: заведующий военным отделом правительства Валидов. За секретаря прапорщик №).

Переговоры М. Халикова закончились благоприятно для башкирской контрреволюции. «Комитет членов Учредительного Собрания» благословлял башкирское правительство столь же охотно, как и другие контрреволюционные правительства. В результате «учредилка» дает следую рания по вопросам текущего момента». (Подписи: заведующий военным вительство приступило к организации войсковых частей по договоренности с Сибирским временным правительством. Нахождение башкирской армии в рядах «народной» армии приветствуем». (Подпись военного мини стра учредилки полковника Галкина). (Башкир. движ. К.И.).

17 октября 1918 г. башкирское правительство официально (хотя с запозданием) договаривается с комитетом Учредительного Собрания в смысле вооружения, обмундирования и финансирования башкирской армии. После этого «учредилка» также начинает финансировать, вооружать башкирскую армию через представителя Башкирского правительства прапорщика Бриц, который уполномочен (мандат № 1195) для получения снаряжения, оружия, обмундирования и т. д. Чехо-словацкое командование и уфимский штаб белой армии, в свою очередь, приходят на помощь башкирской контрреволюции. Об этом говорит подлинник телеграфных переговоров. Приводим одну выдержку оттуда. «Валидову. Уфимский штаб народной армии и чехо-словацкое командование идут нам навстречу, отпускают оружие, обмундирование, продовольствие. Магазов».

В дальнейшем для получения денежных средств Башкирское правительство командирует в Самару подполковника Емельянова со следующим мандатом:

«От башкирского военного совета (штаб башкирских войск) 1918 г. № 1525. Дано сие и. д. начальника второй пехотной башкирской дивизии подполковнику Емельянову в том, что ему доверяется получить от военного ведомства «Комитета членов Учредительного Собрания», все денежные отпуски для частей войск Башкирии, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется. Тов. председателя Валидов За старшего ад'ютанта подпоручик (подпись)».

Вот результаты переговоров двух контрреволюционных сил «по текущему моменту». Таким образом, контрреволюционное Башкирское правительство в вопросе об обеспечении своей армии было поддержано контрреволюционной «учредилкой». Так был установлен контрреволюционный союз для борьбы с большевиками и советской властью.

Впоследствии все контрреволюционные правительства организуются в военный восточный союз. Этот союз состоял из правительств Башкирии, Казакстана, казачьего войскового управления и Сибирского правительства. Вот что писал Х. Габитов по этому поводу: «Господин Валидов, договорившись с Сибирским правительством, вновь поставил вопрос об организации «восточного союза» и в результате удалось ему включить

в этот союз и Башкирское правительство». Дальше, он пишет: «мы выметали большевиков и чтобы их бросать в «ад», мы, установив крепкую связь со своими союзниками, приступили к организации башкирских полков». «Цель вхождения в восточный союз, — говорит Х. Габитов, — не только охранять башкирскую автономию, но и вместе с союзниками, идя вместе рука об руку, еще раз покончить с большевиками, чтобы они не могли в другой раз поднимать голову» (1918 г., газ. «Гол. Баш.» № 2).

Башкирское контрреволюционное правительство в дальнейшем стремится самостоятельно связаться с армейским управлением империалистов. По этому поводу мы имеем следующий документ:

«От 8 декабря 1918 г. № 2137, дело Башкирского правительства.

«Пред'явитель сего, подпоручик башкирских войск Терегулов, уполномочен ходатайствовать перед соответствующими учреждениями и управлениями как русской, так и союзной армий (англичан, французов и т. д.) об отпуске башкирским частям необходимого снаряжения. обмундирования и припасов и принимать все отпущенное самому или через командированных им приемщиков, что подписями и приложением печати удостоверяется». (Подпись: полковник Бикмеев, и. д. начальника административного отдела правительства Башкирии полковник Янпкеев)

Поучительная картина. Под видом «защиты» башкирского народа, национал-автономисты делегируют своих представителей к главным штабам французского, английского и японского империализма и русской реакции. Можно подумать, что эти «благодетели» русской контрреволюции, т.-е. империалисты даром оказывали помощь. Далеко не так. Если бы победила контрреволюция, то они бы сдирали свои расходы с рабочих и крестьян Башкирии. Вот кому служила контрреволюция в том числе башкирская и татарская. Башкирские национал-автономисты, кричавшие «будто они борются за башкирскую нацию» на деле служили воинствующему империализму, как русскому, так и англо-французскому. Они были усердными лакеями капиталистов без различия национальности. Национальный флаг использовался ими только для прикрытия своих грязных дел. Так они обманывали народ, так они сочетали свой национальный флаг с империализмом.

От Уфимской директории—к колчаковской монархии, и башкирские „национал-автономисты".

Как мы выше указали о том, что в районах, расположенных к востоку от Волги, летом 1918 года возникло несколько правительств и организаций, имеющих правительственные функции: в Самаре—комитет членов Учредительного Собрания, Сибирское правительство—в Омске, простиравшие свою власть до Байкала, в Екатеринбурге—областное правительство Урала, Оренбургская и Уральская области управлялись войсковыми органами оренбургского и уральского казачества.

К правительствам, построенным по территориальному принципу, присоединялись еще правительства, построенные по принципу национальному. Башкиры создали свое национальное башкирское государство со своим башкирским советом министров. Киргизы организовали свою «алашорду», которая также путалась между Омском, т.-е. Сибирским правительством и Самарой—комитетом членов Учредительного Собрания.

По словам одного из участников погони за бежавшими, подавляющее большинство башкирского населения, несмотря на широко развитую агитацию валидовцев, было против и этой второй авантюры Башревкома (за исключением некоторой части Бурзяно-Тангауровского и Тамьян-Катайского кантона, с наиболее темным населением горно-лесного района, выражавшим, повидимому, сочувствие беглецам).

Из всего поведения валидовцев, совершенно ясно, что конечной целью их было полное обособление и образование буржуазно-демократической республики. В состав ее должны были войти и другие восточно-мусульманские народности (киргизы, узбеки и проч.).

Борьба валидовщины против пролетарской диктатуры в целом и ее души—коммунистической партии, в частности, не являлась неожиданной. Их основная цель была—установление мелкобуржуазной диктатуры и после перехода. Они совершили переход (на сторону советов) не из-за того, что они изменили основные свои взгляды. Они вынуждены были сделать это не по своему желанию. Вот что сообщает об этом товарищ Кошурников.

Он пишет: «С июня 1919 года по март 1920 г. я работал в штабе оренбургского укрепленного района; принимал участие в ликвидации белого киргизского правительства Алаш-Орды и в ликвидации южной колчаковской армии генерала Белова. Касающиеся документы по всем этим операциям проходили через меня. Среди документов Алаш-Ордынского правительства было письмо за подписью Валидова. Общее содержание письма состояло в следующем: в нем Валидов извещал правительство Алаш-Орды о своем переходе на сторону красных (письмо написано во время перехода) и указывал на вынужденность этого перехода; в то же время он говорил, что его переход является временным и он надеется, что те задачи, которые он ставит перед собой и о которых они с правительством Алаш-Орды раньше договорились, будут в дальнейшем выполнены. Кроме того, Валидов предупреждает правительство Алаш-Орды, чтобы оно не верило большевикам и продолжало борьбу с ними до последней возможности».

Из этого письма видно, что на свой переход на сторону сов. власти Валидов смотрел, как на вынужденное явление и только, как на стратегический прием.

Естественно, поскольку валидовщина вынужденно перешла на сторону красных и поскольку она считала этот переход стратегически необходимым, после же перехода компания Валидова, конечно, должна была изменить методы борьбы против пролетарской диктатуры — против советов, в то же время после перехода организованный Башревком, во главе с Валидовым и Юмагуловым, состоял персонально из мелкобуржуазных национал-демократов. Они, преследуя интересы буржуазной части населения, всеми силами стремились к возможно большему политическому обособлению Башкирии от всего остального Союза Советских Социалистических Республик, делая мысль в то же время о полном выделении из федерации, старались увлечь на этот ложный путь и другие восточные мусульманские народы (народы Казакстана, Туркестана и так далее).

Преследуя эти цели, буржуазия, во главе с валидовской кликой, всеми способами (которые были возможны после перехода) боролась против коммунистических организаций и отдельных представителей пролетариата. Наконец, они в июне месяце 1920 года решили осуществить свои планы прямого враждебного действия против пролетарской диктатуры.

И эта последняя попытка валидовщины была направлена именно для того, чтобы взорвать Союз Советских Социалистических Республик, или союз трудящихся всех угнетенных национальностей с победоносным пролетариатом. В то же время эта попытка была приурочена к моменту, когда начались последние схватки с агентами мирового империализма в лице польской военщины, врангельской армии, военной интервенции с юго-востока под командованием старого турецкого генерала Энвер-паши, которым руководил английский штаб. Благодаря тесному военному сотрудничеству трудящихся всех национальностей Советского Союза, эта попытка была предотвращена и злые намерения валидовщины не увенчались успехом. Они просчитались в своих расчетах. Время ими было проиграно. Они в своих последних выступлениях против подлинной советизации Башкирии потерпели полное банкротство. Башкирское бедняцкое, середняцкое крестьянство и армия не поддерживали их. После этого создается новое правительство из представителей рабочих и крестьян.

Но все-же, на ряду с отдельными работниками, полностью разделявшими политическую линию Валидова, было значительное количество работников колебавшихся. В связи с бегством правительства, создавшаяся растерянность повлекла также за собой бегство за Валидовым некоторых руководящих кантонных работников.

Колебавшимся работникам после бегства стали ясны неприемлемость и контрреволюционность валидовщины.

Позднейшим и наиболее острым последствием линии Валидова и его бегства явилось антисоветское восстание во главе с Мурзабулатовым в районе б. Бурзян-Тангауровского кантона (ныне Зилаир). Характерным является то обстоятельство, что одним из основных военных руководителей восстания был русский офицер-колчаковец (Ланин).

Усилению антисоветских настроений в этом районе содействовала авантюристическая деятельность двух уполномоченных Башкирского правительства — Поленова и Руденко, находившихся во главе военного отряда, злоупотреблявших доверием власти и проявивших ничем не оправдываемую жестокость к местному башкирскому населению.

Конфликт был вскоре ликвидирован, благодаря переговорам, организованным Башобкомом, в котором приняли активное участие башкирские работники.

„Княжество" и „монархия" под национальным флагом.

Из документов предыдущей главы видно, что валидовское правительство и вообще валидовщина стремилась к буржуазной форме организации власти на территории Башкирии. Валидовцы ни в коей мере не могли согласиться с принципами пролетарской диктатуры.

Что хотела руководящая группа валидовцев, ясно видно еще из той декларации, которая была оглашена в 1921 году оставшимися их соратниками — Ахранюком (Черский) и Амантаевым, организовавшими в этом же году, при помощи дезертиров и кулаков, мятеж. Вот что пишется в ней:

«Должна быть республика в России едина и ею будет управлять один человек, избираемый Всероссийским Учредительным собранием.

«Княжества: Башкирия, Украина, Польша и т. д. — все эти мелкие княжества должны подчиняться президенту России, как Соединенные Штаты.

«В республике об'является полное внутреннее самоуправление, каждая мелкая автономия остается по-прежнему в смысле внутреннего самоуправления.

«В республике об'является неприкосновенность собственности и вольная торговля, борьба против коммунистов и не допускается никакая идея коммунизма.

«Центром Башкирского княжества об'являю завод Преображенский, куда должны сосредотачиваться все воинские части, а также все правления княжества Башкирии.

«После освобождения башкир будут освобождены киргизы... Соединив башкир с киргизами, задачей будет освободить всю Россию от ига коммунизма и будет об'явлен Всероссийский с'езд Учредительного собрания.

«С получением декларации—всем приказываю оставаться вне всяких подчинений власти коммунистов и произвести арест всех... коммунистов в Башкирской республике и препроводить в центр.

«Стерлитамакским военным частям оставить Стерлитамак и двинуться в центр Башкирии, заранее сообщив время прибытия...

«Братья, не жалейте Стерлитамака, он будет наш, ибо вся Россия будет наша... Надеюсь, что вы как сыны родины пойдете на защиту и освобождение России от коммунистов. Да здравствует княжество Башкирии, все нации России. Да здравствует крепкая, могучая, сильная Россия. Командующий вооруженными силами народных войск Черский. Представитель (княжества) Башкирии Амантаев».

Этот последний акт, подписанный одним из деятелей русской контрреволюции и одним из руководителей-валидовцев, является действительным отражением идеи «партии башкирских автономистов». Они из восточных народов, башкир, казаков, узбеков, таджиков и т. д. хотели создать «восточные княжества». Одним словом, самостоятельные царьки на ближнем Востоке. Эта идея была очень опасной. Она опиралась на элементы тех хозяйственно-бытовых отношений, которые имелись на Востоке, особенно в юго-восточном районе Башкирии и в Киргизии, Узбекистане, Туркменистане, Бухаре, где монапо-феодальные отношения сохранились до советского государственного размежевания (1924 — 25 г.) и даже до проведения земельной реформы 1927—28 г.

Последняя группа из компании Валидова, под руководством монархиста Ахранюка (Черского) и Амантаева, не получила поддержки со стороны башкирских крестьян. Башкирская беднейшая часть населения видела в них таких же авантюристов, контрреволюционеров, каким был Валидов и другие его спутники.

Князь Черский и Амантаев, опиравшиеся на вооруженные силы, состоявшие из дезертиров, не могли устоять против двинутой силы со стороны города Стерлитамака (тогда центр БАССР) и агитация их не имела никакого успеха среди башкир и киргиз, кроме мулл и крупных баев-кулаков. Монархический мятеж был ликвидирован. Идея о княжестве Башкирии потерпела окончательное поражение. Руководители «княжества» скрылись, часть из них была задержана и арестована.

ГЛАВА XVII.

От мелко-буржуазной диктатуры Валидова и его компании к диктатуре пролетариата.

После бегства валидовского правительства созывается 1-й с'езд советов БАССР, который образует новое правительство из представителей трудового крестьянства и рабочих, хотя аппараты государственных учреждений вообще были слабы. Руководителей идейно-твердых было недостаточно. Тем не менее, необходимо констатировать, что процесс создания классового советского самоуправления длился сравнительно недолго Постепенно налаживается руководство со стороны центра, накапливается опыт на местах, растет кадр работников. Фундаментом советского строительства становятся сельские и городские советы. На этом фундаменте возвышается и растет великое здание Советской Республики со с'ездами советов и их исполнительными органами.

Городские советы сыграли первостепенную роль; крестьянство Башкирии с энтузиазмом присоединилось к ним. Сама борьба поставила пролетариат в роли руководителя. Крестьяне, как говорится, нутром своим чувствовали, что городской совет является не только их союзником, но и руководителем. Между тем, процесс классового расслоения в деревне углублялся, росла активность бедняцкого крестьянства. Последние стали осваиваться со своей ролью, они в союзе с рабочим классом и под его руководством стали вести решительную борьбу с кулаками, закрепляя союз со средним крестьянством. Интересы быстрого и планомерного проведения в жизнь огромными пластами выраставших задач требовали создания таких советов, которые были бы бедняцкие, чтобы произведя перевыборы советов, ежегодно обеспечить полное влияние бедноты на ход перевыборов. С этой задачей партийные организации Башкирии блестяще справились. Так было положено начало установлению в деревне прочной, подлинно советской власти. Так были созданы первые низовые органы, которым предстояло, под руководством пролетариата и его партии, закреплять завоевания Октября в деревне Советской Башкирской Республики.

В 1924—25 году, т.-е. в первый год нормально налаженной работы, начавшейся после слияния Малой Башкирии с бывшей Уфимской губернией, мы имели по 1914 сельским советам 11069 депутатов, из них 10323 человека представляли беднейшее и среднее крестьянство, остальные — рабочие и батраки, служащие, кустари и ремесленники; это — при норме представительства: 1 депутат на каждые 100 человек населения. Каково положение к десятилетию? В результате перевыборов 1926—27 года, после произведенного разукрупнения некоторых сельских советов, при норме представительства: 1 депутат на каждые 50 человек населения, мы имеем по 1995 сельским советам всего 45806 депутатов, из них 41399 чел. (90,38 проц.) составляют крестьяне середняки и бедняки, остальные (9,62 проц.) — рабочие и батраки, служащие, кустари, интеллигенция и другие.

В 1924—25 году коммунистов и комсомольцев в составе советов было 1299 чел. (или 11,7 проц. всего состава) и беспартийных—9770 чел. (или 88,3 проц.), в последнем году в составе сельских советов коммунистов—

2333 чел. (или 5,1 проц.), комсомольцев — 1750 чел. (или 3,82 проц.), а тех и других вместе — 8,92 проц. Таким образом, абсолютное количество коммунистов и комсомольцев в составе сельсоветов выросло в три слишним раза; понижение же процента об'ясняется абсолютным ростом общего числа членов советов, ибо выборы в 1924—25 году производились из расчета 1 депутат от 200 душ населения, последние же выборы произведены по норме 1 депутат от 50 душ населения.

В 1924—25 г. по 117 волостям было проведено 117 волостных с'ездов. Общее количество участников — 8176 чел., члены ВКП(б) составляли 23 проц. общего числа. В последнем году (1926—27) на 114 волс'ездах участвовало всего 11514 чел., партийцы составляли 17,5 проц. (2018 чел.). В 1924—25 г. в составе 117 волисполкомов мы имели 849 членов, в 1926—27 году в 114 волисполкомах — 1235 чел. Огромное большинство — представители трудового крестьянства.

Цифры ясно показывают, что эта многотысячная армия сельсоветчиков и волисполкомцев — не пришельцы, не силой навязанные населению, как это утверждают наши враги, — нет: это представители той самой трудовой крестьянской массы, интересы которой эта армия представляет. Цифры столь же ясно говорят, что эта колоссальная беспартийная масса проводит в жизнь политику нашей партии и советской власти, что, стало быть, их линия правильна и соответствует интересам трудового крестьянства, заключившего тесный союз с классом-гегемоном—с пролетариатом.

Кантонные с'езды советов и исполкомы. Первое время определенного срока созыва кантонных (уездных) с'ездов советов не было, как и не было определенной нормы представительства: каждый совет определял их по-своему. Лишь после издания конституции, введены в систему и сроки и нормы. По конституции кантонные с'езды образуются из представителей сельских советов по расчету: один делегат на тысячу жителей. В настоящее время кантонные с'езды советов собираются один раз в год.

Перед с'ездом отчитывается исполком и основные его отделы. Обыкновенно на повестку дня с'ездов ставятся: доклад о текущем моменте, отчет правительства, доклад о деятельности исполкома и некоторых его отделов. В центре местных тем — вопросы земельные, сельского хозяйства, народного просвещения, финансовые.

Нелишне сообщить некоторые данные о составе кантонных с'ездов и кантонных исполкомов. Для примера возьмем 1924—25 год. По 8-ми кантонам Башреспублики в этом году кантонными с'ездами советов охвачено всего 1330 чел., среди них крестьяне составляют 483 чел. (33 проц.), рабочие и батраки — 84 чел. (6 проц.), служащие — 808 чел. (61 проц.). В 1926—27 г. всего участвовало в кантонных с'ездах 1554 чел., из них— 851 чел. (54,75 проц.) составляют крестьяне от сохи, 119 чел. (7,7 проц). — рабочие и батраки, 6 чел. (0,38 проц.) кустари и ремесленники, 489 чел. (31,46 проц.)—служащие, 79 чел. (5,08 проц.)—интеллигенция и 8 чел. (0,5 проц.) — красноармейцы.

Из цифр видно, что в составе кантонной власти подавляющее большинство принадлежит низовому крестьянскому и рабочему активу. Товарищ Сталин писал:

«Не отрицание автономии, а признание ее является очередной задачей советской власти; необходимо только автономию эту построить на базисе советов, на местах необходимо, чтобы автономия обеспечила власть не верхам данной нации, а ее низам».

В соответствии с этим и у нас, в Башреспублике, высший орган власти сконструирован так, что он, действительно, осуществляет власть низов. Этим высшим органом является Всебашкирский С'езд Советов, который составляется из делегатов, избираемых от местных советов по расчету: от городских — по одному на пять тысяч избирателей и от остального населения — по одному делегату на двадцать пять тысяч жителей. Всебашкирский С'езд выделяет свой исполнительный орган — Башкирский Центральный Исполнительный Комитет, который в промежутки между с'ездами является высшим органом власти республики. Для текущей работы и повседневного управления республикой центральный исполком выделяет президиум. Для выполнения работы, подлежащей ведению центральной власти, кроме того, образованы народные комиссариаты, об'единяемые Совнаркомом Башкирской республики. Таких наркоматов и центральных учреждений у нас — 14; 1) Внутренних дел, 2) Земледелия, 3) Финансов, 4) Просвещения, 5) Рабоче-Крестьянская Инспекция, 6) Труда, 7) Здравоохранения, 8) Торговли, 9) Юстиции, 10) Совет Народного Хозяйства, 11) Территориальное управление, 12) Социального Обеспечения, 13) Центральное Статистическое Управление, 14) Г. П. У.

Со дня образования Башкирской Автономной республики всего созвано 7 с'ездов советов (2—в Малой Башкирии, 5—после слияния ее с бывшей Уфимской губернией). Каков же состав этих с'ездов? Для иллюстрации возьмем с'езды 1922 года и 1927 годов. В 1922 году из 141 участника с'езда с решающим голосом 54 чел. (38,3 проц.) составляли крестьяне, 33 чел. (23,4 проц.) — рабочие, 54 чел. (38,3 проц.) — служащие. VI Всебашкирский с'езд в 1927 году имел в своем составе 296 участников, из них 103 чел. (35 проц.) — крестьяне, 20 чел. (6,5 проц.) — рабочие, 163 чел. (55,5 проц.) — служащие, в подавляющем большинстве — выходцы из рабочих и крестьян и 10 чел. (3 проц.) красноармейцы. Состав крестьянских делегатов—из 103 чел.: 16 — батраки и безлошадные, 59 — однолошадные, 25 — двухлошадные и всего лишь 3 чел. — 3-х лошадные.

Каков партийный состав с'ездов? III с'езд советов имел в своем составе 132 партийца (в это число входят кандидаты), т.-е. 93,61 проц., остальное меньшинство (9 чел.) — беспартийных. VI-й же с'езд дал другую картину. В составе делегатов: 207 членов и кандидатов ВКП(б) (68,8 проц.), 4 комсомольца (1,3 проц.) и 85 беспартийных (29,9 проц.). Из этого видно, что в состав высшего органа власти БАССР с каждым годом вовлекаются все больше и больше беспартийные массы.

Всем памятны клеветнические утверждения врагов советской власти, «автономия — лишь ловушка большевиков, башкирские и татарские народы ничего от нее не получат». Представительство коренных народностей Башкирии в высшем органе управления БАССР служит лучшим ответом на эти наглые, вздорные обвинения. Вот цифры. Национальный состав III-го С'езда Советов был таков: башкир и татар 61 чел. (43,26 проц.), русских 71 (50,35 проц.), прочих 9 (6,39 проц.); таков же, приблизительно, и состав VI с'езда: башкир 85 чел. (29 проц.), татар 72 (24,5 проц.), русских 99 (32,9 проц.), прочих 40 (13,6 проц.). Цифры говорят, что башкирская и татарская национальности, не допускавшиеся в царское время не только к делу управления, но и технической работе в аппарате, занимают теперь большинство в составе высшего органа управления. Да, конечно, представителям национальной буржуазии и кулачества здесь места нет, но мы это, разумеется, считаем не недостатком, а огромным преимуществом советской власти.

«Каждая кухарка должна научиться управлять государством», — завещал В. И. Ленин. Выполняется ли этот завет вождя? Для иллюстрации несколько цифр. III-й с'езд имел в своем составе 138 (97,86 проц.) мужчин и лишь всего 3 (2,14 проц.) женщин, шестой же с'езд насчитывал в своем составе 261 (88,77 проц.) мужчин и 35 чел. (11,23 проц.) женщин. Следовательно, и в этом отношении Башкирия неизменно двигается вперед. В условиях национальной республики, где женщина была исключительно отстала и закабалена, такое неизменно-прогрессирующее вовлечение женщины в дело управления страной является не малым достижением.

**
*

Вовлечение в работу советов рабочих и крестьянских низов, участие в управлении страной трудящихся женщин, оживление советов, восстановление промышленности и сельского хозяйства, разрушенных в годы гражданской войны и голода, реальные мероприятия по упрощению аппарата управления и удешевлению его становятся все более успешными, борьба с пережитками старого (бюрократизмом, взяточничеством и т. п.), вот та колоссальная работа, выполнением которой справедливо может гордиться БАССР. Пролетарская законность и революционный порядок в стране укоренились; административные органы пользуются в стране огромным авторитетом у трудящихся масс.

Мы, не касаемся всей огромной, разносторонней работы. Мы, конечно, не закрываем глаза и на недостатки, но они исправимы. Привлекая рабоче-крестьянские низы, выковывая кадры авторитетных, преданных революции работников, день ото дня совершенствуется и социалистически переделывается советский аппарат.

Образование Большой Башкирии.

Центральные аппараты власти в Башкирии в первые годы образования, так называемой Малой Башкирии, находились в уездном городе Стерлитамаке, далеко отстоящем от железной дороги и по водному пути связывающемся на очень короткое время (во время половодья) с центральным городом—Уфой. Необходимо было выйти из этого положения. Кроме того, Башкирия, оставаясь в положении Малой Башкирии, в хозяйственно-экономическом отношении представляла собой сплошное недоразумение и, куда бы она не повернулась, она натыкалась на интересы соседних самостоятельных и несамостоятельных областей. Значительная часть башкир, оставшихся вне республики, а также и татары бывшей Уфимской губернии (которые в некоторых уездах составляли 50—60 проц. населения) проявляли желание присоединиться или к Башкирии или к Татарии. Учитывая все это положение, ВЦИК принял следующее постановление:

«В развитие и дополнение соглашения Центральной Советской власти о башкирском правительстве от 23 марта 1919 года и постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 22 августа 1920 года, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1. Упразднить Уфимскую губернию, включив в состав Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики уезды: Уфимский, Бирский, Белебеевский и Златоустовский.

2. Волости Миасского уезда, Челябинской губернии: Тургоякскую, Сыротанскую, Миасскую с городом Миассом, а также районы горы Магнитной и оврагов Каменных по реке Кизыл — передать Башреспублике.

3. Яланский кантон Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики перечислить в Челябинскую губернию.

4. Центр Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики перевести из города Стерлитамака в город Уфу.

5. Ликвидацию Губисполкома упраздняемой Уфимской губернии, перевод центра Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики из города Стерлитамака в гор. Уфу и передачу органов управления территорий, отходящих из Башреспублики в соседние губернии и обратно, а равно территорий, отходящих от Башреспублики в Челябинскую губернию, закончить не позднее августа 1922 года в порядке, установленном Народным Комиссариатом Внутренних дел РСФСР.

6. Вывоз имущества и перевод сотрудников из учреждений территорий, подлежащих передаче, до составления акта передачи допускается лишь с разрешения Наркомвнутдела РСФСР.

7. Народному Комиссариату Внутренних Дел и Народному Комиссариату по Делам Национальностей поручается разрешение всех вопросов и споров, могущих возникнуть между заинтересованными сторонами в связи с пердачей Башреспублике указанной территории».

При создании Башкирии, конечно, невозможно было сохранить старое административное деление. Малая Башкирия образовалась из частей Уфимской, Оренбургской, Екатеринбургской и Самарской губерний, а эти отрезанные части не представляли из себя целиком уезд, и даже некоторые волости были присоединены частично.

Перекройка этих административных единиц заняла довольно продолжительное время. Вначале Малая Башкирия состояла из 11 кантонов, преобразованных из волостей, но потом, после присоединения всей Уфимской губернии к Башкирии (кроме Мензелинского кантона, который отошел к Татарии), было проведено новое административное деление, при чем кантоны укрупняются до размеров прежних уездов [1]).

ГЛАВА XVIII.

Краткая характеристика и оценка основных этапов в истории Башкирии.

1. В условиях царского режима процветала великодержавная политика царского правительства по линии чудовищной эксплоатации экономически маломощных и культурно слабо развитых национальностей в интересах помещиков и капиталистов. Башкирский трудовой народ на протяжении сотен лет подвергался жесточайшему произволу со стороны агентов царской власти, став жертвой колонизаторской и руссификаторской политики. Дворяне, помещики и царские чиновники захватили на территории Башкирии огромное количество земель, эксплоатируя их при помощи дарового труда крепостных крестьян; по указу царской власти, промышленникам отводилась лучшая земля, богатая рудами и друг. ископаемыми, под заводы, земля отбиралась, заставляли крепостных крестьян работать на заводах. На территорию Башкирии устремились любители легкой наживы (купцы, чиновники и проч.), которые разным способом и путем захватили в свои руки огромные земельные и лесные пло-

[1]) Читай дальше нашу книгу: „Основные этапы в истории национального движения и Советской Башкирии". Изд. Башкниги, Уфа, 1929 год.

щади, хищнически разрабатывая их и перепродавая земельные участки безземельным переселенцам на еще более кабальных условиях. Впоследствии в колонизации Башкирии крупную роль сыграл Крестьянский Поземельный Банк, который в широких размерах организовал на кабальных условиях перепродажу башкирских земель переселенцам из центральных и западных губерний России.

2. Процесс обезземеливания — прямой результат колонизаторской политики царского правительства — нанес тяжелый удар благосостоянию башкирина-скотовода и земледельца, которые без широких земельных просторов не могли развивать свое хозяйство, особенно скотоводческое, и в результате начался процесс массового обнищания башкирского населения. Задержка в экономическом росте сопровождалась культурной отсталостью, царское правительство усиленно руссифицировало «инородцев», светской школы башкирское трудовое население не знало, для него существовали исключительно духовные школы (медрессе и мектеб), находившиеся под непосредственным влиянием мулл. Трудовое крестьянство оставалось неграмотным и невежественным, почти отсутствовала организация медицинской и санитарной помощи населению. В то же время привиллегированная часть из национальной буржуазии, как-то: дворяне, муллы, чиновники, башкирская интеллигенция имели возможность обучаться почти во всех учебных заведениях вплоть до кадетских корпусов.

3. В результате колонизации Башкирии, безземельное башкирское население в лице всего русского видело только источник раззорения и угнетения. Все это приводило к росту национального антагонизма и вражды.

Вся политика царского правительства, в союзе с русской буржуазией и местной национальной буржуазией, строилась на всемерном обострении национальной вражды, отвлекая внимание трудовых крестьян обеих национальностей от общих классовых интересов и от действительных врагов внутри своей нации.

Политика обезземеливания башкир, с одной стороны, и отсутствие культурно-хозяйственного роста, с другой, обуславливающие обнищание и вымирание народа, находили опору и поддержку в лице башкирского кулачества, которое в роли всяких уполномоченных, доверенных, старшин и т. п. способствовало процессу скорейшего обезземеливания башкир, наживаясь при каждой сделке на землю.

В таком положении находился башкирский трудовой народ к моменту Февральской буржуазной революции в 1917 году (из тез. БОК).

«В эпоху буржуазной революции в России (с февраля 1917 года) национальное движение на окраинах, — говорит тов. Сталин, — носило характер буржуазно-освободительного движения» [1]). Тогда «речь шла об освобождении от царизма, как «основной причины» национального гнета, и образовании национальных буржуазных государств» [2]). «Уничтожение царизма и появление у власти буржуазии не повели, однако, к уничтожению национального гнета. Старая грубая форма национального гнета, сменилась новой, утонченной, но зато более опасной формой гнета. Правительство Львова, Милюкова, Керенского не только не порвало с политикой национального гнета, но и организовало еще новый поход против Финляндии (разгон сейма летом 1917 года) и Украины (разгром культурных учреждений Украины). Более того, это правительство импе-

[1]) Сталин. „Сборник статей".
[2]) Там же.

риалистическое по своей природе, — говорит тов. Сталин, — призывало население к продолжению войны для подчинения новых земель, новых колоний и национальностей» [3]).

Поэтому в первый период башкирского движения (от февраля до октября 17 года), направленного на об'явление Башкирии буржуазно-демократической автономной республикой, вопреки стремлениям Временного правительства, пытавшегося сохранить Россию неделимой, и борьба против продолжения империалистической войны и борьба против татарской буржуазии, стремившейся под флагом ислама установить свое господство над более отсталыми народностями Востока, — все это есть национально-освободительное и об'ективно-революционное движение, поскольку оно направлено против империализма. Каждый шаг национально-освободительного движения против империализма сильно подрывал тогда русский империализм и империалистическое Временное правительство.

Вот наше определение первого периода башкирского движения, продолжавшегося до октября 1917 года.

Башкирское движение первого периода мы определили, как буржуазное национальное освободительное и об'ективно-революционное движение. Но дело в том, что руководители башкирского национального движения и слышать не хотели о социалистической революции. Они, будучи врагами антиимпериалистической политики Временного правительства по существу вовсе не хотели окончательно порвать связь с империалистическим буржуазным Временным правительством. Это положение заранее определило дальнейшую судьбу второго периода башкирского национального движения.

Когда временное правительство 25 октября (1917 г.) было низвергнуто, когда власть перешла Советам, которые окончательно уничтожили основы национального гнета своей «Декларацией прав народов России», «национальное» Башкирское правительство и его руководители и вообще «башкирские национал-автономисты», прекращая свою борьбу со стремлениями к беспредельному господству в Башкирии русского империализма, переходят в лагерь последнего (империалистической русской буржуазии), который вновь стремился возобновить свою власть и стал вести войну против советской власти, против Октябрьской революции.

На ряду с русской буржуазией и Башкирское правительство об'явило войну социалистическому правительству — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Таким образом, Башкирское правительство, в том числе и другие окраинные «национальные правительства», естественно, стали опорой русской реакционной буржуазии, стягивавшей вокруг себя все контрреволюционное в старой России. Ни для кого не тайна, что туда, в эти очаги, устремились все вышибленные из России контрреволюционеры, что там (вокруг этих очагов) вступали они в белогвардейские «национальные полки».

«Иные изображают борьбу окраинных «правительств», как борьбу за национальное освобождение против «бездушного централизма» советской власти. Но это не верно. Ни одна власть в мире не допускала такого децентрализма, ни одно правительство в мире не предоставляло такой полноты национальной свободы, как советская власть в России.

Борьба окраинных «правительств» была и остается борьбой буржуазной контрреволюции против социализма. Национальный флаг при-

[1]) Сталин. „Сборник статей".

стегивался к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, «удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии» [1]).

Башкирские «национал-автономисты» и, вообще, буржуазия также свою контрреволюционную борьбу против Октябрьской революции окрасили в национальный цвет.

И вот, под этим же национальным флагом башкирские буржуазные «национал-автономисты» после Октября, рядом с русскими кадетами, эсерами и генералами, вели отчаянную борьбу с большевизмом.

Каково наше определение этого второго периода, т.-е. периода от 25 октября 1917 года по февраль 1919 г.?

— Не может быть никакого сомнения, что национальное движение этого периода есть движение, приспособленное исключительно к интересам башкирской буржуазии, движение, шедшее с согласия и под руководством русской империалистической буржуазии. Это есть движение, которое перешло от ступени буржуазно-национально-освободительного движения, к прямой контрреволюции. Оно больше не ослабляло силы империализма, а, наоборот, помогало реставрации русского империализма. Этот второй период башкирского национального движения, как с точки зрения национальной свободы, так и с точки зрения пролетарской революции, является реакционным движением. И тот, кто принимал активное участие в ней, и те, которые руководили этим движением, на деле работали в пользу русского империализма. Башкирские национал-автономисты являлись лакеями русских капиталистов.

С 18 февраля 1919 года начинается третий период, период советизации Башкирии, который достигнут под давлением башкирской трудовой крестьянской массы, особенно бедноты и победоносного движения Красной армии и, наконец, под напором растущего стремления башкирских солдат-крестьян в сторону советов, которые вынудили руководящую верхушку башкирского движения сложить оружие, направленное против великой Октябрьской революции. Этот третий период можно характеризовать следующими моментами:

Поскольку валидовщина вынужденно перешла к Советам, то она, конечно, должна была изменить методы борьбы против пролетарской диктатуры — против Советов.

После перехода на сторону Советов, организованный Башревком, во главе с Валидовым и Юмагуловым, состоял персонально из мелкобуржуазных национал-демократов. Они, преследуя интересы буржуазной части населения, всеми силами стремились к возможно большему политическому обособлению Башкирии от всего остального Союза Советских Социалист. Республик, лелея мысль о полном выделении из федерации и превращении Советской Башкирии в буржуазно-демократическую республику, старались увлечь на этот же путь и другие восточные мусульманские народы (народы Казакстана, Туркестана и т. д.).

Преследуя эти цели, мелко-буржуазный Башревком, во главе с валидовской кликой, всеми способами (которые были возможны после перехода) боролся против коммунистических организаций и отдельных представителей пролетариата. Наконец, в июне месяце 1920 года он решил осуществить свои планы прямого враждебного действия против пролетарской диктатуры.

И эта последняя попытка валидовщины была направлена именно для того, чтобы взорвать Союз Советских Социалистических Республик,

---

[1]) Сталин. „Сборник статей"

или союз трудящихся всех угнетенных национальностей с победоносным пролетариатом. В то же время эта попытка была приурочена к моменту, когда начались последние схватки с агентами мирового империализма в лице польской военщины, врангелевской армии и начавшейся военной интервенции с юго-востока под командованием старого турецкого генерала Энвер-паши, которым руководил английский генштаб. Благодаря тесному военному сотрудничеству трудящихся всех национальностей Советского Союза эта попытка была предотвращена и намерения валидовщины не увенчались успехом. Они просчитались в своих расчетах. Время ими было проиграно. Они в своих последних выступлениях против подлинной советизации Башкирии потерпели полное банкротство. Башкирское крестьянство и армия не поддержали их. После этого создается новое правительство из представителей рабочих и крестьян, начинает осуществляться руководство коммунистических организаций.

Итак, третий период башкирского национального движения можно определить, как переходный период от руководства мелко-буржуазной клики национального движения к диктатуре пролетариата.

Четвертый период начинается с июня 1920 года. Этот период является периодом[1]) строительства, укрепления Советов и восстановления всего народного хозяйства Башкирии, на основе социалистического строительства. Этот четвертый период, можно сказать, заканчивается к 10-ти летнему юбилейному празднику Советской Башкирии. Дальше, 1929 год можно считать началом нового периода, периода индустриализации Башкирии, реконструкции (переустройства) всего народного хозяйства и дальнейшего усиления и углубления наступления социалистических элементов в городе и деревне.

ГЛАВА XIX.

Кулацкий террор 1928-29 года.

Решительное наступление на капиталистические элементы в 1928—1929 году в деревне всей совокупностью экономических, политических и организационных мероприятий: с.-х. налог, индивидуальное обложение, самообложение, которое основной своей тяжестью ложилось на кулака. Укрепление кооперации, усиление кооперирования основных масс крестьянства, колхозное строительство, урезывание в кредитовании и машиноснабжении кулака. Развертывание широкой работы с беднотой и рост ее политической активности и организованности, удаление кулацких элементов из советских и кооперативных органов, лишение права голоса и т. д., которые, т.-е. кулаки, духовенство и вообще чуждые советской власти элементы (бывшие офицеры, белогвардейцы и остатки старого дворянского сословия и т. д.), оказывают активное сопротивление нашим мероприятиям, проводимым в деревне. Все эти остатки прошлого вели и ведут борьбу с партией и советской властью, самыми различными методами, начиная с влияния индивидуально на бедноту, середняков, а подчас на отдельных советских, кооперативных работников и, путем подкупа, спаивания, обещания и т. д., но когда этих методов недостаточно, то — «в последнее время, кулак, видя собственное бессилие влиять на советы, бедноту и середняков, переходит к открытому террору, стреляя в лучших представителей власти» (резолюция Бюро БОК).

---

[1]) Лишь в 1921 году был безуспешный авантюристический мятеж Черского и Амантаева.

Выстрелами в сентябре и декабре 1928 года (через окно, из обрезов убит у себя на дому председатель Ново-Жуковского сельсовета тов. Ромашенко. По предварительному сговору был сильно избит, а затем сожжен, секретарь Калинниковского сельсовета тов. Куфтерин. Поленами, кирпичами учинен зверский самосуд над активистом деревни Кузгун-Ахмеровой т. Шагиахметовым. (Шагиахметов быв. доброволец Красной армии, награжденный орденом красного знамени). Имели место и другие случаи террористических актов, случаи избиений, угроз по отношению к лучшим представителям советской власти и партии на селе и деревенского актива. Имели место поджоги имущества последних.

К концу 1928 года, ко всем этим жертвам кулацкого террора, прибавилась еще одна жизнь, жизнь активного проводника директив партии и советской власти, жизнь тов. Галиева.

Решительное проведение революционной законности по отношению к классовым врагам, проведение директив советского правительства, было причиной его трагической гибели.

Вечером, 11 декабря, по возвращении с собрания общества граждан дер. Стерлибашево, на его было произведено нападение—ударом железным ломом по голове, а затем в него было произведено два выстрела. Нападение имело место на другой день после судебного процесса, в той же деревне, по выселению из национализированных домов дворян, кулаков Тукаевых. В этом судебном процессе т. Галиев участвовал как представитель советской прокуратуры.

Все эти жертвы кулацкого террора вызвали массовый протест рабочих и крестьян. На прошедших многочисленных рабоче-крестьянских собраниях, трудящиеся БАССР требовали жестокой расправы с террористами-кулаками.

Приговорами Башглавсуда убийцы и их соучастники приговорены к высшей мере социальной защиты — расстрелу [1]).

— Решительнее огонь против террористов, громил, поджигателей.

— Решительнее огонь против классового врага, за крепкий союз с середняком, — так заявили рабочие, беднота и батрачество Советской Башкирии в ответ врагам социалистического переустройства деревни.

Необходимо учитывать, что в дальнейшей работе по наступлению на капиталистические элементы, неизбежно будем встречать сопротивление классового врага, но диктатура пролетариата подавит это сопротивление. Диктатура пролетариата есть целый период, период перехода от капитализма к социализму.

«В течение всего этого переходного времени, — говорит т. Ленин, — сопротивление перевороту будут оказывать и капиталисты, а равно и их многочисленные приспешники из буржуазной интеллигенции, сопротивляющиеся сознательно, и громадная масса слишком забитых мелкобуржуазными привычками и традициями трудящихся, крестьян в том числе, сопротивляющихся сплошь да рядом бессознательно. Колебания в этих слоях неизбежны. Крестьян, как труженик, тянет к социализму, предпочитая диктатуру рабочих диктатуре буржуазии. Крестьянин, как продавец хлеба, тянет к буржуазии, к свободной торговле, т.-е. назад к «признанному», старому, «исконному капитализму».

«Диктатура (пролетариата) предполагает применение беспощадно сурового, быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплоататоров, капиталистов, помещиков и их прихвостней. Кто не понял этого, тот не революционер, того надо убрать с поста вождей или советчиков пролетариата».

---

[1]) Из книги „Револ. закон." 1928 г.

«Но не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры и не главным образом в насилии. Главная сущность ее в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, его авангарда, его единственного руководителя — пролетариата. Его цель создать социализм, уничтожить деление общества на классы; сделать всех членов общества трудящимися; отнять почву у всякой эксплоатации человека человеком. Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного периода от капитализма к социализму и потому, что переорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни и потому, что громадная сила привычки к мелкобуржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой упорной борьбе. Поэтому, Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата, как периоде перехода от капитализма к социализму» (ЛЕНИН).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие автора 2
1. Древние обитатели Башкирии 5
2. Великая Башджардия 6
3. Племенное происхождение башкир и их быт 8
4. Древние верования и внедрение ислама в Башкирию 17
5. Завоевание Башкирии Московским государством 20
6. Формы управления в Башкирии до и после завоевания Москвой, 21
Кантонная опричина 26
7. Боярско-дворянская колонизация Башкирии 30
8. Помещичье-дворянское господство и восстания в Башкирии . . 38
Первые восстания 43
Кара-Сакальское восстание 47
Восстание башкир „Сибирской дороги“ 54
От Пугачево-Салаватского бунта до Авзяно-Петровск. восстания. 57
9. Отмена кантонной опричины, крепостного права и результаты колонизации 69
Последняя дворянизация башкирских общинных земель 81
10. Развитие промышленного капитализма и рабочее движение в дореволюционной Башкирии 88
Мартовский расстрел рабочих 94
11. 1905 год и годы реакции 98
12. Империалистическая война и хозяйство Башкирского края . . . 122
Крестьянское хоз-во в период войны 1914—17 г. г. . . . . —
Промышленность перед революцией 125
13. От Февраля к Октябрю 126
Татаро-башкирская буржуазия и Февраль 137
14. Независимое башкирское национальное движение 141
Нацдвижение и „Союз башкирского народа“ 142
Отношение татарской буржуазии к башкирской автономии . . . 147
Октябрьская революция и башкирское национальное движение . 151
Арест членов Башкирского Национального Правительства и образование революционного Башкурдстана 156
Разгон контр-революционного „Управления культурно-национальной автономии“ татарской буржуазии в Уфе 159
15. Гражданская война в Башкирии 167
Башкирское Правительство и Сибирская контрреволюция 171
Башкирское контрреволюционное правительство и учредиловская контрреволюция 174
Колчаковская диктатура и валидовщина 182
Переход башкирских войск на сторону советов 185
16. Образование Советской Малой Башкирии 189
Башревком в Саранске 190
Башревком в Стерлитамаке 192
Мелкобуржуазный Башревком и борьба за руководство 193

Стр.

Январские события 1920 года 197
10 дней авантюры или „безвластие“ 207
Под национальным флагом „княжество“ и „монархия“ 210
17. От мелко-буржуазной диктатуры Валидова и его кампании к диктатуре пролетариата 212
Образование Большой Башкирии 215
18. Краткая характеристика и оценка основных этапов в истории Башкирии 216
19. Кулацкий террор 1928—29 года 220

22389